

Сверхновый литературный журнал «Млечный Путь»

Выпуск 8

Содержание:

Ошка Эз	Сонечка К. подозревает...
К'Джоуль и плутовства	Достопочтенный Виртуальная хроника чертовщины
Андрей Силенгинский	Фантомные боли
Виктор Леденев	Победители
Сергей Кузнецов	Террорист
Татьяна Коваленко	Сказка о Лилии и о Великой Любви
Михаил Парфенов	Посвящение в Жены Тьмы

Ошка Эз

Сонечка К. подозревает...

Часть первая

ДО

1

Я запомню эту дату, зарублю ее себе на носу. «28 марта 2003 года», выведу я полудетским почерком на клочке тетрадного листа, вырванного из Темкиной тетрадки. А под датой напишу: День, Когда Я Все Поняла. Потом я зажгу на кухне пахнущую медом с лавандой желтую тонкую свечку – не откажусь от желания окружить себя романтикой даже сегодня – и осторожно опалю края листика, так что они станут слегка каштановыми и волнистыми, а в воздухе запахнет событием.

Я засуну записку в Тору, открыв ее наугад, и наугад прочитаю из нее. Уверена, случайный текст из Книги будет соответствовать духу и правде текущего момента, как он всегда чему-то соответствует. Свечка медленно истечет крупными восковыми слезами, отбрасывая мятущиеся тени на потолок и стены и образуя у подножия старого

серебряного подсвечника тусклую застывающую лужицу. Сумеречный свет от чахлого пламени будет пробираться, крадучись, к потолку, легкий ветерок из раскрытого окна подхватит колеблющийся дымок и унесет в ночь, вверх, к загадочному живому глазу луны и затем, наверное, дальше вверх и вверх, в самое ухо моего еврейского Бога. Но я все же постыжусь написать в той записке всю правду: сегодня, на стыке пятницы с субботой, мне открылось, какую душой я была все это время, почти весь предыдущий год!

Пару дней назад я купила сынишке биноклярный микроскоп за целых двести шекелей, почти как настоящий, на батарейках. Все для того, чтобы мой сын смог удовлетворить хоть на какое-то время свое детское любопытство. В магазине, в очереди у кассы, я вдруг вообразила, как запикиваю под микроскоп всех, кого я так хотела раскусить. Меня интересовали мозги, я бы подвергла их какому угодно анализу, залезла бы прямоком в головы, чтобы все разведать на месте. Простофиля! Я подозревала кого угодно, кроме настоящего преступника. И еще, с дотошностью вытаскивая разные бесполезные сведения из всех, кто, по моему мнению, был способен рассеять туман в моей голове, я и подумать не могла, что истина лежит в полушаге от моей кровати.

Невзирая на приближающееся начало субботы, я позвонила моему религиозному следователю, думала, теперь-то он мне поверит. Куда там. Он заметно раздражился и повторил то, что я уже слышала аж месяц назад: «Полиция ведет расследование, но уже ясно, что это было чистое самоубийство», «Нет, дело еще не закрыли, по ходу следствия осталось кое-что выяснить» и «Вам все сообщает своевременно». Ну, а то, что я чего-то, непонятно чего, боюсь, что ж, это объяснимо, с дамочками такое случается. И при моем-то истеричном состоянии: Он посоветовал мне обратиться к врачу. А про себя, конечно же, добавил: «И оставь нас в покое. У полиции и без тебя, чокнутой, дел по горло!».

Вот я и решила все записать. Все, что узнала за последний месяц, и, главное, то, что поняла сегодня. И если со мной что-то случится: Да, я собираюсь послать мои записки по почте на собственный домашний адрес. Если успею. Это будет умно. Если меня убьют, то коллеги моего идиота-следователя поймут, какой он был чванливый и толстый индюк. Чертов бюрократ!

Прошло чуть больше двух месяцев с тех пор, как Володя покончил с собой. Повесился у себя в магазине. Полиция провела обыск на месте происшествия, но не нашла ничего подозрительного: ни следов насилия на его теле, ни следов борьбы, никаких бумаг, компрометирующих моего мужа, никаких угроз в его адрес. Счета были в порядке, налоги платились исправно. На столе в его «кабинете» следователь обнаружил прощальную записку, придавленную пепельницей полной окурков, Володя оставил ее для меня и, наверное, для полиции: «Соня, береги себя и Темку. Прости. В моей смерти никто не виноват. Только я сам:». Не верю. Никакого объяснения его поступку нет.

Я слишком хорошо знала своего мужа, чтобы поверить в самоубийство. Володя был патологически мнительным. Это было смешно: здоровый, высокий, сильный – не помню, чтобы когда-то подхватил хотя бы насморк – он мыл руки по сто раз на день и спал на диванчике в гостиной, когда я кашляла или чихала. Его преследовал вечный страх болезни и смерти. И вместе с тем, Володя был жизнерадостный мужик, любивший в первую очередь себя, а потом уже все остальное: рыбалку, компанию друзей, пиво, спорт и секс. Нет, не мог такой человек, как Володя, вдруг взять и засунуть голову в петлю. Его убили. Я с содроганием представляю себе, как кто-то, кто был заинтересован в Володиной гибели, силой заставил его подняться на нестойкую табуретку в забитом хламом «кабинете» – по сути, в подсобке – и...

Какие причины бояться за себя?

Недавно меня сбил мотоциклист. У самой кромки тротуара. Я выскочила с работы на почту, чтобы оплатить счета за квартиру, и как раз перебежала узкий малоллюдный

переулочек, когда мотоциклист, видимо, врезался в меня на полном ходу. Позади парня сидела еще и девушка. Нашлись свидетели, которые видели происшедшее с находящейся неподалеку остановки, видели, как мотоциклист поднял свою девушку с земли, развернулся и уехал. Мне сказали, несчастный случай. И полиция, и врачи меня так в этом убеждали, что я им поверила. Почти. Теперь понимаю, зря. Я и раньше кожей спины чувствовала: за мной следят. Особенно в последний месяц. Но сегодня я узнала КТО ОН. Он убрал Володю и теперь хочет добраться до меня. Потому что я слишком много знаю. За это ведь убивают, не так ли?

2

Порой я спрашиваю себя, если бы в то время, когда мы с Володей еще только встречались, я призналась бы ему, что я – еврейка, женился ли он на мне? Может быть, нет, и это было бы к лучшему? Я бы не осталась сейчас – в свои двадцать восемь лет – вдовой. Он узнал об этом после свадьбы. Потом я ему говорила, что была в него так влюблена, голову потеряла от любви, не думала ни о чем, кроме него. Хотя мой папа, он всегда говорил, что скрывать свое еврейство – не гордо. Я и не скрывала. Я забыла сказать. До Володи я всем ухажерам исправно это сообщала на второй или третьей встрече. Чаще всего, они громко удивлялись и заваливали меня сомнительными комплиментами, типа «ты – такая красавица, така-ая блондинистая,– это твой натуральный цвет, неужели? И ты совсем не похожа на еврейку». Каждый последующий – я знала всю песню уже чуть ли не наизусть – очень хорошо относился к евреям, его лучший школьный друг был евреем, и он никогда не рассказывал анекдотов про евреев. И чаще всего, уже через неделю-две, я сама бросала очередного кавалера.

Я всем говорила, а вот Володе не сказала. И он всю нашу совместную жизнь своим и моим друзьям рассказывал, как ловко я его провела. Но при этом добавлял, что он в любом случае на мне бы женился, «потому что свою Сонечку любит». Ха-ха! Конечно, он ошибался в том, что кампания по одурачиванию была провернута осознанно, но, наверное, где-то в глубине моей души таилась неуверенность. А я в Володю действительно была влюблена по уши. Почему? Непонятно. Ведь не было в нем ничего от того романтического рыцаря, интеллигентного и красивого, как Бог, с рюкзаком за спиной и гитарой в руках, которого я, рано или поздно, должна была встретить. Однако позволяла Володе обнимать меня на задней площадке автобуса, позволила увести к нему в комнату в общежитии, где он жил с еще тремя парнями, и зацеловать до того, что губы мои опухли. Помню, как однажды – мы обнимались с Володей на автобусной остановке – какой-то дядька лет сорока задал дурацкий вопрос: «Вы любите друг друга, да?» Он нас смутил, глупый старый дядька, застал врасплох. Я вообще плохо соображала, что со мною происходит. Мы днями напролет лежали на Володиной койке в общежитии и целовались до одури и не только, у меня кружилась голова, мне казалось, что я вот-вот потеряю сознание вместе с остатками здравого смысла оттого, что проделывал со мной Володька.

Но я удержала его руку, которая пробиралась ко мне за трусики. Мои рефлексы работали на автомате.

Володька удивленно воззрился на меня.

«Ты – девушка?», – спросил он.

«Нет», – ответила я. И это было правдой.

«Почему же ты отказываешь мне? Тебе ведь того же хочется, не так ли?»

И тут он выдал эту фразу, заезженную всеми с кем я встречалась до него. После нее его шансы добиться чего-то от меня снизились до нуля.

«Сонечка, ты мне, конечно, очень нравишься, но надо же проверить, подходим ли мы друг другу в постели».

В каком кино, у какого героя они все заимствовали эту жуткую фразу?

Я сказала ему, что мне надоели недельные, ни к чему не обязывающие, романы и я в него слишком влюблена, чтобы согласиться на еще один такой. Если он меня не любит, пусть честно убирается сейчас, до того, как у нас с ним случилось что-то по-настоящему серьезное. И еще добавила: «Разве я тебе сделала что-то плохое?»

Он не нашелся, что ответить.

Тогда, в мои двадцать с небольшим, я уже знала себя, знала, пусть лучше уйдет сейчас, чем потом, когда я буду страдать и терзаться угрызениями совести, обзывать себя дурехой, которой в очередной раз только воспользовались и бросили. Я знала, что потом буду валяться пару месяцев в кровати из-за Володьки и ничего-ничего не хотеть. Если бы Володя мне так сильно не нравился, я скорее уступила бы, заранее зная, что наши отношения не будут долгими. Разве с тем, кем не очень-то дорожишь, мечтаешь о вечном романе?

Он исчез на неделю. Потом пришел и предложил мне выйти за него замуж. Я согласилась сменить свою редкую, но подозрительную фамилию «Жак» на распространенную и не вызывающую сомнений «Королева».

Я сама – коренная томичка. Мою бабушку эвакуировали в Томск из Харькова во время войны, ей тогда было тринадцать. После войны она познакомилась с бабушкой, когда гостила у родных в Харькове, и обратно в Томск они приехали вместе. Дед мой служил в Польской армии, в Советский Союз бежал с территории Польши из немецкого плена в тридцать девятом году, подкупил какого-то фрица золотыми часами и выдал себя за поляка. Он был не похож, к счастью, на еврея. Вся его семья погибла в Варшавском гетто – отец с матерью, шесть братьев и две сестры. Так что у бедного дедули не было ни в Харькове, нигде в другом месте, ни кола, ни двора. Он только что демобилизовался из красной армии, и ему было все равно куда ехать. В Томске бабушке с бабушкой дали комнату в общежитии, при университете, в который поступила бабушка. Потом они построили свой дом. Дед до старости говорил по-русски с акцентом. И я в первом классе диктовала ему диктанты и ставила двойки.

Володя после школы, не пройдя по конкурсу в Москве, успел в то же лето поступить в Томский политехнический. Он хотел увезти меня после свадьбы в Москву, хотел, чтобы мы жили с его мамой. Мы поехали к ней в гости, и из общения с этой женщиной я поняла одно: ей в кошмарном сне не могла присниться невестка-еврейка. Так что на переезд я не согласилась. В Томске у меня был домик, хоть и с удобствами во дворе, но свой. Родители умерли рано, переписав дом на меня. Мой родной брат жил тогда в другом городе. Это сейчас мы все собрались в Израиле. Дом в Томске продали, он не стоил многого. Квартиру в Москве Володя перед отъездом сдал, а мама его теперь здесь, в Израиле.

Вначале у нас с Володей все шло прекрасно. Это потом начались придирки. Володе не нравилось, как я готовлю борщи и мою полы. Он не выносил вида пятнышка на стене и обзывал меня неряхой, пришивал оторвавшиеся пуговицы к моим кофточкам и учил чистить картошку.

Володя обвинял меня в том, что я его женила на себе, что все мое поведение до замужества было чистый шантаж с моей стороны и, если бы я тогда с ним переспала, еще неизвестно, женился ли он на мне. В конце концов, сама призналась, что девочкой не была. Этот вопрос – сколько у меня было до него мужчин – не раз всплывал потом в нашей семейной жизни, особенно, когда мы ссорились. В сущности, Володя был очень консервативен во всем, и в постели тоже, скучен и однообразен, его не интересовало, что чувствую и думаю я. Я бы ему изменяла, он этого заслуживал, если бы была иначе устроена. Изменять просто так, ради измены, это ведь неинтересно, секс приносит удовольствие далеко не со всяким. Я говорю только за себя. Мужчины кончают все одинаково (как утверждал Володя), каждая женщина переживает свой оргазм по-своему.

Я так и не призналась Володе в своих прежних романах. «Рассказывать особенно не о чем», – отмахивалась я от расспросов. И это было почти правдой. Но мне уже тогда казалось, что ходит по земле кто-то, с кем мне было бы много лучше, и я жалела, что дала себя обмануть сиюминутному увлечению и женским инстинктам. Володя был не мой человек. Во всем. Его мнительность была последней каплей в море моего терпения.

Помню, как примерно за месяц до убийства – да, я упорно называю это убийством, хотя ничего не доказано – у Володи вдруг сильно начали лезть волосы. Мужчины рано или поздно лысеют, не так ли? Каждый, наверное, по-разному и в свой срок, в зависимости от генетики и влияния окружающей среды. Но что-то я не встречала в своей жизни мужчины, принимающего это естественное явление так близко к сердцу.

«Да, волосы везде, на коврах, в ванной и в постели. Ну, и что? Оба твои дедушки тоже рано облысели. Неужели и они так расстраивались? Наверное, так и должно быть», – сказала я Володе, обнаружив его застывшим посередине спальни с клоком собственных волос в руке. Неподдельный ужас и слезы, вот что я увидела в его глазах. Слезы! Но по-настоящему он взорвался, когда я предложила ему сходить к врачу.

«Ты хочешь, чтоб я умер?» – заверещал Володя, брызгая слюной. «Ты хочешь, чтоб меня зарезали живого и оставили остывать мой труп на операционном столе?!».

Я вздохнула. Да, маху дала. Не надо было ему про врачей. Знала же, что он их, как чумы боится.

«Не убивайся так, я сейчас все быстро приберу!», – успокоила я Володю, хватаясь за пылесос...

И когда, 26 февраля, в среду – месяц назад – этот толстенький следователь в круглых очках, с круглым животиком и круглой кипой на круглой лысине сообщил мне, что с Володей ему все уже совершенно ясно, я ответила, что не верю. Не верю, это не могло быть самоубийство и точка. Слишком Володя боялся умереть, чтобы совершить такое над собой. Слишком любил жизнь. Так и вижу его, следователя, с застывшим возмущением в туповатых, заплывших жиром глазах.

Жизнь распорядилась странным образом: раз полиция не желала заниматься обстоятельствами гибели моего мужа, я решила взять дело на себя. Я хотела знать, кто заставил моего жизнелюбивого мужа влезть в петлю. Даже если это стоило бы мне жизни. В конце концов, из нас двоих я всегда гораздо меньше цеплялась за жизнь. И посмотрите, до чего я дошла! Своим глупым, глупым расследованием я только все еще больше усугубила и усложнила. А главное, подумать только, именно убийце, не кому другому, я докладывала все свои подозрения и догадки, с неизбежностью паровоза двигаясь к сегодняшнему дню, когда все стало на свои места. Я теперь знаю, кто убийца. Тем хуже для меня. Он тоже знает, что я знаю.

3

27 февраля, в четверг, на следующий день после моего визита в полицию я уже звонила Паше. Причины подозревать его были. Когда их с Володей совместный бизнес развалился, Паша остался должен нам деньги. Володя мне, конечно, говорил об этом, и я даже как-то спросила у него о сумме, но он только отмахнулся, как всегда, и сказал: «ОЧЕНЬ МНОГО». Володя меня считал полной дурой в делах и, наверное, правильно считал.

Деньги никогда меня особо не занимали. Когда они были нужны, я шла к Володе. Какую бы сумму я не попросила, она всегда имелась в кармане его брюк. Все наши денежные дела были в руках у Володи. У меня даже своей кредитной карточки не было. После его смерти я долго не могла взять в толк, кто же теперь будет добывать для меня деньги в банке. И пока я научилась пользоваться кредитной карточкой, ее, как минимум, раз шесть глотало. Я шла забирать свою карточку в наше отделение банка с нервной

дрождью, заранее представляя себе пренебрежительно-вежливую улыбку на лице банковской служащей, в который раз устало мне втолковывающей, что если код три раза подряд набран неверно, то карточку глотает, так и задумано. Но если руки дрожат от страха всякий раз, когда подходишь к каспомату, то не так уж и сложно попасть мимо клавиши! Запомнить код – сочетание из четырех цифр – оказалось мне не по силам. Я прятала бумажку с кодом в свой кошелек, набитый старыми квитанциями, и в нужную минуту никогда не могла найти ее. Да, если кто-нибудь вздумает читать эпитафию над моей могилой – если меня все же убьют – он с трудом упустит из речи три мои основные черты: рассеянность, близорукость и неумение приспособиться к сегодняшней жизни.

Так вот Паша. Да, Паша. «Выудить деньги у Паши мне, вряд ли, удастся», – думала я, – «Не такой он человек, не фраер. Для него люди, возвращающие долги, фраеры. Не знаю, на что рассчитывал Володька, когда давал ему деньги. Такой жадина, как Паша, вполне мог прибить из-за денег».

Паша с Володей были напарниками по бизнесу. Они открыли свой магазин, собирали компьютеры и продавали их. Называлось это громко: компьютерный бизнес. Собственно, какой там магазин! И какой там бизнес! Так, сарай, в котором пылились остовы старых компьютеров и слепые, черные экраны. Они искали связи и склады, где можно купить подешевле и клиентов, которым весь этот хлам можно было сбить подороже. И то и другое было в дефиците. Так что в магазине вечно пахло пылью и убытками. Стали они партнерами благодаря Нелле, жене Паши. Володя и Нелла – земляки, из Москвы, когда-то учились в одной школе, даже в одном классе, и – бывает же такое – встретились случайно в автобусе, в Тель-Авиве, через пятнадцать лет.

Мы пригласили ее с мужем в гости, они пригласили нас, а потом наши мужья открыли так называемый бизнес.

Нелла ровесница Володи, ей тридцать два, на пять лет старше меня. Но выглядит она на все сорок. И что Паша, интересный блондин с голубыми хитрющими глазами и длинными ресницами, нашел в своей некрасивой жене? Я не раз убеждалась в том, что женщина и мужчина воспринимают красоту разными глазами. В природе найдется сколько угодно некрасивых женщин, за которыми тянется хвост ухажеров, и красавиц, окруженных одиночеством. И гадать, почему это так, а не иначе, бесполезно, потому что мужчина и женщина – существа с разных звездных систем, им не понять друг друга. Эта пара, Нелла и Паша, только подтверждают мою теорию. По лицу, плечам и рукам Неллы, и, наверное, по всему ее коренастому телу бегают крупные, рыжие, как муравьи, веснушки. Голова курчавая и тоже рыжая, забита всякой дрянью: сверхъестественными способностями, мистикой, курсами какой-то рейки и астрологическими прогнозами. Этим Нелла зарабатывает на жизнь.

Когда-то во время родов ей переливали кровь и заразили гепатитом С, какой-то жуткой формой желтухи, самой опасной, как она говорит. Об этом Нелла рассказывает охотно, взахлеб, потому что, как считает, именно вместе с гепатитом С и перенесенными в вонючем советском роддоме страданиями в нее влилась мудрость из космоса. Нелла – бывшая спортсменка, всегда казалась мне сильной, практичной и основательной, стоило только взглянуть на волевою линию ее рта и тяжелый подбородок. Нет, Нелла не способна на разные охи и ахи, такую не проведешь (я сама себе кажусь много тоньше и ранимее.) Может быть, как раз эти качества Неллы и держат Пашу рядом с его женой.

Наверняка, детка Паша чувствует себя в надежном прикрытии при такой бабе. Паша мне сам признался, что не раз бывал на мели, он по природе своей игрок, легко увлекающийся и легко все бросающий. Любящий сладости и женщин инфантильный эгоист. Что прикажете женщине делать рядом с мужиком, которому не очень-то можно доверять? Правильно, самой стать «мужчиной».

И все-таки, она мне неприятна. Ну, что за манера, за чашкой кофе с пирожными – это в

первую же встречу – во всеуслышание заявить, что с моей острой сексуальной неудовлетворенностью надо что-то делать, иначе будет поздно?! При своем муже и, особенно, при Володьке. Она готова была мне в моей «проблеме» помочь. Ясно, Нелла просто испытывала меня, как потенциального клиента. Но этот дурак Паша, ее муж, вдруг стал ржать, мне подмигивать, Володька насупился. Кончился тот вечер нашей с Володей ссорой. И я не уверена, что Нелла все это не подстроила нарочно... То было давно, на заре нашего знакомства, и с тех пор я не раз говорила Володе, что эта пара мне не нравится. Несмотря ни на что, мы встречались «дружной» семьей за одним столом, «в интересах дела», как говорил Володя...

Мне было противно им звонить, но ведь и надо было всего лишь договориться с Пашей о встрече. Хотя, в глубине души я знала, что разговоры с Пашей бесполезны. Нет смысла объяснять почему, и так все понятно.

К телефону подошла Нелла, выразила соболезнования по поводу: и добавила в спич, как в суп, мою загубленную сексуальность...

С Пашей мы встретились в пятницу.

Он пришел поздно вечером – Темка уже спал – и сразу, как всегда, отправился на балкон выкуривать свою коричневую и тонкую сигарету, Нелла курит такие же. Я поплелась следом. Сигареты – сближающий фактор в общении, я всегда это говорю и всегда выкуриваю сигаретку за компанию, хотя и не курю.

Потом я готовила для Паши растворимый кофе фирмы Элит, плюс три ложки сахара, плюс что-нибудь приторно-сладкое. В морозилке было припасено мороженое – мой Темка любит Тилон с орешками – выудила и это. Принцип: лишь бы было сильно сладко. Я держала в памяти две Пашины слабости – сладкое и женщин. Я старалась ему угодить изо всех сил в тот вечер хотя бы в сладком. Но все равно, когда я ему сообщила, что Володя не покончил с собой, а его убили, ложка с тортом замерла у самого его рта, челюсть отвисла. Паша поперхнулся и покрутил пальцем у виска. Улыбку смыло с лица, как пыль дворником, с ветрового стекла.

– Глупости, – отрезал он, – У Володьки не было врагов, которые решились бы его замочить. Ты – не в себе, кисонька.

– Скажи, Паша, ты Володе должен какие-то деньги, не так ли? Ты их вернул?

При этих моих словах его красивое, полноватое – Пашу не назовешь толстеньким, но это не за горами – лицо, будто даже осунулось. Я удивилась, как быстро Паша может выпасть из радости в горе. Мой вопрос его явно огорчил, просто потряс, васильковые глаза наполнились подозрительной влагой.

– Сонюшка, солнышко мое. Я о тебе, кстати, не так давно вспоминал. Вот только вчера собирался звякнуть, а ты уже позвонила. Ну, ты же знаешь, как я к тебе отношусь! – Паша смотрел честными глазами прямо мне в глаза.

Я моргнула.

– Как ты ко мне относишься? – спросила я, и голос мой слегка дрогнул, хоть я и старалась удержаться:

– А ты не знаешь, лапушка? Будь я тебе должен хоть что-то, разве не вернул бы? У тебя нет денег? Хочешь, одолжу?

– Спасибо, не надо, – буркнула я. – Просто мне кажется, что Володю мог замочить кто-нибудь, кто, например, должен ему деньги.

– Ах! – Паша в ужасе схватился руками за щеки, выбритые до синевы, подбородок задрожал, – Что ты говоришь, Соня! Ты хочешь сказать, что Я УБИЛ ВОЛОДЮ?!

Я замаялась. Почему-то стало вдруг ужасно стыдно. Что я за человек? В тот момент, я уже жалела о том, что в чем-то заподозрила Пашу. Как я могла? Мне казалось все глупостью: и то, что я вообразила про долг, и про убийство. Ну, разве Паша, лучший Володин друг и честный парень, мог не вернуть долг, если бы он существовал? Раз

Володя мне ничего не сказал, не написал, то, наверное, никакого долга давно нет. И я зря подозреваю Пашу.

Какая я дура! Как я легко поддаюсь на гипноз! Ну, какой Паша – честный парень? Знаю же, знаю, а поддалась! Но губы у Паши буквально дрожали от обиды. Мне было неудобно!

Когда я, наконец, встретилась с Яном, то поняла, что неудобно, это когда ботинки жмут. Что Паша врал.

4

8 Марта, суббота. Я знаю чудесный ресторанчик, там относительно недорого. И рыба, и шуарма, и салаты, и чипсы, все хозяин делает как-то по-особенному вкусно, все всегда свежее. И еще, мне нравится, как и что там поют и танцуют.

Ян Гительмахер – мой друг, не Володин. Он был, конечно, и Володе другом, раз он – мой друг. Мы познакомились давным-давно, моему сыну Темке было всего семь дней, и у него вдруг поднялась температура. Нам повезло, мы попали в то же отделение и в ту же палату больницы Тель-а-Шомер, куда за день до того Ян привез своего сына. Когда я вошла в палату, Ян лежал на полу рядом с детской кроватью, на матрасе – вот чем щедро обеспечивают родителей в израильских больницах. Мы с Яном дежурили возле детей по очереди, ели по очереди и спали по очереди всю ту неделю. С тех пор мы срослись с ним душами, но я забыла, что Ян – мужчина.

Я знаю, что нравлюсь Яну. Он развелся с женой лет десять назад, еще в Москве, откуда приехал, так и не женился, бывшая жена его с ребенком живут где-то в Гуш-Дане. Ян мне тоже всегда нравился, чуть-чуть. Но не настолько, чтобы... Я это разъяснила ему еще в начале знакомства, так что была честна.

– Сонечка, жаль, встретились поздно, нам бы познакомиться, когда мы были еще подростками. Думаешь, я бы тебе не понравился? – спросил он.

– Ты мне и сейчас нравишься, – ответила я почти правдой.

Ян для меня всегда был, как брат. Между нами много общего, он мне кажется страшно умным, много знающим, я с ним всегда советуюсь. Это был его выбор, не смотря ни на что, продолжать со мной дружбу. Его женщины – у него их, возможно, немало – меня не занимают. Ян – невысокий, изящный, до сих пор выглядит мальчиком, не смотря на свои тридцать пять, и все при нем. Вот Володьку красавцем никто бы не назвал, в школе его жиртрестом, наверное, дразнили. Хотя он на самом деле, был просто очень-очень большой и сильный. Атлетическое телосложение, вот. Нос слегка приплюснутый, переломанный в бойцовских поединках, борьбой еще до армии занимался. Глаза маленькие, серые, жесткие. Не знаю, в чем тут дело, почему Володька – да, а Ян – нет. Может быть, потому что познакомились мы с Яном в таком месте, в педиатрическом отделении, да и в то время, когда Темка был для меня всепоглощающим интересом.

Ян – очень-очень добрый. Как-то я была у него в гостях, и за те полчаса, что мы пили чай, телефон прозвенел раз двадцать. Все ожидали от Яна понимания и помощи, он никому не отказывал. Мы не успели сказать пару слов друг другу. С тех пор я знала, хочешь поговорить с Яном, уведи его от цивилизации. И попроси выключить мобильник. Интересно, отказал бы Ян женщине в том, в чем отказала ему я?

Но в тот день, 8 Марта, в субботу, я позвала Яна в мой ресторанчик вовсе не для того, чтобы поболтать с ним «за жизнь». Просто Ян был в курсе всех Володиных дел и не раз помогал. Володя Яну доверял больше чем всем своим друзьям вместе взятым. Я надеялась, что Ян что-нибудь да слышал о Пашином долге, и не ошиблась.

Я давно хотела показать Яну этот ресторанчик в старом Яфо, где каждую субботу по вечерам танцуют и поют. Маленький смуглый еврей в вязаной кипе там играет на

скрипке. Девушка – волосы медового цвета рассыпаны по русалочьим плечам – приложив к губам инструмент, похожий на большую раковину, дует в него, нежно раздувая щеки. Тощий черный марокканец бьет в маленькие тугие барабаны. Еще один участник действия занят шестиструнной гитарой и, наверное, подобрать гитариста в ансамбль – дело самое трудное, гитарист каждый раз кто-то новый. В тот день, в субботу, гитаристом оказался юркий солдатик с блестящей от бриллиантина челкой. Роста он был невысокого и смешно, как заводной чертик, подпрыгивал и крутился во все стороны между тощим барабанщиком и девушкой-русалкой.

Поют они по очереди или по двое, на идише и на иврите, и от этих песен мое еврейское сердце щемит.

А иногда в этом ресторанчике звучит восточная музыка и рыжая стройная девушка с высокой грудью и осанкой примадонны исполняет танец живота. Голова ее величаво поднята, одна рука на затылке, другая на бедре. Плоский смуглый живот оголен, в пупке маленькое золотое колечко. Она начинает соблазняющие движения бедрами неспешно, но вскоре убыстряет темп, двигается все живее и живее. «Йаля-а!», – кричат зрители, разгоряченные вином и едой. Чувственный рот танцовщицы приоткрыт, обнажая белые ровные зубки, карие глаза темны от азарта и вожделения. Вихрь танца выхватывает зрителей из-за столиков, влечет их к рыжей предводительнице и кружит в объятиях друг у друга. Совсем молоденькие девочки задорно вихляют попками, парни неуклюже топчутся рядом, дамы постарше смешно трясут телесами. Музыка и движение захватывают меня, и я представляю вдруг, что рядом сидит не Ян, а Он, тот, в кого я весь этот год была тайно влюблена. Алеша. На нем белая вышитая рубашка с открытым воротом, каштановые волосы откинугы небрежно назад. Я, зажмуриваю глаза и вижу, как Алеша встает с места и протягивает мне руку. Он ведет меня в центр зала. Все вокруг удивленно оборачиваются на нас, когда большой, неуклюжий, похожий на медведя, Алеша, танцует в присядку рядом с задорной цаброй. Мелькают в танце маленькие бедра юных израильтянок, облаченных в коротенькие юбочки или в плотно облегающие джинсы...

А потом мы с Алешей едем кататься на яхте. Намаль Яфо. В субботу в порту базар – там продают одежду, украшения, рыбу, креветок, крабов. Над креветками и осьминожками запах тухлятины. На яхточке – 20 шекелей с человека – мы забираемся на самый нос. И вначале у меня немножко кружится голова, я держусь крепко за борт и боюсь свалиться в воду.

По бокам яхты убегает назад вихрем густая пена, белая, как... да, молоко. Море плотное, темно-зелено-синее. Или платиновое? Вот где надо заниматься любовью! Ух, какая я в фантазиях смелая! Ветер – в лицо и в глаза, забывает ноздри запахом соли, водорослей и рыбы. Башни высотных зданий и старинных Старого Яфо нависают вдали над поверхностью моря, как над огромной синей тарелкой. Декорации. Но горячий воздух всамделишен и море качает нас, как на качелях. Пустыня. Только не Сахара, а морская. По всей шири тарелки бегут игрушечные дюны, не песочные, морские, утонуть и тут и там можно. Рыбу в прозрачной воде видно – нашествие. Кажется, и русалку вот-вот разглядишь, и если увидишь, взбрыкнешь вслед за ней, манящей вдаль, хвостом и уплывешь, не зная куда, лишь бы куда...

– Что будем заказывать? – спросил Ян. И я очнулась.

Мы сидели за столиком. По-прежнему пел маленький еврей в кипе, держа неловко скрипку на взлете замершей руки, усы и борода закрывали почти все лицо. Я некоторое время смотрела отсутствующим взглядом на Яна. Интересно, многое ли он смог прочесть в моих глазах?

– О чем ты думаешь? – мягко поинтересовался он.

Мне не хотелось ему ничего объяснять, и я сообразила: надо что-то спросить.

– Тебе нравится здесь? Тебе нравится, как он поет?

– Не очень, – ответил Ян, – Не люблю восточную музыку:

Потом я заказала себе шашлык, а он рыбу. Мы выпили немного вина. Я пьянею быстро. Поэтому когда Ян подлил мне во второй раз, я вылила все содержимое моей рюмки ему в рюмку. Иногда я бываю страшно благоразумна, просто сама себе удивляюсь. Знаю себя, лучше мне не пить. Потому что пьяная я могу вдруг неожиданно для себя заплакать. Или выкинуть что-нибудь такое, о чем потом буду жалеть. Я выпила ровно столько вина, сколько потребовалось, чтобы не чувствовать себя скованно. Мне надо было рассказать Яну о разговоре с Пашкой. Мне надо было поделиться подозрениями с другом. Да, мой старый друг Ян всегда был мне другом не меньше, чем Володе. И ему уж точно незачем было врать.

– Паша дал Володе долговую расписку. Я был свидетелем. Все происходило у них в магазине. Он должен был вернуть деньги в течение года. Был там еще один парень, он может подтвердить мои слова. Правда, парень живет в Москве. Я его встретил впервые и имени не запомнил. Он приезжал в Израиль по каким-то своим делам. Но если ты найдешь расписку, там его фамилия и имя.

Я сказала, что мне не нужно никакого второго свидетеля, Яна достаточно. Я без второго свидетеля Яну верила. Ян кивнул и добавил:

– И в той расписке фигурировала солидная сумма – 40 тысяч долларов.
«Достаточно денег, чтобы убить человека?» – спросила я сама себя.

5

10 марта, понедельник. В моей жизни Алеша появился примерно год назад, в апреле, 2002 года. Володя был еще жив. Я часто влюблялась в своей жизни, раз семь только за семь лет моего замужества и однажды – когда ходила беременная – влюбилась даже во врача-гинеколога, он потом принимал у меня роды. Мои влюбленности не мешали мне, однако, любить Володю и оставаться ему верной, как это ни странно звучит. Ведь никто из тех, в кого я влюблялась, так ничего и не узнал об этом. По мне, лучше помереть, чем услышать: «Нет».

В этот раз дела обстояли, пожалуй, еще хуже, потому что я влюбилась в... буквы. Алешу я видела только на фотографии, и на ней он, кстати, далеко не писанный красавец. Познакомились мы в Интернете, так сказать, на любительской почве, оба любим авторскую песню, у меня есть сайт, я пишу песни и немного играю на гитаре. Вот мы с этим парнем, Алешей, интеллигентно общались около года, и я ничего не сообщила ему о своих чувствах. Все ждала, может быть, он сообщит мне о своих. Но этого не произошло. Наверное, он в буквы, как я, влюбляться не умел. Ему подавай живую женщину. Это и к лучшему на сегодняшний день. Когда Володи не стало, мне было даже совестно за свою дурацкую влюбленность. Я вдова. И должна чувствовать только одно: сожаление по поводу гибели мужа. И немедленно прекратить эти штучки, прекратить быть влюбленной. Если бы я могла...

Алеша был единственным светлым пятном для меня в последнее время. Все остальное стало плохо после смерти Володи. По пятницам и субботам я почти не вылезаю из кровати. На неделе, как только прихожу с работы, валюсь в постель. По утрам с трудом отвожу сына в школу. Меня захлестнула апатия. Все идет с трудом: и обеды, и уборка; посуда в раковине плесневеет годами. Мы каждый день с Темкой опаздываем в школу. Учительница злится. Мне кажется, Темка один такой в ее классе, неорганизованный, просто катастрофа. Но что поделаешь, если у него мамаша такая? Ребенок не виноват.

Алеше я доверяла. Он знал множество моих секретов, тех, что я не рассказала бы никому другому. Ему, как и Яну, я сказала, что не верю в самоубийство Володи и что приложу все усилия, чтобы найти убийцу. Мне нужно было кому-то выговориться. Но,

увы... Алеша только и успел, что написать: «Будь там поосторожнее, Соня», и связь прервалась. Мне и тут не повезло, ведь мой комп собирал такой придурок, как Паша, и зачихнул он в компьютер самый дешевый хлам, все уже по разу ломалось. Он сэкономил даже на клавиатуре и мышке. «Back Space», например, заедает, и, когда это происходит, все, что я уже настрочила, начинает молниеносно стираться, пока я не вытащу из гнезда эту чертову клавишу. Я просила поменять мне клавиатуру и Паша, конечно же, принес новую, той же фирмы. Через неделю клавиша Back Space начала заедать снова.

В самый разгар моей переписки с Алешей отказал модем. Естественно, я занервничала. И позвонила Паше. А к кому мне еще звонить?

Этот шмок пришел после того, как я чуть не оборвала все телефонные провода у них в доме, а Нелла раз десять бросала трубку. В конце концов, она сообщила, что я психопатка и, наверное, у меня что-то не в порядке с щитовидкой, поэтому я такая истеричная и плаксивая. Я ей ответила, что у меня что-то не в порядке только с одним органом – компьютером, который мне собрал Паша. Полгода не прошло, а все летит. И что до моей щитовидки Нелле нет никакого дела, ее задача – просто позвать Пашу к телефону.

– Он спит.

– Это в три часа дня? Разбуди его! Мне позарез нужен Интернет. Немедленно!

– Ты не даешь нам спокойно жить.

– Может быть, оно и так, ответила я, – но гарантия на компьютер еще не вышла.

– Не морочь мне голову, Сонечка. При чем здесь Интернет? Я-то прекрасно понимаю, в чем тут дело.

– В чем? – спросила я.

– Хочешь напрямую? Пожалуйста. В твоих сексуальных проблемах. Заведи себе любовника. И оставь в покое Пашку.

– Глупости, Нелла. Паша обязан мне чинить...

– Что чинить? Голову?

– Я заплачу, – выкрикнула я.

Последняя фраза, видимо, и решила дело.

Мне надо было, чтобы он срочно починил модем, и я решила пока ничего не говорить о долговой расписке и 40 тысяч долларов.

– Мне неудобно тебя все время беспокоить и лучше бы все в компьютере работало без твоего частого вмешательства, – как можно дипломатичнее сказала я.

Паша, улыбаясь игриво, ответил:

– Разве ты не хочешь меня больше видеть у себя, Сонюшка?

Он нежно потрепал меня по затылку, но когда рука его скользнула вниз и задержалась у меня где-то пониже спины, я еле сдержалась, чтобы не двинуть ему между ног. Он обзывал меня разными сладкими и липкими прозвищами, ел сладкий торт, причмокивая, и потом долго курил на балконе, рассказывая что-то про стриптиз и смеясь над своими анекдотами. Я должна была оказывать гостеприимство, курить и смеяться вместе с ним, время от времени, непринужденно сбрасывая его лапу с моей...

«Черт с ним. Переживу, – зло думала я. – Лишь бы он уже уселся за компьютер».

Я поняла, с ним что-то случилось. Но не сразу врубилась. Лишь потом сообразила, Нелла доигралась. Муж ее столько раз слышал о моей невостребованной сексуальности, что, наверное, проникся «сочувствием». Если бы они знали, как мне хотелось Пашу убить! Одним взмахом клавиатуры!

Да, когда он поменял, все-таки, модем – в третий раз за полгода – и Интернет заработал, я не выдержала. Ведь так и так хотела все ему выложить. Я сказала Паше, что все знаю про долг в 40 тысяч и про долговую расписку, знаю от Яна. Потребовала деньги назад. И не только. Но Паша только рассмеялся, прямо мне в лицо.

– Вот значит, оказывается, зачем ты меня к себе позвала, лапушка. А я-то думал... Уверен, – заявил он, ты не знаешь, где лежит эта расписка. Но дело даже не в этом.

И Паша сказал, что они с Неллой собираются в Канаду и там их ни израильская полиция, ни назойливая Соня не достанут.

– А насчет твоих подозрений, Сонюшка, чтобы ты спала спокойно, знай, у меня твердое алиби. За день до того, как Володя покончил с собой, мы с Неллой уехали к моей маме в Москву. И вернулись через неделю. Есть свидетели.

6

В тот день, шестнадцатого марта ранним утром, выскочив с работы «на секундочку», чтобы оплатить счета за квартиру, я думала именно о Паше по дороге на почту.

Ночью прошел дождь. Тротуары были мокрые, но без луж. Когда я вышла из автоматически открывающихся стеклянных дверей нашей черно-белой, как шахматная доска, высотки, дождь опять накрапывал. Но я решила не возвращаться за зонтиком, так как солнышко выглянуло из-за облаков, это был мой любимый слепой дождик. Облака уносило ветром куда-то на юг, а, может быть, на север, не скажу точно, в частях света я путаюсь, так же как и с «право» и «лево». Я пронеслась мимо любимого кафе – пахло настоящим черным кофе и сдобными булочками – и, вспомнив, что с утра крошки во рту не держала, я решила заскочить на обратном пути в «Лехем Тошия», там продают всегда свежие и вкусные бейгале...

«Уверен, ты не знаешь, где лежит эта расписка», – вспомнила я Пашины слова, произнесенные накануне. «Откуда у него такая уверенность?» – гадала я, – «Неужели расписки уже не существует? Сумел каким-то образом ее уничтожить? Как она могла к нему попасть? Скорее всего, у Паши простой расчет на мою растяпистость и неделовитость, они с Неллой, несомненно, считают меня девушкой не от мира

сего. Так оно и есть, конечно, я не от мира сего», – призналась я сама себе, – «А может быть, все-таки, Паша просто брал меня на понт (так, кажется, говорят уголовники)? Боится меня, но и петушится, делает вид, ведь если я найду расписку, то тогда не только деньги надо будет возвращать, но и: он станет подозреваемым номер один в деле об убийстве. Хотя, что же это я? У Пашки с Неллой алиби, их не было в Израиле в то время, когда Володя повесился. Значит, просто не хочет деньги возвращать. И кто же, все-таки, убил Володю, если не Паша?» Очевидно, потому что это были мои последние мысли, они так хорошо запомнились мне...

Хорошо еще, что я провела свою рабочую карточку и отметила время выхода, не то и на работе были бы неприятности. Ведь туда в тот день я больше не вернулась. Иногда, когда я спускаюсь вниз на пару минут, то не провожу карточку и даже секретарше на выходе ничего не сообщаю, хоть и должна. Почему тогда провела, даже не знаю. Интуиция. Хотя, хороша интуиция, велела мне провести карточку, но промолчала про «наезд». Чертова интуиция! Нужна она мне такая? Лучше бы я вернулась за зонтиком! На нашей центральной улице всегда чересчур оживленное движение, и всегда много людей, они по утрам бесконечным потоком выгружаются из автобусов на расположенной неподалеку от нашего высотного здания автобусной остановке. Но эта узкая и кривая улочка, на которую я свернула, чтобы сократить время, всегда тиха, темна и нелюдима. И контраст между шумной, оживленной жизнью проезжей дороги и тишиной маленькой улицы всегда оглушал и тревожил меня. Так мне сейчас кажется.

Собственно, мотоциклиста не помню. О нем мне рассказали позже, в больнице. Зато помню удар в точку чуть ниже спины, после которого небо резко опрокинулось, зато асфальт стремительно приблизился и боднул меня в лоб, я тут же почувствовала во рту вкус крови. Еще помню, что перед самым падением я инстинктивно выставила руки

вперед, но они тут же подогнулись, не выдержав веса тела, пальцы как обожгло, но это предварительное движение руками все же спасло мою голову от серьезного уцербра.

Когда я очнулась, у меня сильно бола голова, нос распух. Увидев окровавленные кончики своих пальцев с содранными до мяса ногтями, я чуть не хлопнулась в обморок во второй раз. Я плохо понимала все, что происходило вокруг. Меня сильно тошнило. Голоса, смутные лица санитаров, суета вокруг себя – все сейчас припоминается, как из сна.

То небольшое, запомнившееся, потом насильно прокручивалось мною в голове помногу раз, и во сне тоже, и всегда, как бы, в замедленной съемке. Почему-то хотелось увидеть лицо мотоциклиста, который будто бы наклонялся надо мной, что-то всплывало смутно из тьмы, но, черт, после того удара: у меня в мозгу будто перегорели разом все пробки.

Собиралась ли вокруг толпа, кто помог мне подняться, и спрашивали ли меня о чем-либо, не помню. Я не помню лиц людей вокруг, не помню, во что эти люди были одеты. Хотя, говорят, я даже отвечала на вопросы.

Странный это был день. Не уютный день. Иррациональный мотоциклист вместо того, чтобы вызвать скорую, подобрал свою девушку и умчался на всех парах прочь. Медсестры и врачи заполняли какие-то анкеты, спрашивали о самочувствии, приносили таблетки и делали мне уколы. Все это страшно утомляло. Неохота было рта раскрыть лишний раз. Мне вкололи болючую вакцину против столбняка и сделали снимки всех моих костей и головы. Я позвонила на работу. К счастью, обошлось без переломов. Меня продержали несколько дней из-за ерунды: небольшого сотрясения мозга и пары наложенных швов. В Израиле в больницах долго не держат, даже после операции, и это, по-моему, правильно. Если ты собираешься продолжать жить, то больница, как и тюрьма, место для жизни некомфортное.

Да, у того, кто убил Володю, оказались длинные руки, теперь я знаю это. Он сам или его люди устроили мне непродолжительный отпуск, правда, не где-нибудь в Эйлате, куда давно мечтала поехать я, а в больнице Ихиллов. Но, наверное, они тоже чего-то недоучили, не спланировали, как хотелось бы, ведь им все же не удалось упрятать меня на каком-нибудь из действующих кладбищ Израиля.

7

28 марта, пятница. Все то время, пока я была в больнице, Темка находился у няни. Она его водила в школу и из школы, кормила и поила. Ужас, я с ней не рассчиталась бы. Но наша добрая няня Тоня не взяла с меня денег за сверхурочные. Я вышла из больницы двадцатого марта, в четверг, и на следующий же день отправилась на работу. Сама отвела сына в школу, и впервые за долгое время мы с Темкой не опоздали, так как я решила начать жизнь сначала. Вчера вот даже оплатила просроченные телефонные счета, те самые, и сегодня должна была положить их на место. А куда, на место? Володя был аккуратный, все бумажки рассовывал по папочкам. И я захотела продолжить эту добрую традицию, хотя знала, что легко мне это не дастся. Правда, где все его папки лежат? Я стала искать.

Почему я была настолько не в курсе дел, черт побери? Естественно, по закону подлости, перевернув вверх дном все шкафы в квартире, я нашла то, что искала только к вечеру. И удивилась Володиной непоследовательности, это так на него было не похоже. Папка лежала в нижнем ящике платяного шкафа, предназначенного для обуви, у нас в спальне, в полушаге от кровати. Я всегда считала, что в этом ящике хранится старая обувь, и не заглядывала в него ни разу с тех пор, как Володя ее туда забросил. Я открыла этот ящик по наитию, потому что больше нечего было в доме открывать. Есть еще антресоли, и, наверное, если бы я не нашла эту папку здесь, то полезла бы туда.

Как странно, Володя выкинул всю старую обувь из ящика без моего ведома и положил туда документы. Я вложила оплаченные счета в папку, на которой аккуратным Володиным почерком было выведено «квартирные услуги». Но в том же ящике для обуви я обнаружила еще одну папку, на ней крупно выведено: «Магазин». Там я и нашла долговую расписку на 40 тысяч долларов, подписанную Володей, Павлом, Яном и – имя и фамилия очень разборчиво в скобках, рядом с подписью – Алексеем Тимофеевым. От неожиданности мои руки задрожали и папки, которые я держала у себя на коленях – сама я сидела на полу, упершись спиной в шкаф – упали на пол. Бумаги ворохом вывалились из папок, разлетелись по спальне. Я ползала по полу, изучая бумагу за бумагой. В конце концов, рядом с моей пяткой оказался лист с гербом Российской Федерации и печатью. Я поднесла его к глазам. Это был договор на продажу Володиной квартиры в Москве. Володя продал свою квартиру год назад и мне ничего не сказал. Скрытный, оказывается, был Володя. Я пошла искать очки. Покупатель – Алексей Егорович Тимофеев. Алексей Тимофеев подписывал долговую расписку, а Алексей Егорович Тимофеев купил Володину московскую квартиру. Тот, с кем я целый год общалась в Интернете, тоже Алексей Тимофеев. Совпадение?

Не может быть таких совпадений. Он знал, что я жена Володи. Целый год знал. Еще, он знал множество моих секретов, тех, что я не рассказала бы никому другому. Тот, кого я считала другом, оказался предателем. Это он все подстроил. Вот когда я поняла, что мотоциклист наехал не случайно. Меня хотели убить. Я слишком много знаю!

Алеша Тимофеев. Как я раньше не догадалась?

Зачем ему понадобилось убивать Володю? Насчет меня все ясно, я сама сказала Алеше, что буду искать убийцу Володи, чего бы мне это не стоило. Неважно, осуществил ли он убийство своими руками или через наемных киллеров – я встала на его пути. На меня и сейчас охотятся. Меня все еще хотят убить. Как я этого не понимала раньше?

Знал ли он, где я живу и где работаю? Ни адреса своего, ни номеров телефонов я не давала в Интернете. Алеша никогда не был у нас в доме, а Володя про него ничего мне не рассказывал. Долговую расписку они писали в Володином магазине. И Володя, какие бы отношения у него не сложились со своим покупателем – его-то я знаю – не стал бы совершать нелепых, ненужных поступков. Зачем ему давать адрес офиса жены покупателю его квартиры? Логичнее предположить (если они с Володей все же были хорошо знакомы), что Алеша мог знать наш домашний адрес. Но Алеша не знал наш домашний адрес, и не был с Володей на короткой ноге, иначе «наезд» случился бы около нашего дома, а не у здания, где расположена моя контора. Значит, Алеша все-таки как-то узнал адрес моей фирмы. Как он нашел меня? Ведь чего я ему никогда не говорила, так это названия своей фирмы, и имени Института.

Я перестану общаться с Алешей по Интернету. Я не буду отвечать больше на его письма. Я предупрежу охранников внизу, в вестибюле нашего здания, что если какой-нибудь мужчина, высокий шатен лет тридцати, вдруг вздумает меня искать, то я здесь уже не работаю. Уволилась. И секретарше я тоже строго накажу, говорить всем, у кого есть русский акцент, что Соня здесь больше не работает. Пусть, пусть крутят пальцем у виска. И охранники и секретарша. Мне плевать. Лишь бы он меня не нашел. Да, я перестану отвечать на его письма, на его электронную почту. Электронная почта: Кажется, я начинаю понимать: Алеша знал мой рабочий e-mail! Я была такая дура, что дала в Интернете свой рабочий e-mail. Ну, да: sonia_k@eitan.shlesinberg.co.il. Берите все, кому не лень! И так как у нашей фирмы «Eitan Shlesinberg & Partners» есть сайт в Интернете, – а я ведь об этом прекрасно знала – на сайте указаны и адрес, и телефоны фирмы...

Да меня можно было легко вычислить через любую поисковую систему Интернета!

Вот тогда-то я и зажгла на кухне свечку, пахнущую лавандой и медом. И положила в Тору записку, в которой писала, что все поняла, а потом долго смотрела на круглую

холодную луну за окном. Я позвонила следователю и сказала ему, что за мной следят и хотят убить. Что «наезд» был не случаен.

«Что ж, это вполне объяснимое явление, с дамочками такое случается», – тяжело вздохнул в трубку следователь, «У тебя истерика. Советую обратиться к врачу. Никакая опасность тебе не угрожает, гверет Соня. Пей валерьянку с пассифлорой и спи спокойно».

Я легла на холодный пол. Сколько я так лежала? Мне хотелось плакать, слезы душили. Хотелось вырвать свое сердце из груди и рассматривать его долго и внимательно со всех сторон: что же это за чудо такое, мое сердце, почему оно причиняет мне столько боли, невыносимой боли? Оно мне мешает в груди, заставляет так по-идиотски принимать все вокруг себя, так не по-взрослому. И не позволяет мне даже расплакаться. Мне хотелось, хотелось взять все три пачки снотворного, тридцать таблеток, которые лежали у меня в аптечке – мне выписала их семейный врач от бессонницы – и выпить все, одну за другой. Тридцати таблеток, наверное, хватило бы, чтобы умереть. Я представляла, как давлюсь ими, насильно запивая водой. Я представляла, как мое маленькое, глупое и одинокое сердце бьется, как птица, у меня на ладони.

Я перевернулась на живот и легла так, чтобы мой лоб касался холодного пола. Мне казалось, что если холод подберется к сердцу и остудит его, мне станет хоть немного легче.

Кто-то коснулся моего плеча. Это был сын, Темка.

– Мама, ты плачешь?

– Нет, – сказала я, сообразив, что могу напугать сына.

Если я что-то сделаю с собой, это будет предательством. Какая разница, как матери бросают сыновей, то ли они убегают от них с чужими дядьками, то ли добровольно уходят в объятиях смерти, это предательство по отношению к детям. Непростительное предательство. Я не хотела быть предателем.

– Я не плачу, что ты, – повторила я, и ведь не врала, слезы были, но внутри, глаза были сухие, как выжженная пустыня.

И поднялась с холодного пола. Темка, как будто бы почувствовал, что-то не в порядке.

Он обнял меня своими худенькими нервными ручонками, обнял так крепко, что мне почти нечем стало дышать, прижался ко мне всем маленьким телом и сказал порывисто:

– Мама, я тебя люблю. Очень. И я тебя никогда не брошу.

Мне стало стыдно.

Я включила тихую музыку и уложила его в постель. Темка любит слушать песни семидесятых. А может быть, это я люблю слушать песни семидесятых? Я ставлю ему Шарля Арнавур и «Индийское лето» Джо Дассена, «Последний летний день» Поля Мария и мои любимые «Шербургские зонтики». Перед сном Темка смешно коверкая слова, пытался петь по-французски. Когда он заснул – было уже около двенадцати ночи – я включила компьютер, зашла в Интернет. Алеша был on-line, как я и предполагала, переговаривался с какой-то Ритой из Канады. Я влезла в их разговор и вела себя, как ребенок. Он не знал, кто с ним разговаривает, я не назвала себя. Я обзвала его отморожком. Но ведь это – правда, он и есть отморожок. Реагировал он холодно и вежливо, даже не матерился, чего я все время ждала от него, я знаю, сегодня в России матерится девяносто девять и девять десятых процентов мужского населения.

– Чего вы добиваетесь, мадам? – строго поинтересовался Алеша.

– Хочу довести тебя до белого каления, старый глупый дядька, – ответила я.

Потом мне было стыдно за себя. И главное, не стало легче. Он подумал, что это балуется какая-нибудь девчонка. Так и есть, я – глупая девчонка. Старая девчонка, не старше моего Темки. В моем возрасте оставаться девчонкой – уже нелепо и стыдно. Еще в институте моя преподавательница Елена Петровна говаривала мне, когда я вела себя совсем уж по-детски: «Строишь из себя маленькую? Ладно, Соня! Ты еще молода. Веди

себя, как ребенок, пока еще можно. Сейчас это выглядит даже мило со стороны. Но подумай, как ты будешь смотреться, когда тебе будет двадцать пять, тридцать, сорок, пятьдесят? Нелепо! Взрослей, милая!» Да, я – идиотка, странная для всех, непонятная самой себе, не от мира сего девчонка. И способна на одни глупости.

Потом я смотрелась долго в зеркало, изучала себя голую.

Когда я уже была в кровати, то подумала, пусть я ошибалась, пусть была дурой, он меня не любит и никогда не любил. Пусть. В природе существует два Алеша. Один – настоящий и чужой, я его не знаю и не понимаю. Вторым в моем воображении – теплый, нежный и ласковый. Я буду вести себя так, будто у меня есть любовник! Неважно, что его нет! Я вздохнула. Вот было бы здорово, если бы я была очень богатой женщиной. Купила бы настоящему Алеше билет на самолет, привезла бы его в Израиль и кормила бы в своем любимом ресторане в старом Яфо. Мы бы сидели друг напротив друга, я бы на него смотрела и молчала. А он бы, наверное, ел и говорил, говорил умно, длинно. И маленький смуглый еврей в кипе пиликал бы что-то безмерно восточное на полированной, отливающей янтарем скрипке. Неважно, что настоящий Алеша не любит. Я – богатая, и он бы старался мне угодить. Я бы его кормила в ресторанах – чтобы еще больше растолстел. А сексом бы – ни фига – заниматься не стала бы. Как такая мстить за нелюбовь?

Потом я уснула...

Часть 2

ПОСЛЕ

Я начала свои записи, описав все, что случилось до двадцать восьмого марта 2003 года и, по идее, должна была закончить этой датой.

Ведь казалось, все в деле с Володей вот-вот встанет на свои места. Но как выяснилось, точка в этой истории еще не поставлена...

1

30 марта, воскресенье.

На работу мне к девяти утра, а было уже около девяти. Я торопилась, бежала к автобусной остановке, когда в соседнем доме вдруг пропел петух. Мы живем на окраине Тель-Авива, в спальном месте. Раньше здесь была деревня, и до сих пор тут кое-где стоят старые потрепанные коттеджики, у владельцев которых остались сельские привычки.

Темка сидел в классе, и крошечные глазки его учительницы уже не сверлили мои немой привычным укором, не мучили мою совесть. Мы, как водится, сегодня опоздали в школу. «Мне нужно четкое руководство. И четкий график в жизни. Кто его составит?» – думала я. И прокричал петух. И я вдруг заметила небо, голубое и холодное, в белых прожилках тумана. Свет солнца хоть и не грел, но слепил и заставлял жмуриться. Воздух казался разбавленным молоком. Я поймала себя на очень странном ощущении: осознании собственной незначительности, мелкости, и это ощущение, мне, как ни странно, пришлось по вкусу. В этот момент я вновь была маленькой пятилетней девочкой, неважной, незаметной мышкой, для которой вся жизнь вокруг была, как молочный туман, или еще не разгаданный ребус, и которая, кстати, никому не была нужна, чтобы ее убивать. И еще я почувствовала, что все, к чему я всю жизнь неслась, – ошибка. А важно только и именно то, что сейчас поняла: я – маленькая, маленькая, маленькая, так и не выросла, мне так и есть, как было, не больше пяти. Ничего не достигла, ничуть не сдвинулась с места и не узнала больше, чем знала тогда. Все те знания о жизни, которые приобрела, гроша ломанного не стоят. И перед этим миром я – такая же ошеломленная и озадаченная, как и

в детстве, ошеломленная и сонная. Потому что, когда так ничего не понятно, лучше уйти в себя и уснуть. Чтобы все неприятное доходило как сквозь сон. Неуютный холодный сон, который меня не любит, и в котором меня никто не любит, и я никому не нужна, даже своим друзьям и родственникам. Но я во сне знаю, это всего лишь сон, и он рано или поздно пройдет. И эта мысль согревала...

Я опоздала на работу всего-то на каких-то двадцать минут. Это не страшно, уйду с работы на двадцать минут позже. Зашла в наш «кабинет», сумку под стол, быстро включила компьютер. Мы сидим втроем – я, Номи и Мона – в тесной комнатке без окон. Воняющие пылью папки с делами навалены везде, на столах, полках и даже на полу в больших коробках. Тут и архив, тут и наше рабочее место. Летом холодно, зимой жарко. Из-за кондиционера. Я работаю шесть часов в день, Номи – пять, а Мона – сколько хочет. Она сестра начальницы соседнего отдела, который для меня не имеет названия, просто я не знаю, как тот отдел называется.

В нашем отделе патентов нас пятеро: мой шеф, еще одна девушка – адвокат, парень, который пишет под трафарет одни и те же скучные письма клиентам вот уже пятый год, Мона (иврит), Номи (английский), обе они машинистки, и я. Официально я – стажер, и готовлюсь к экзамену по патентоведению, неофициально, просто секретарша босса или девушка на подхвате. Делаю все, начиная от замены шефа, когда он уезжает за границу, до самой сложной работы, требующей высокого профессионализма и приличных знаний в области химии и фармацевтики. Наш отдел занимается интеллектуальной собственностью. Громко звучит, место работы престижное, имя фирмы при знаменитом институте тоже. Наши клиенты – крупнейшие фирмы мира. Красивое лицо фирмы – это для клиентов, грязная изнанка – для нас, тех, кто здесь служит. Крики начинаются с утра. Кричит обычно Шарон, наш административный директор. Сегодня она орала на меня, я пролила на ковер кофе. Зацепилась за гвоздь рукавом рубашки. Почти все после этого по разу ко мне подошли и поинтересовались: «А чего это Шарон на тебя кричала?». В ответ я только отмахивалась от всех, как от мух. Они понимающе кивали головами и отвечали на мой жест одними и теми же словами: «Не обращай на нее внимания, Соня». Как будто я обращала! Мне не до Шарон было, хотя в прошлом я из-за нее достаточно наплакалась. Не выношу, когда на меня кричат. Нет бы наорать в ответ, слезы сами начинают капать. Ну, ее, Шарон, высокую и тощую, как жердь, дефилирующую каждый день по офису в безвкусных вульгарных платьях, с декольте и открытой спиной, купленных в самых дорогих бутиках Телль-Авива за полторы – две тысячи шекелей. Ну, ее нашу начальницу, похожую больше на мадам из массажного кабинета, нежели на административного директора солидной международной фирмы, сегодня я, наконец-то, не испугалась ее жутких воплей, так как думала о чем-то более насущном для меня.

Охранникам все, что надо сказала еще внизу, как только пришла. Секретарша меня выслушала внимательно и тут же, как только я вышла от нее, побежала рассказывать девчонкам новость: «Соня с ума сошла!». Ну, и ладно. Будем жить дальше. Пока живется. Я вздрагивала при каждом телефонном звонке. А телефон у нас в комнате, как обычно, трещал, не переставая.

– Тебе должны позвонить, Соня? – спросила Мона.

– Нет. Но если позвонят и попросят меня, то я здесь не работаю.

Обе, и Мона и Номи, вытаращили на меня глаза. Но никто не попросил меня в этот день к телефону.

2

31 марта, понедельник. Надо же такому случиться, встретила по дороге домой Неллу. Мы иногда сталкиваемся на остановке около мэрии. Но ей на пятьдесят пятый, она живет

в Гиватаим, а мне на девятый – в Тель-Авив. Нелла, всегда, похоже, рада встрече со мной, рот ее не закрывается, пока не перетрет все новости из космоса или, – это альтернативная тема – про своих бывших любовников. Меня всегда удивляла ее способность откровенничать с первым встречным, я-то ей точно не близкая подруга. Даже хуже. Неужели такой псих-психолог, как Нелла, не чувствует, что она мне неприятна? Всем про своих любовников рассказывает?

Про Леню Корецкого я уже слышала в наши предыдущие встречи на этой же остановке. Нелла с ним встречалась до замужества, еще в Москве, но, как я понимаю, она поддерживает дружеские связи почти со всеми своими бывшими, устраивает их судьбы и продолжает заботиться о них. С Леной все совсем просто, он теперь тоже живет в Тель-Авиве.

– Слышала новость? – спросила меня Нелла, – Я устроила Леню в Каньоне, в книжный магазин. Знаешь, какие связи надо иметь для этого?

«Хм, слышала, как же, только вчера по радио передавали: Нелла устроила Леню в книжный магазин. У нее связи», – съязвила я про себя. А вслух вежливо спросила:

– Как поживает твой Корецкий?

– Все о'кей!– Нелла задумчиво посмотрела на меня и добавила, – Соня, ты имей в виду, эту фамилию и это имя нельзя упоминать у меня дома.

– Почему? – удивилась я, – Неужели Пашка тебя ревнует к твоим бывшим поклонникам?

– Я с Леной встречалась и после замужества, милая.

– Ты что же, мужу изменяла?! – задав этот дурацкий вопрос – а он вылетел раньше, чем я сообразила, что же спрашиваю – я почувствовала себя последней идиоткой. Ну, в самом деле, какое мне дело до Неллиных измен?

Неловкая пауза затянулась, и я (мало было всего вышесказанного) еще и глупо хихикнула.

– Изменяла и изменяю. И тебе того желаю, – холодно ответила Нелла.

Надо было прекратить разговор, я и так стояла уже вся пунцовая. Но такой ее ответ вдруг задел меня и почему, я в тот момент не осознавала.

– Спасибо, не хочу. Придержи твои добрые пожелания при себе, – сухо ответила я. Но тут же спохватилась, ведь так по ханжески осуждающе звучали мои слова, и потому – смущению моего не было предела, честное слово – добавила, как будто обязана была сморозить еще одну глупость:

– А я мужу не изменяя-ала.

Нелла посмотрела на меня, как на настоящую дуру.

– Слушай, Соня. Ты, прям: как девочка, строишь из себя невинную, честное слово. Ну, я тебе больше ничего рассказывать не буду, раз ты так.

Подъехали наши автобусы. Один за другим. Мне хотелось перед Неллой за что-то извиняться, почувствовала я себя ужасно, вот и поперлась следом за ней в ее пятьдесят пятый.

Нелла, увидев, что я за ней плетусь, как глупый теленок, сказала тоном, каким разговаривают с неразумным ребенком:

– Тебе не туда, Соня. Твой автобус приехал.

– А мне сегодня не на девятый, а на пятьдесят пятый, – «нашлась» я.

– Так что я от тебя не отвяжусь сегодня?– вскипела Нелла.

– Да, ладно, я пошутила, Отвяжешься. Пока.

Всю дорогу домой, уже на своей девятке, я обдумывала нашу беседу и никак не могла понять, почему мой язык иногда ляпает, прежде чем я подумаю. Так глупо все получилось. Мне было стыдно за себя, ведь выставила себя полной ханжой. Потом я задумалась о том, почему некоторые женщины так легко и просто изменяют? А я, по-

сумасшедшему влюбленная в Алешу, не могла ему в этом признаться целый год. И я вдруг позавидовала Нелле, ей так легко дается то, на что я просто не способна. Вот почему меня так задело ее холодное: «изменяю и тебе того же желаю».

Разве в течение моей всей супружеской жизни мне не представлялись случаи изменить? Сколько угодно. Вот хотя бы Ян, бедный Ян, которого я превратила в свою подружку.

«Ладно, оставим эту тему, «– сказала я сама себе и добавила: «Лучше извинись перед Неллой за те глупости, которые она от тебя услышала. Объясни ей, что ты ничего плохого не подразумевала. Ну, тоже мне, ангел непорочный, Сонечка. Ты не изменяла своему Володе только потому, что ни в кого из тех, кто к тебе клеился, не была влюблена. Позвони Нелле сейчас же, у тебя ведь есть номер ее мобильного телефона».

Я покопалась у себя в сумочке, и к своему удивлению нашла Неллин номер довольно быстро. Но набирала его, внутренне содрогаясь от неприятного предчувствия: объяснение ничем хорошим не кончится.

– Слушаю, – голос Неллы в трубке, – Кто это?

– Нелла, это Соня, – начало было я, – Понимаешь, я хотела бы...

Но Нелла даже не дала мне договорить. Она вдруг словно взбесилась. Рассвирепела. Наверное, ее слышали все пассажиры в пятьдесят пятом автобусе, раз у меня в ухе так звенело от ее вопля. Мне пришлось отставить трубку в сторону, но все равно, я четко слышала ее злой, шипящий голос:

– Ты, маленькая идиотка, дорогая Сонечка. Я никогда бы тебе это не сказала, но ведь напрашиваешься. Так знай, милая, что твой Володька тоже был моим любовником. Я ему нравилась еще, когда мы учились вместе в школе. А уж когда мы встретились здесь, в Израиле, словом, сама понимаешь:

3

7 апреля, понедельник. Телефон зазвонил в четверг, третьего апреля. Естественно, к этому времени все забыли о моей просьбе. В том числе, и я.

Я строчила, как швейная машинка, без остановки, шеф поручил срочную работу.

– Тебя к телефону, Соня, – сказала Мона.

– Кто? – рассеянно спросила я.

– Мужчина. На иврите.

Я взяла трубку:

– Королева у телефона.

Некоторое замешательство и легкий шум на той стороне провода, как будто трубку передали кому-то еще, затем пару секунд слышно было только чье-то дыхание. Наконец-то со мной заговорили, голос – низкий, хрипловатый и приятный. Говорили по-русски, и от волнения я не сразу поняла, что сказали.

– Соня, не кладите, пожалуйста, трубку. Это я, Алеша.

Сердце мое застучало в груди, будто было не маленьким птичьим сердцем трусики, а отбойным молотком. Трубка выскользнула из противно дрожащих рук и повисла на проводе.

– Алло! Алло! Соня! – кричала трубка и, мне казалось, что она, извиваясь, как змея, поднимется сейчас по воздуху и прилипнет к моему уху намертво.

Я схватила трубку с таким омерзением, будто это была кобра, и бросила ее на рычаг.

Телефон тут же затрещал вновь.

– Не берите трубку! – в ужасе закричала я, – Это ОН!

– Кто? Соня, что с тобой? Тебе плохо?

Я обхватила голову руками и сидела так некоторое время, не двигаясь, не слыша

больше ничего вокруг. В голове звенело: бум-бум. Телефон звонил, будто через толстый слой ваты, девчонки по очереди брали трубку и растерянно, как попки, повторяли:

– Соня здесь не работает.

– Как не работает, она только что отвечала! – раздражалась трубка, – Передайте ей, пусть спустится в вестибюль. Там ее ждут.

Потом я услышала:

– Бля!... твою мать! Пиз... – он матерился, господи! Ка-акой ужас!

– Ты – сумасшедшая! – шипели на меня Номи с Моной, – Нас выгонят с работы, спустись к этому типу, пусть прекратит сюда звонить.

– Возьми, наконец, трубку.

Я схватила трубку и закричала по-русски:

– Соня здесь не работает, ясно-о вам?

– Соня, не говори глупости, ладно? И не клади трубку.

– Откуда ты звонишь?

– Из вестибюля, Соня.

– Зачем ты приехал, Алеша? Ты сошел с ума? Я все знаю! Сейчас же звоню в полицию!

– В какую полицию? Зачем? Спустись вниз, надо поговорить.

– О чем? Ты хочешь мне рассказать, как убил Володю? Зачем ты это сделал?

– Что ты плетешь, дура!? Почему не отвечаешь на письма? – голос его стал совсем сердитым.

– Я не дура! Я все про ва-ас знаю, – ответила я дрожащим голосом, – Вы... Вы – предатель, Алеша. Целый год мне ввали.

– Я тебе все объясню...

Алеша узнал мой рабочий адрес именно так, как я и предполагала, через поисковую систему Yahoo. Год назад Алеша приезжал в Израиль и был в Володином магазине. У Володи в «кабинете» висело на стене несколько семейных фотографий, на одной из них была я вместе с Володей и Темкой. От Володи Алеша и узнал, что я увлекаюсь авторской песней, и что у меня есть сайт. Да, он действительно все подстроил, вкрался ко мне в доверие. Только он никого не убивал. Про «наезд» он ничего не знал, а приехал, потому что сходил с ума оттого, что я вдруг перестала писать. Он сказал: «Просто сходил с ума». Да, эта фраза прозвучала так, будто была выдрана из какой-то дешевой мыльной оперы. Но именно она убедила меня. Я поверила.

А сегодня мне на работу позвонили из полиции. Они нашли того мотоциклиста, который на меня наехал. И нашли его, как оказалось, уже давно, через неделю после наезда. Кто-то, кто в утро «наезда» сошел с автобуса и поспешил следом за мной, запомнил номер мотоцикла и, в конце концов, позвонил в полицию. Долго он собирался, но хорошо, что все же собрался. По номеру они нашли мотоциклиста за три дня. Я всегда изумляюсь такой людской наблюдательности. Сама я, конечно же, не запомнила бы номер. Я его и сейчас не назову, когда мне его уже раз сто назвали. В полиции знают и ладно. Главное, тот мотоциклист, юный и прыщавый, удрал, действительно, от страха. Этот безусый лихач, чтобы покрасоваться перед девушкой завернул, не сбавляя скорости на узкую, полуслепую улочку, но никак не рассчитывал въехать на всем ходу в меня. Мотоциклист задержался, пока поднимал с земли свою девушку. Потом он действительно подошел ко мне, мне не привиделось это, чтобы проверить, дышу ли я. Парень сказал полиции, что сбежал, потому что понял, мне ничего не грозит, что вокруг полно людей, которые обо мне позаботятся, а ему не хотелось вляпываться в историю. Ну, да ладно, Бог с ним, хорошо, что его нашли...

И все-таки, следовательно был прав, под дулом пистолета Володю никто не заставлял умирать. Но все же, почему он это сделал?

4.

16 апреля, среда. Начался Песах. Сегодня и завтра я дома. Алеша уже три дня в Тель-Авиве. Взял отпуск на неделю. Скоро ему возвращаться в Москву. И опять я останусь одна. Мы с Алешей и Темкой отпраздновали Канун Песаха. Все тревоги позади, на праздничном столе маца, сладкое красное вино, жареный цыпленок, фаршированная рыба и хрен. Алеше понравился хумус, Темке он нравится давно. Так что рыбу с мацой ела я одна, а они наворачивали питы с хумусом и солеными огурцами.

Есть мне не хотелось. В голове у меня застряла Нелла. Я и раньше подумывала о том, что мой муж мне изменял. Но не была уверена. Только ощущение, интуиция женщины. Он иногда задерживался на работе, или говорил, что задерживается. Сейчас я пыталась отгонять неприятные мысли, но они возвращались. Что-то ускользнуло от меня во всей этой истории с Неллой, что-то важное. Нет, не то, что они с Володей были любовниками. Конечно, ее слова ввергли меня в шок, в состояние ступора. Катаlepsия, так, кажется, это называется. Случается с законченными психами. Это когда не хочется двинуть ни рукой, ни ногой; тебя трясут, а ты не реагируешь; твой ребенок орет тебе в ухо, что давно хочет есть, а ты его не слышишь.

– Мама, ты глухая, Иди к врачу, пусть врач полечит твои уши, – укорял меня Темка в тот день, когда я вернулась домой после встречи с Неллой. А я думала. Я не могла больше думать. Истина, она, оказывается, как скользкий уж, ускользает. Мне надо было что-то вспомнить, и этой мыслью я долго мучилась. Я не знала, что должна вспомнить. И еще, де-жа-вю, как будто все это когда-то уже было, было.

Я пожаловалась на свою память Алеше.

– Оставь все, как есть, – посоветовал он, – Это было самоубийство.

– Но почему?

– Не знаю.

– Я чувствую, что-то упустила. Что?

– Соня, после праздников я помогу тебе разобрать антресоли, а пока забудь все.

– Не могу...

Темка уже спит в своей кровати. Я убираю со стола посуду и краешком глаза слежу за Алешей. Он стоит у окна, смотрит вдаль, в черноту, на так хорошо знакомую мне луну, на фонари на темной узкой улице под нами, на огни многоэтажек напротив нас. Он не курит. О чем он думает? Как бы мне хотелось прочитать его мысли! За те три дня, пока он здесь, я успела хорошо изучить черты его лица, его крупную фигуру, и особенно его ладони, шершавые и теплые, они часто касались меня, моих рук, моей щеки, моего плеча. Я чувствовала силу и энергию его ладоней даже сквозь ткань, и мне казалось, что жизненная сила исходит скорее от его души, нежели от тела. Что-то есть в наших душах, что притягивает нас друг к другу. Мне ведь было уже все равно, если честно, как он выглядит. Когда долго общаешься с кем-то, не видя его, как в Интернете, влюбляешься в душу. Есть люди с красивой душой, а есть люди с душой, от которой воротит. И я этого не знала раньше, до появления в моей жизни Интернета. И в то же время... Да, он именно такой, Алеша, каким я его себе представляла. Наверное, меня привлекают большие грубоватые мужчины, похожие на медведей, с упрямой линией рта, умными серыми глазами и внимательным взглядом. Наверное, мне нравятся властные мужчины с хулиганскими повадками и озорным, даже злым, метко ранящим языком. Мужчины, не растрчивающие себя на красноречие, но прямые и честные в словах и поступках. Мужчины, которые до конца жизни остаются для меня загадкой, я могу понять все что угодно, кроме их мужской души. Таков он Алеша.

Все это от того, наверное, что я предпочитаю подчиняться силе и прятаться за чью-то

спину, большую, как у Алеши. С таким, как он, дурной сон, в котором я нахожусь, уже не так страшен. Кажется, что его можно пережить. Наверное, мою влюбленность можно разложить по полочкам, разобрать по кирпичикам, все объяснить – почему и что – просто, даже банально. Наверное. Кто угодно, кроме меня самой. Я ничего не понимаю. Почему так тянет к нему, с такой несокрушимой болезненной силой? Что это? Колдовство? Он меня заморозил. Наверное, это плохо. Очень плохо. Но я ему ведь не скажу, не признаюсь. Пусть не знает, насколько я подвластна ему, пусть так и останется тайной моя любовь, щемящая заноза, досада в сердце, от которой нет спасения и нет таблеток. Он может делать со мной все, что захочет, а смотрит несмело, робкими, ищущими меня глазами. Не скажу! Нет! Поздно. Ему пора бы уже отправляться в свою гостиницу. Но он не уходит. Я знаю, почему он не уходит. Неужели мне так нравится мучить и себя и его? Со стола сброшены крошки на пол. Тарелка в моей руке. С мочалки, которую я держу в другой руке, капает мыльная жижа на пол. Я стою, руки повисли. Шаг к окну. Чувствую себя, как сомнамбула. Еще один нетвердый шаг. Алеша отвернулся от окна, он смотрит на меня. Трудно даются мне шаги.

– Я хочу тебя, Алеша, – слышу я свой собственный шепот и закрываю собственный рот тыльной стороной ладони. Неужели я это сказала?..

Мне не спалось. Алеша лежал рядом, на боку. Я прислушивалась к его ровному дыханию, я слышала все звуки в этой квартире. Слышала, как посапывал Темка, как капала в ванной вода, и урчал холодильник, как тихо подкрадывалась ко мне темнота мелкими шажками. Повернувшись на бок, изучала Алешину спину, касалась губами его спины и плеч, и Алеша произносил бессвязные фразы и ворочался во сне.

Скучно считать баранов и слонов, когда случается бессонница. Я встала, прошлепала босыми ногами по холодному полу на кухню, чтобы взять в аптечке снотворное.

Я рылась в ящике в поисках бондормина, и не находила. В конце концов, мне надоело возиться, я вытащила весь ящик с лекарствами и поставила его на кухонный стол. Так было удобнее. Я нашла снотворное, отложила его в сторону, затем взялась за тяжелый ящик, чтобы вернуть его на место. Мне что-то мешало вставить его обратно, какая-то физическая преграда в глубине кухонного шкафчика. Я засунула руку и нащупала что-то твердое и прямоугольное у самой стены, чуть пониже того места, куда должен был встать ящик. Это была картонная упаковка незнакомого мне лекарства. Я осмотрела ее внимательно. Очевидно, коробочка когда-то завалилась за ящик и с тех пор так и торчала там внизу, застряв между ящиком и перегородкой. Название лекарства мне ни о чем не сказалось. Я это не покупала, точно. Сколько оно здесь пролежало? Я выдвинула внутреннюю коробочку из упаковки – там, в гнездах лежали две ампулы с мутной жидкостью – инъекции. Остальные гнезда были пусты. Что-то выпало из щели между упаковкой и коробочкой, я успела подхватить хрусткий, пожелтевший лист на лету.

Это была небольшая газетная заметка. Я прочитала ее всю. Статья о гепатите С. Автор называл эту болезнь вторым СПИДОМ, оказывается, передается она, так же как и СПИД, половым путем. Там еще говорилось, что больные этой формой желтухи умирают, рано или поздно, от цирроза печени. Устрашающая информация. Я перевернула листик и вздрогнула. На обратной стороне заметки нервным, так не похожим на ровный размеренный бисер, которым всегда писал мой муж, но все же узнаваемым, его почерком, было написано: «Нелла, прости».

И я вспомнила: Нелла больна гепатитом С.

5.

27 апреля, воскресенье. Праздники Песах прошли. И все это время я не могла ничего

предпринять, потому что поликлиника была почти все время закрыта. Когда я, все-таки, пробилась в регистратуру, мне сказали, что наш семейный врач будет только в воскресенье, после праздников.

Врач подтвердил мои подозрения. С удивлением. «Вы – его жена? И ничего не знали о том, что муж был болен гепатитом С? Сейчас, подождите минутку», – врачу потребовалось время, чтобы найти в компьютере нужные анализы, – «У вашего мужа обнаружили антитела в крови в январе 2002 года. Да, он лечился. Лечение длилось год. Надо ли вам провериться? Конечно, странно, что ваш муж ничего вам не сказал. Кстати, полиция тоже интересовалась результатами анализов вашего мужа. Какая заметка? Глупости. Эта болезнь совсем не такая уж заразная, и не такая уж страшная, нет, не как СПИД. Мало ли какую рекламу в газетах печатают. Я не знаю, что вы там прочитали. Приходите, пожалуйста, я вам все объясню...»

Володя боялся меня заразить, я это теперь понимаю, но и не желал мне ничего рассказывать. Припоминаю все его предосторожности в сексе, которые мне не нравились, и которые он объяснял тем, что пока не хочет еще детей. «Самые надежные средства», – настаивал он, когда я его убеждала: «Мы ведь не случайные партнеры! Стоит мне разок сходить к гинекологу и тебе не надо будет, как какому-то мальчишке, бегать каждые две недели в аптеку!» В ответ он только качал головой.

Володя сам себе колол инъекции интерферона. Первое время его лихорадило, сильно выпадали волосы. Это были побочные эффекты. Но лечение Володе не помогло. Хотя, в состоянии его не наступило и ухудшения. Вероятность излечения была, но невысокая: двадцать пять процентов к ста, как объяснил мне наш семейный врач. Врач не рекомендовал лечение, он предупредил Володю, что оно малоэффективно и, в его случае, когда анализы крови не ухудшаются, нежелательно из-за побочных эффектов. Мне он сказал, что у Володи в последнее время были все признаки нервного срыва, но состояние печени вполне стабильное. Он еще сказал, что Володя мог со своей болезнью прожить до ста лет. Володя сам настоял на лечении. Мой бедный муж трижды прошел биопсию печени.

Нелла. Зачем она это сделала?

6.

28 апреля, понедельник Я ни разу еще не видела, как плачет Нелла. Вначале, я просто обалдела. Железная Нелла, ненавистная Нелла. На кухне, где мы пили чай, было сумрачно. Лампы дневного света, на мой взгляд, придают всему казенный, мертвенный вид и вместо них я включила Темкин ночник, и вокруг него теперь висело желтое светящееся, будто живое, облачко. Где-то за холодильником пели сверчки. Нелла икала, а я поила ее валерьянкой. Но валерьянка помогает, наверное, только кошкам. Я придумала нечто получше, поставила на стол бутылку вязкого миндального ликера.

Я позвонила Нелле сегодня рано утром, перед работой, боясь, что она сбежит куда-нибудь, и я потеряю день. Не дала ей, сонной, толком очухаться, понимая, что если не обрушиться сразу, инициатива перейдет в ее руки.

Так что первое, что я спросила, было:

– Нелла, зачем ты это сделала?

– Что сделала? Сонька, ты опять со своими штучками? – закипела, было, она.

– За что ты убила Володю?

Ответом мне – ее сопение в трубку. Затем, через долгую минуту, тихий, придушенный шепот:

– С чего ты взяла?

– Нелла, нам надо встретиться. Сегодня же. Это срочно.

– Когда?

– Я буду ждать тебя в семь вечера, Нелла:

А ведь я брала ее на испуг. Утром я еще ничего толком не осознала, просто помнила, что Нелла сама больна этой болезнью и сопоставила с тем, что узнала: гепатит С передается половым путем, и Нелла была любовницей Володи. И еще это странное: «Нелла, прости!». Как это понимать? «Прости» в смысле «прощай»? Или «прости» в смысле «прости»? Если принять второе за аксиому, то можно предположить, что Нелла заразила моего мужа гепатитом С преднамеренно.

Но утром я еще не задавала себе всех этих вопросов, просто хотела взять Неллу на abordаж. И не ожидала такой сломленной реакции...

Нелла пришла ко мне вечером подготовленная и агрессивная, решила, видно, подавить меня моим же оружием, напором.

– Соня, ты мне уже вот где сидишь со своими глупостями! – заявила она с порога. Но было поздно. Ее трюк не сработал.

Я не стала показывать ей сразу ту заметку, а спросила:

– Нелла, ты знала, что Володя заразился от тебя гепатитом С?

Вначале она оторопела. Я увидела по глазам, ее раздражает любопытство, откуда мне это известно? Ведь Нелла хорошо понимала, что если бы Володя мне хоть что-то рассказал о своей болезни, я бы с ней на остановках мило не беседовала. Она ответила так, как я и ожидала.

– Нет, Володя мне ничего не говорил. Откуда тебе это известно?

– Последние новости от семейного врача. Он мне предложил провериться.

– Ну, что ж, проверься. Не думаю, что у тебя что-то найдут. Я же не заразила Пашку, он много раз проверялся. Я не заразила никого из своих любовников, – и добавила, – Оказывается, кроме Володи. Не представляю, как это могло произойти.

– Но ты ведь знала, что гепатит С передается, так же как и СПИД, через кровь.

– Соня, у меня была неактивная форма. Я даже ребенка родила здорового.

– А может гепатит перейти вдруг в активную форму?

Нелла отвела взгляд.

– Да, может. Это произошло в прошлом году, врачи тогда предложили мне курс лечения, потому что у меня резко ухудшились печеночные пробы.

– И ты согласилась?

– После долгих колебаний. Ведь шанс на излечение был так мал, двадцать пять процентов к ста, а побочные действия лекарств ужасны.

– Да, знаю.

Нелла воззрилась удивленно на меня, не ожидала такой информированности. И добавила:

– Представь себе, я вошла в число двадцати пяти процентов. Лечение мне помогло.

– Вот как? – я усмехнулась, – Ирония судьбы, зато Володю оно только еще больше прибило, – Вы стали любовниками примерно в то время, когда обострилась твоя болезнь?

– Да, наверное.

– Он знал, что у тебя есть эта болезнь?

– Знал в той же мере, что и ты. Кому какое дело? Все знали. Знали, что я чем-то страшным переболела когда-то давно, вот и все.

И тогда я неожиданно спросила:

– Нелла, за что Володя мог просить у тебя прощения?

Нелла растерянно моргнула глазами, удивленно посмотрела на меня:

– Откуда ты знаешь? Он тебе что-то рассказывал?

– Да, – соврала я.

– Почему же ты все это время молчала?

– Ждала, пока ты сама расколешься. Нелла, зачем ты врешь? ТЫ ЗАРАЗИЛА ЕГО НАРОЧНО?

– Да.

И она заплакала.

И тут меня озарило:

– Нелла, я иду в полицию!

– Что ты им скажешь? Они тебе не поверят, – Нелла вытерла слезы.

Я встала из-за стола и направилась на кухню. Открыла ящик с аптечкой и вытащила из упаковки с интерфероном записку про гепатит С.

Я помахала ею перед носом у Неллы.

– Ты подкинула моему мужу эту ужасную записку про гепатит, когда он уже знал, что заболел! – заявила я, – Ты знала, что он очень мнительный и это его убьет. – Ты его сознательно убила. – Почему ты это сделала, Нелла? – затем я перевернула записку обратной стороной и показала Нелле надпись на обороте – А это ты видела? Он написал: «Нелла, прости!» За что он просил у тебя прощения?

Губы ее мелко задрожали. Она смотрела с ужасом на желтый листок бумаги и тряслась.

– Нет, нет, нет! – закричала она и впала в истерику, из которой мне пришлось вытаскивать ее валерьянкой и ликером. Нелла рыдала, икала и говорила сразу.

– Я не хотела его убивать! Нет! Я не думала, что все так далеко пойдет! Что он возьмет и повесится! Да, я ненавидела твоего Володю! Я хотела ему отомстить! Мечтала, если не заразить, то хотя бы напугать до смерти. Я знала, одна мысль, что он может этим заразиться, могла свести его с ума. Я хотела его помучить, заставить страдать, так, как я страдала, испытать те мучения, которые я когда-то испытала. Пусть по другой причине. Но: Я хотела: Ты знаешь, что это такое, когда крыша едет? Знаешь, Соня? Нет, а я это проходила в своей жизни. Я хотела, чтоб и он ощутил, как это бывает, когда крыша едет... Когда врачи мне сказали, что у меня обострение, я испугалась. Испугалась смерти. И вдруг эта случайная встреча в автобусе, с Володей. Я приняла это за перст судьбы. Почему-то я была уверена, что заражу его. Да, а потом я подкинула ему эту записку, мне все казалось, мала, мало, мало я его помучила. Мне хотелось ему причинить боль еще и еще, вернуть ему все, что я когда-то испытала из-за него: Соня, но я не хотела его убивать, клянусь, я не думала, что он вот так возьмет и повесится!

Я была ошеломлена ее бурным диалогом, мне трудно было выдавить из себя хоть слово, но я должна была идти до конца, раз уж начала.

– За что ты его ненавидела? – заставила я себя задать следующий вопрос, стараясь сохранять хотя бы внешнее спокойствие.

– Я всегда считала себя уродиной. Когда он вдруг в восьмом классе обратил на меня внимание, я воспрянула духом. А Володька, ты не представляешь, ну, не одной мне нравился, короче, – Нелла всхлипнула, – Была такая у нас, Людочка Фролова. Не сказать, чтобы красавица, но... Высокая. Гладкие, светлые волосы, она их еще и обесцвечивала. Выщипанные брови. Развитая грудь. Мальчишкам такие нравятся. Ко мне и раньше в классе относились не особенно дружелюбно. А она, эта Людочка, организовала настоящую травлю.

– Зачем?

– А очень просто. Раньше она на Володьку внимания не обращала, а как начали мы с ним встречаться, он ей вдруг срочно понадобился. Знаешь как это: хочешь отбить парня, унизь при всех соперницу. Люда пользовалась авторитетом в классе, и владела искусством интриговать, как будто родилась с этим. Ей было просто организовать ребят на что угодно. Прикажи она им убить меня, и они бы убили...

Они загнали ее на пустырь за школой, там были девчонки и парни из класса. И они ее избили. Они ее унижали. Прижигали ей руки сигаретами. Говорили, что она должна

терпеть, как партизанка. И смеялись. А она плакала и вырывалась. Держали ее два парня. Людочка ударила ее первая, по лицу, потом уж потянулись остальные. А Володя стоял и смотрел. И ничего не предпринял, чтобы защитить ее. Он смеялся над ней вместе со всеми!

– Предательство Володи убило меня окончательно. Если бы он тогда, хотя бы, не пошел со всеми на тот пустырь. Но он пошел. И когда подошла его очередь, ударил меня, как и все!

Она ничего не рассказала родителям. Она никому не могла рассказывать об этом. Просто на следующий день не пришла в школу. Да, позже она попыталась покончить с собой, выпила уксусной кислоты, ее забрали в больницу.

– Голова была пустая. Я могла лежать часами на кровати и смотреть в одну точку на потолке. Я была не в состоянии учиться, смотреть телевизор, ходить в кино, как раньше, смеяться, радоваться жизни, я могла только думать о том, что они мне сделали. Неотвязные мысли, как мне от них было избавиться? Я плохо соображала, даже плакать уже была не в силах. В голове был пустырь, и они, один за другим, подходящие ко мне, чтобы ударить и унижить. Я видела этот проклятый пустырь, наверное, сотни раз и во сне и наяву, в моих снах дети из моего класса, во главе с Людочкой и Володей, бежали за мной, смеясь и улюлюкая, травили меня, как какое-то животное. Они догоняли меня, наваливались на меня все разом, а когда я падала, забивали мне рот комьями земли, так что я начинала задыхаться, потом копали яму и хоронили меня заживо. А когда я не спала, то представляла их в классе, собирающихся кучками и обсуждающих меня, смеющихся надо мной, смакующих подробности. Эти сны, и во сне и наяву, были самое ужасное, что я испытала в жизни. В какой-то момент я не выдержала, мне тогда уже казалось, все лучше этих ужасных навязчивых снов и мыслей, даже смерть. И я выпила уксус. Но самое смешное, самое непонятное и самое страшное для меня, это то, что на самом деле, никто меня особо не обсуждал. Они легко забыли о моем существовании вскоре после того, как я ушла из школы. Мне и теперь кажется, что они ничуть не пожалели о том, что совершили. Я для них не существовала. Я их не интересовала, я им была совершенно безразлична. Я представляла их всех у своих ног, молящих о прощении, пожалевших и полюбивших меня, принявших меня в свою стаю, плачущих вместе со мною, раскаявшихся. Я не в силах была оторвать взгляд от одной навязчивой точки на потолке, похожей на чью-то жуткую ухмылку, не в силах была не представлять себе их, полные раскаяния и сожаления, любящие меня лица. Володя и Люда всегда были главными в моих кошмарах. Я представляла себе их вместе, у них, наверное, было столько наполненных смысла и жизни дней, и столько еще впереди, а у меня день за днем все одни и те же белые стены моей спальни, а потом и больницы. Представь себе, они потом говорили нашей классной, что просто хотели немножко со мной пошутить. Они не знали, что я окажусь такой неженкой, такой чувствительной, что я все так тяжело восприму. Они говорили, что если бы я так не огрызалась, не кричала и не плакала бы, если бы не была такой мнительной и упрямой, а смеялась бы вместе со всеми (!), все бы кончилось невинной шуткой. «Она сама во всем виновата. Она – сумасшедшая!». Классная убедила родителей, что лучше всего забрать меня из школы. Она и не думала защищать меня. Вместо этого сказала, что я очень неуживчивая, тяжело нахожу общий язык с детьми. Всем им, в общем-то, не очень и влетело. С тех пор я никого из них не видела. Как тебе передать ту мою боль, Соня? Я им ничего не простила. И никогда не прощу. Для них это всего лишь эпизод из детства. А для меня: Мне кажется, что они из меня тогда выпили часть моих жизненных соков, часть моей силы, и если бы не тот случай в детстве, я бы сейчас была другая, увереннее в себе, талантливее, счастливее, живее. Я понимаю, что мои признания интересны, пожалуй, только психиатрам, они бы меня посадили в клетку, и не для того, чтобы помочь или вылечить, а для того, чтобы изучать, как какое-то

мутирующее насекомое. Не смотри, на меня так, Соня. Не смотри. Мне так плохо, так тяжело жить с тех пор: Да, я соблазнила Володю, мы были любовниками какое-то время, а потом я сказала ему о том, что он, скорее всего, от меня заразился. И да, я дала ему прочитать ту записку. В ней далеко не все такая уж правда. Но печатное слово, это нечто, чему Володя всегда железно верил. Володя сам попался в ловушку. Он решил, что лучше ему покончить счеты с жизнью, чем мучиться мыслями о возможном циррозе и умирать от страха. Ирония судьбы, он, тот, кто так боялся смерти, полез в петлю. Одна только мысль, что у него есть эта болезнь, внушала ему ужас. Я толкнула его на это. Но все-таки, Соня, я не думала, что он повесится, клянусь. Я не хотела его убивать...

– Ты сказала Володе, что это твоя месть ему?

– Он сам догадался, – она громко шмыгнула носом, – Спросил меня об этом в нашу последнюю с ним встречу перед его самоубийством...

– И ты ответила...

– Я ответила: ДА. ОТОМСТИЛА...

Нелла порылась в сумочке и вытащила маленький, потрепанный по краям, конверт. Все еще, шмыгая носом, она протянула его мне:

– Его письмо. Почитай. Он написал это перед смертью и отправил по почте. Когда я получила письмо, Володи уже не было в живых. Прочитай, теперь уже можно.

Он просил у Неллы прощения, писал, что прощает ее поступок. И еще, умолял ничего не говорить мне. Ни о его болезни, ни о том, что они были любовниками.

Я представила себе ребят на пустыре, окруживших некрасивую рыжую девочку и мальчика, с такими родными чертами лица, стоящего в очереди, чтобы унижить ее. И мне показалось, что это я, а не Нелла, там, на пустыре, держу круговую оборону одна против всех. Нет слов, чтоб описать то сожаление, ту боль, что переполнили мое сердце. Я всегда завидовала Нелле, бывшей спортсменке, внешне такой уверенной в себе женщине, всегда насмешливой и свысока на всех взирающей. Железной Нелле, как я ее про себя называла, сильной, властной и умной, управляющей своими любовниками и собственной жизнью, так как она этого хотела. Могла ли я только подумать, что за этой внешней броней прячется, как мягкая улитка в домике, душа более уязвимая, чем моя собственная, тонкая и ранимая душа, так и не сумевшая перешагнуть через психотравму, полученную когда-то в детстве? Я то всегда думала, что такие вещи видны на лице, в глазах, в складках губ. Нет.

И еще, я считала, что знаю все про самого близкого мне человека. Про Володю. Он меня любил? Что для него была я, та, от которой он скрывал свой страх, свой стыд, свой провал? Простила бы я ему, если бы он мне все рассказал? Не знаю. Даже сейчас не могу себе представить Володю среди них... Это был кто-то другой, какой-то другой мальчик, не Володя. Володя не мог. Не мог.

И я ошибалась.

Да, мы рыдали на пару с Неллой, мы прикончили с ней ту бутылку ликера. Но и ликер не помог. Я не пойду в полицию заявлять на Неллу. Не смогу. Какой я ей судья?

Эпилог

27 июня, суббота. Последнюю папочку, – в ней были собраны все медицинские документы Володи: анализы крови со штампами лаборатории о том, что у него нашли антитела к гепатиту С, заключения биопсии и выписки из истории болезни – мы обнаружили с Алешей, когда разбирали антресоли. Папка была с сильно опаленными краями. Володя хотел ее перед смертью сжечь, но потом передумал. Только спрятал. Почему он ее спрятал? Было стыдно передо мной? Он воспринял все случившееся, как

кару? Не хотел, чтобы хотя бы при его жизни я узнала, что он заразился от Неллы гепатитом С, что они были любовниками? Володя ведь понимал, рано или поздно я найду эту папку и пойму все. Он оставил мне шанс узнать, после его смерти.

Через пару дней после того, как мы нашли папку на антресолях, мне позвонил следователь полиции и гордо сообщил о том, что ему совершенно точно теперь известно, почему повесился Володя, и что дело закрывают за отсутствием состава преступления.

– Ваш муж был очень мнительный человек, не так ли? Вы сами мне это и говорили.

– Говорила.

– Семейный врач предоставил нам всю необходимую информацию, касающуюся болезни вашего мужа. Плохо, конечно, что ваш муж вам ничего не сообщил. Супруги обычно такие вещи знают друг о друге. Да, мы тоже думаем, что болезнь сыграла свою роль в его самоубийстве. Вам надо обязательно провериться на наличие антител в крови. Вы знаете что-то об этой болезни?

В ответ я что-то неопределенно хмыкнула.

– Пойдите, проверьтесь, Сонечка, обязательно.

– Да, обязательно пойду, – ответила я, – Скоро.

Что еще? Ян изобрел недавно что-то непонятное и суперценное (какой-то вирус) и уехал на какую-то закрытую научную конференцию в США, произвел там фурор и уже вернулся. Но его изобретение и приключения, связанные с ним, это уже другая история...

Паша вернул мне долг, все сорок тысяч. Через полгода они с Неллой уехали в Канаду.

Но все это ерунда, главное, я выхожу замуж за Алешу, и все получается, как в кино. Мне самой трудно поверить в эту сказку.

К'Джоуль Достопочтенный

Виртуальная хроника чертовщины и плутовства

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ, позволяющая нам присутствовать при весьма поучительной беседе Папы Душецелительного с сыном, чьи детские и юношеские годы служат ярким примером становления исключительной личности обыкновенного интеллигентского пошиба.

В тот погожий летний день кабинет Императора представлял собой чистенькую монашескую келью, заставленную массивными книжными шкапами черного неполированного дерева. Кое-где на стенах висели офорты старых мастеров и сами мастера в зарешеченных свинцовых рамках. Около приоткрытого окна, сквозь легкие шторы которого проникал рассеянный дневной свет, находился двухтумбовый письменный стол, заваленный рукописями и древними фолиантами. Рядом располагался старомодный диван, накрытый клетчатый пледом. На диване сидел в стеганом халате Папа Душецелительный и, нацепив на нос пенсне, читал книгу «Жизнеописание святого пустытника Майкла Блаженного, мыслящего не так как все, а по-новому».

Тихо скрипнула массивная стальная дверь, и в кабинет заглянул верный и все понимающий камердинер Жан Жакович Вольтернюк. Близоруко моргая и деликатно покашливая, он устремил многозначительный взгляд своих философско-преданных глаз на хозяина. Тот еле заметно кивнул седой головой. Слуга исчез, и спустя несколько секунд в кабинет вошел принц.

– Здравствуйте, батюшка!

– Здравствуй, сынок! Проходи и садись рядышком. Предстоит долгий разговор о делах рутинных, но исключительной государственной важности.

Христофор сел на скрипучий диван и, забросив ногу на ногу, приготовился слушать.

– Начнем с дел будничных, с дел прозаичных и государственно-бюрократических, – промолвил Папа Душецелительный. – Тебя не интересует судьба мятежников, которых мы с твоей помощью блокировали на Тартаре?

– А что?

– Видишь ли, от этих бунтовщиков вновь начала исходить опасность для трона и империи.

Император вздохнул и, потрепав старческой рукой шевелюру сына, добавил:

– Империя – тяжелое бремя, которое не каждому по плечу. Я уже стар, плешив, философически настроен и остро нуждаюсь в твоей помощи. Пора, мой мальчик, браться тебе за текущие государственные дела огромного политического значения. Вот так-то.

С минуту Император оставался в несколько застенчивом раздумье. Потом открыл папку, лежавшую рядом с ним, взял лист бумаги и протянул его Христофору.

– Ознакомься. Это донесение агента тайной полиции. Кстати будет заметить, одно из многих. Полиция крайне встревожена проявлением повышенной активности сторонников мятежников в столице и в других крупных населенных пунктах, а также в пунктах вовсе ненаселенных, но находящихся под неусыпным контролем спецслужб нашей необъятной и могущественной империи.

Лист бумаги скользнул на колени Христофора. Тот нехотя взял его и углубился в чтение.

Отец, внимательно наблюдая за сыном, заметил выражение досады на лице Христофора.

«Увы, – подумал старик, – политика не делается в белых перчатках. Моему мальчику придется привыкать копать в дерьме голыми руками. Иначе никак не получится... Черт возьми!»

Прочитав полицейский рапорт, Христофор отложил его и молча закурил.

Хотя принц и не любил интеллигентских чистоплюев за их пустое высокомерие и абстрактное морализаторство, оторванное от жизни, но ему трудно было признаться себе в том, что осуждать этих самых чистоплюев гораздо легче, чем от громких слов переходить к кабинетным делам и административным делишкам. И если бы не отец, то в характере наследника престола могли возобладать нежелательные для руководителя крупного ранга черты пассивного созерцателя мирской суеты.

Сегодня во всех школьных учебниках отмечается, что большое влияние на принца оказывал личный пример родителей. Сын видел, сколько сил отдает Император делу народного просвещения, борьбе с заговорщиками и мятежниками, как взыскательно относится он к себе и к своим святым монархическим обязанностям, какую радость приносит ему открытие новых миров и создание новых колоний. Отцовская кипучая энергия, способность целиком отдаваться любимому делу по управлению Великим Альдебараном, внимательное отношение к верноподданным и верномыслящим, скромность на работе и в быту – все это имело огромное воспитательное значение для подрастающего Христофора. Самое строгое отношение к себе, чрезвычайно высокое чувство империалистического долга были в значительной степени заложены у принца с

самых ранних лет отцом.

Воспитывая принца, Папа исходил из педагогических воззрений религиозного демагога, анахорета и поэта Иосифа Забубенного. Император часто читал в узком семейном кругу его вирши. Особенно ему любы были следующие волнительные строфы:

По духу братья мы с тобой,
Мы в искупление верим оба,
И будем мы питать до гроба
Вражду к бичам империи родной.

Христофор чувствовал всеми фибрами и струнами своей пылкой души, своего светлого сознания и темного подсознания, что в эти божественные строфы отец вкладывает весь религиозный пыл и политическую страсть чувствительного монархического сердца.

Редким воспитательным талантом обладала и несравненная императрица. Исключительно приветливая, ровная, домовитая, она никогда излишне не стесняла свое единственное драгоценнейшее чадо, но в то же время умело осаждала его чрезмерную прыть, если таковая имела быть. Ее воспитательные способности были неукротимы и восхитительны. Железной дланью она поддерживала во дворце образцово-показательную дисциплину, идейную чистоту и политический порядок.

Семейная обстановка и условия воспитания были самыми благоприятными для развития ума и характера ребенка монархических кровей. Родители не подавляли, а, наоборот, поощряли его естественную живость и разумно умеренную резвость, деликатно закрывая глаза на некоторые шаловливые проделки своего чада, касающиеся молоденьких фрейлин, когда те голенькими купались в прудах дворцового парка.

Христофор рос морально и физически здоровым, жизнерадостным ребенком. Он был неутомимым зачинщиком различных игр и забав с придворными великовозрастными «мальчишками», роль которых старательно, но довольно бездарно играли лакеи предпенсионного и пенсионного возраста.

Любознательный, он рано научился читать эротические книжки и много времени проводил за ними, разглядывая картинки, возбуждающие воображение и наводящие на философские умозаключения.

Детские и юношеские годы Христофора проходили в обстановке жесточайших поползновений реакционных заговорщиков и отъявленных террористов. Всякое проявление свободной верноподданнической мысли подвергалось преследованию со стороны этих реакционеров архиреволюционной закваски.

Взгляды Христофора в годы его юности складывались под влиянием благотворного семейного воспитания, яркого примера родителей, принадлежавших к самой передовой аристократической интеллигенции, а также под воздействием религиозно-демагогической литературы и соприкосновения с дворцовой жизнью, пропитанной волнительными интригами и сенсационными сплетнями.

Еще в ранней юности Христофор начал пристально вглядываться в окружающую его дворянско-аристократическую жизнь. Искренний, не терпящий никакой лжи и ханжества, он порывает с народными суевериями и мрачными предрассудками, чтобы с головой уйти в идеологию рационализма религиозного просвещения. Толчком к этому была сцена, которая возмутила его до глубины души. Однажды в беседе с графом Хохбуйносом Император сказал о своем сыне, что он не верит в народные приметы, ведьм, колдуний, колдунов и прочий низкопробный сброд. В ответ граф рубанул: «И это правильно, и это хорошо! Но все-таки почаще надо его сечь, чтобы не возникало никаких вопросов о плебейских предрассудках. М-да... Сечь надо, сечь! Сие очень полезно для мышечной конституции... М-да... И все больше по жопе, по жопе!..»

Взволнованным и обеспокоенным выбежал юноша из дворца и в знак своего особого

мнения по вопросу о воспитательном значении розг с радостью сжег любимую книгу «Ведьмин Молоток», а затем с легким сердцем утопил в клозете «Дворцовый домострой».

Мельком наблюдая жизнь, Христофор видел по телевизору и в дворцовом кукольном театре, в какой порой нужде живут некоторые обнищавшие аристократы, какому бездушному обращению подвергаются они со стороны безродной буржуазии.

Он с ужасом вслушивался в рассказы отца о темноте и невежестве нуворишей и плутократов, о бедственном положении мелкопоместного дворянства в дальних провинциях и на далеких планетоидах.

В поисках ответов на волновавшие его вопросы принц часто вслух беседует сам с собой и запоем читает философско-приключенческую литературу вкуче с книгами фантастов-утопистов. Формированию его посконных религиозных убеждений помогают сочинения религиозных ортодоксов, посвященные странствиям пустынножителей, житию столпников и невыносимым искушениям мучеников. Эти же сочинения пробуждают в нем патриотическую ненависть не столько к очень крупной, сколько к исключительно мелкой буржуазии с ее неискоренимым хамством и низкопоклонством.

В столичном университете, где принц пробыл ровно пять лет и не дня больше, он становится деятельным членом дворцового землячества, избирается представителем, а затем и Председателем общеуниверситетского Имперско-Колониального Совета Землячеств.

Неутомимые заговорщики и мятежники, словом, враги народа и всенародного религиозного просвещения насаждали свой сыск и шпионаж в стенах университета, бесцеремонно внедрялись в землячества, чтобы компрометировать их в глазах власти имущих, хотя университетским уставом неучастие в них каралось исключением из высшего учебного заведения.

Несмотря ни на что плохое и вопреки всему дурному, Христофор принимал наиактивнейшее участие и в деятельности своего землячества, и в религиозно-политическом кружке, который тайная университетская полиция скупо характеризовала как кружок весьма верноподданного направления и через своих слухачей-стукачей постоянно предупреждала его членов об угрозах, исходящих от гнусных врагов народа.

Студенты-аристократы столичного университета решительно выступали против отмены облагораживающего и закаляющего волю казарменного режима в их благословенном заведении. Однажды в конце второго семестра они созвали сходку и потребовали защиты университетского устава от искажений в угоду скрытым врагам народа. Принц Христофор был одним из наиболее деятельных участников этого студенческого выступления, в результате чего нажил себе врага в лице инспектора университета, заговорщика, интригана и мятежника, который в своем донесении Люциферову сообщал, что лично видел принца в первых рядах возмущенных студентов, очень возбужденного, чуть ли не со сжатыми кулаками.

Верноподданническое выступление студентов серьезно встревожило заговорщиков, у которых наготове был резервный батальон гангстеров. Они попытались похитить и засадить наследника престола в свой секретный погреб.

На пути во вражеский погреб между принцем и сопровождавшим его заговорщиком произошел весьма примечательный разговор.

– Ну чего вы катите на нас бочку с протухшими овощами, молодой человек? – благожелательно спросил заговорщик. – Ведь мы стенкой на вас пойдем!

– Стенкой, говорите! – гневно воскликнул принц. – Мы развалим эту стенку одним плевком! Да, да, батенька, и не спорьте!

В конспиративном погребе арестованные заговорщиками студенты делились мнениями, вшами, клопами и планами на будущее. На вопрос товарищей, что он думает делать после освобождения из застенков, Христофор надул щеки и выпалил, что перед

ним одна дорога – дорога религиозно-политической борьбы с врагами народа.

Вскоре принц и его товарищи были вполне благополучно и без всяких нервных потрясений освобождены из проклятого погреба благодаря молниеносной атаке отборного отряда агентов по борьбе с идеологическими террористами и чернокнижниками.

Так семнадцатилетним юношей Христофор вступил на путь идейно-теоретической борьбы с врагами империализма и получил первое боевое крещение.

Через несколько дней после освобождения Христофор взял краткосрочный академический отпуск и уехал на горный курорт, где мог отдохнуть после всего пережитого под надежным надзором телохранительной полиции.

Отправив сына на тщательно охраняемый курорт, Император долго не мог успокоиться и поднял на ноги все спецслужбы. Перепуганный директор Департамента полиции направил начальнику курортного жандармского управления строжайшее указание усилить телохранительный надзор за принцем, чтобы не допустить покушения на его жизнь со стороны наигнуснейших врагов империи.

На курорте Христофор усердно изучал религиозно-догматическую, общественно-политическую, экономическую и эротическую литературу, специально подобранную для него цензорами.

Позднее он вспоминал в письме к отцу: «Кажется, никогда потом в моей жизни я не читал столько, сколько во время моего пребывания на горном курорте в кругу прехорошеньких горнолыжниц. Вначале я читал запоем, а после обеда любил не менее запойно крепкобедрых прелестниц. При всем при том мои занятия были строго систематизированы – вначале чтение, потом плотские утехы. Помимо научно-академической литературы, я изучал книги по половой проблематике, гигиене половой жизни, читал журналы «Современные сексуальные игры», «Отечественные записки гетер», «Вестник с полового фронта» и, разумеется, газету «Имперский курьер».

Около полугода Христофорушка пробыл на курорте, а осенью вернулся в университет, где вступил в один из кружков легальных религиозных экономистов, находящийся с разрешения университетского начальства на конспиративном положении. Начальство резонно опасалось разгрома кружка научными экстремистами и политическими бунтовщиками, как это уже случалось не раз в прошлом.

По условиям конспирации члены кружка не общались друг с другом, фамилии не назывались, ограничивались кличками. Злободневные научные темы и проблемы рассматривались заочно с помощью зашифрованных объявлений в университетской многотиражке.

То было великое время, когда религиозно настроенная интеллигенция находилась под сильным идейным влиянием дворянско-церковного народничества, лидеры которого смело утверждали, что капитализм в империи Великого Альдебарана – явление наносное, но не случайное. К этому присовокуплялось, что путь к всеобщему благоденствию лежит через дворянско-церковную общину.

Органически не переваривая мелкую буржуазию в лице фермеров-мироедов, торговцев мелким скобяным товаром и цирюльников, промышленяющих знахарством, Христофор тем не менее скептически относился к иллюзиям дворянско-церковного народничества, возлагающего кое-какие надежды на колеблющихся плутократов. Он ищет непроторенные пути развития империи и ничего не находит, кроме давно проторенных автобанов научно-технического прогресса.

Годы пребывания Христофора в университете были заполнены упорной работой по овладению теорией модного религиозно-экономического проповедника Карлы Марлы. Он тщательно изучает и конспектирует главный труд Марлы «Капитальное богатство и как с ним бороться», в котором красиво вскрывались классовые корни мелкобуржуазного стяжательства и ниспровергалась тлетворная идеология мелкобуржуазной буржуазии.

Христофор был целиком захвачен великими идеями Марлы, неотразимой логикой и глубиной его научных выводов.

Таким образом, с самого начала своей сознательной жизни альдебаранский принц Христофор стал убежденным сторонником философски насыщенного марловского учения о неизбежном создании могучей в своей потенции и свободной от мещанских предрассудков империи в космическом масштабе, о величественной исторической миссии рыцарствующих монахов-аскетов, которым нечего терять, кроме своей власяницы. Восемнадцатилетний наследник престола и заманчивых идей тогда еще смутно, но интуитивно верно понимал, что самой прогрессивной социальной группой являются странствующие монахи-меченосцы, которым от природы принадлежит руководящая и направляющая роль в глобальном историотворчестве.

В будущей биографии принца летописцы напишут: «Он был одним из первых и самых талантливых имперских марловцев, творчески овладевшим истинным и единственно верным учением, убежденным и пламенным пропагандистом идей научного созидания вселенской империи раскрепощенных монахов, вооруженных воистину судьбоносной и меченосной идеологией».

После университета Христофор некоторое время старательно валял дурака, волочился за фрейлинами, городскими модисточками, флиртовал с салонными аристократочками, а на досуге, опохмеляясь пивком и покуривая пахитоски, обдумывал теорию Марлы и ее неотразимое влияние на самые просвещенные умы прогрессивно мыслящих альдебаран.

Потом начался мятеж Люциферова, и последовала та знаменитая карательная экспедиция к Тартару, которую формально возглавил принц Христофор, подстегиваемый и подгоняемый наиболее передовой космополитической теорией Марлы.

Все это теперь кажется ему сущей ерундой по сравнению с диктаторскими обязанностями будущего монарха и теократа.

Он вздыхает и вопросительно смотрит на отца.

– Я знаю, о чем ты думаешь, чадо мое, – дребезжащим голосом произносит Папа Душецелительный, хмуря свое чело. – Мол, опять грязная политика и никакой чистенькой теории политэкономии... Все это я уже испытал на собственной шкуре...

– Да, отец, вы абсолютно правы, – грустно соглашается Христофор, покачивая ногой. – Головой я понимаю сколь сложна и противоречива жизнь в этом мире, но мое романтическое и сердобольное сердце...

– Я был таким же пылким романтиком, сын мой. У каждого возраста имеются свои идеалы и свое понимание вечных истин. Но философствовать мы будем позже. Я пригласил тебя в свой кабинет не токмо философских бесед ради. Ты должен быть посвящен в мои грандиозные планы и заботы, которые скоро станут твоими.

– Я готов внимательно слушать и повиноваться, отец.

– Эти слова меня несказанно радуют. Так внимай же мне! После нашего славного подавления мятежа враги народа и трона вынуждены под страхом суровой кары скрывать свои смехотворные убеждения и всецело извращенные симпатии. Многие из них ушли в глубокое духовное подполье. Режим самой строгой конспирации, воцарившийся в поредевших рядах бунтовщиков, усложнил работу тайного сыска. Но со временем полиция приобрела необходимый опыт и сноровку по разоблачению замаскированных паскудников. Публично было объявлено, что за утайку сведений об этих ублюдках, за нежелание сотрудничать с полицией гражданам любого сословия и звания грозит отлучение от неписаных прав верноподданных, и они будут лишены возможности апеллировать в какие-то бы ни было официальные инстанции с ходатайством вернуть им утерянное чувство комфорта и самоуверенности.

Христофор знал об этих суровых и крутых мерах, хотя в беседах с отцом избегал затрагивать щекотливые вопросы, касающиеся отклонений от некоторых

основополагающих статей имперской Конституции. Только в последнее время он с раздражением и горечью начал осознавать, что академическая философия совершенно неуместна в оценке будничных реалий.

– Донос, – продолжал Император, – такая же древняя форма социального общения, как и анекдот. Две враждебные головы на одном царственном туловище, называемом империей. В империи доносительство всегда приветствовалось и поощрялось. Эта политика – не дань чьим-то капризам, а следствие организационной структуры любой империи, где в управлении государственной жизнью преобладают сложные иерархические связи.

Папа Душецелительный был необыкновенно тонким и на редкость изобретательным политиком новой исторической закваски с врожденной прагматической жилкой умелого государственного администратора. Иногда он надолго уходил в тень, напоминая о себе верноподданным только загаженными мухами портретами скромной величины, висящими в присутственных местах на самом видном месте, и затертыми афористичными лозунгами о благах конституционной монархии. Порой же он бесцеремонно приостанавливал действие статей или всей Конституции, мужественно брал на себя диктаторские полномочия и начинал с бешеной энергией строчить грозные указы, регулярно устраивать пышные военные парады, заканчивающиеся громоподобными фейерверками и показательными казнями врагов народа на базарных площадях. В его распоряжении были и другие формы эффективного управления массами. Император не терпел догматизма и косности в руководстве государством. Поэтому и степень значимости доносительства оценивал в зависимости от складывающейся политической конъюнктуры.

Несколько лет тому назад им был отдан секретный приказ полиции всячески поощрять деятельность доносчиков самых разных категорий. Отныне жандармские офицеры должны были клятвенно заверять доносчиков в том, что их имена никогда и ни при каких обстоятельствах не будут обнародованы. По мнению Императора, такая клятва имела большое воспитательное значение, ибо доносчику частенько грозила самая лютая смерть от рук политических и уголовных преступников. Нарушители клятвы карались самым жестоким образом, вплоть до отсечения болтливой языка с последующим разжалованием в профосы самой низшей категории.

Знал ли все это Христофор?

Всего не знал, но о многом догадывался, когда предавался утонченным размышлениям о сермяжной правде посконного альдебаранского существования. Ему ведомо было и то, что после подавления мятежа под предводительством несносного Люциферова широкое распространение в империи получили тайные трибуналы. Деятельность их не афишировалась, хотя и не скрывалась. Расчет был на то, что слухи и неопределенная информация о существовании такого рода трибуналов заставят многих прикусить не в меру длинные и слюнявые языки.

Только очень редкие смельчаки отваживались с противной дрожью в голосе говорить о том, что обвиняемых в политических преступлениях и антипатриотических настроениях сразу же помещали в секретные тюрьмы тайной полиции, расположенные в темных недрах городских канализаций. Основанием для этого служили, как правило, заурядные доносы и авторитетные свидетельства ассенизаторов, туалетных работников и дворников. Если же совершенно достоверная информация исходила от тайного агента или управдома, то являлась вполне достаточным и весомым доказательством безусловной виновности обвиняемого во всех смертных грехах.

Для соблюдения некоторых обязательных формальностей и выполнения статистической отчетности оставалось только убедить мерзавца или мерзавку признать себя виновным или виновной хотя бы в одном маленьком, но антигосударственном грешке.

Мало кто знал, что подавляющее большинство глупцов в начале следствия искренне клялось в своей невинности и верности Императору. Эти беспомощные и во многом наивные увертки лишь усугубляли тяжесть вины и усиливали страдания. Следователи и заплочных дел мастера хорошо владели своим ремеслом, о чем свидетельствовали поощрительные грамоты и дипломы об окончании курсов повышения квалификации.

Как-то в компании бывших университетских товарищей Христофор разговорился с одним невзрачным выпускником факультета психоинформатики, ныне работающим в Институте косметического промывания мозгов. Изрядно захмелевший собеседник доверительно поведал ему о том, как проводятся допросы политических обвиняемых. Судя по его словам, на первых допросах следователи избегают выдвигать конкретные обвинения и часто задают совершенно не относящиеся к делу пустяковые вопросы. Тем самым допрашиваемый сбивается с толку, начинает путаться в своих мозговых извилинах и в конце концов попадает в расставленные для него капканы. Если же этого не случается или результаты не вполне удовлетворяют следователя, в ход пускаются пытки.

– Пытки? – машинально переспросил Христофор, поглядывая на смазливенькую официантку, вертящую попкой около соседнего столика.

– Да, иногда весьма изощренные, – подтвердил собеседник, наполняя очередную рюмку водчонкой из запотевшего лафитничка. – Если хочешь знать, я лично присутствовал на допросах этих подонков. Наш Институт обязали разработать методику психотропного воздействия на мозги допрашиваемых.

– И что собой представляют эти самые пытки? – равнодушно спросил Христофор, пуская кольца сигаретного дыма.

– Для начала обвиняемого обходительно и детально знакомят с разнообразными пыточными инструментами и мемуарными воспоминаниями давно почивших политеретиков. Этакая полезная экскурсия по выставке умопомрачительного запугивания. У кое-кого из слабонервных во время этой поучительной экскурсии пропадает чувство юмора, если таковое имеется, и всякая охота спорить со следователем на отвлеченные темы. Если же убудок оказывается крепким орешком, к нему на первом умиротворительном этапе применяются испытанные дедовские средства, как то: плеть, смоченная в моче старого глистогона, или электромеханическая дыба с пилочками для ногтей, а в некоторых случаях хорошо срабатывают огромные квадратные колеса с музыкальным сопровождением и острыми крючочками, рвущими в такт музыки тело того, кто находится между ними. В ход идут также пытки протухшим рыбным рассолом, банальной опохмелкой, тривиальным сексуальным голодом, поджариванием на сковородке тошнотворных сверчков, прижигание огнем примуса пяток... Применяются и вполне современные средства: наркотики слабительного действия, веселящие газы оглушающего эффекта, гипноз...

О таких варварских методах допросов Христофор читал в исторических романах, но ему и в голову не приходило, что в современной империи возможна подобная архаика. Ему не очень-то хотелось верить в эту банальную до зевоты реальность. Поэтому он поспешил покинуть своего пьяного собеседника и, закадрив похотливую милашку, уединился с ней в изящной беседке поблизости от загородного ресторана, где шумно веселились бывшие его однокурсники.

Конечно, к тому времени принц уже не выглядел ребенком, избалованным роскошью дворцовых апартаментов и сладкими сказками о счастливой жизни верноподданных. Он воевал, бывало дрался в кабаках, куда его затаскивали пресыщенные отпрыски аристократических родов. Он знал ложь и предательство друзей, лесть и коварство. И тем не менее ему как-то не хотелось думать о том, что палачи – это не только те, кто приводят приговор в исполнение, но и те, кто терпеливо готовят этот приговор.

И вот он держит в руках донос, который отдает вонючим потом палача и его жертвы,

спокойно слушает рассуждения отца о грязной стороне политики и сам послушно готовится заняться делами, от которых порой будет отдавать трупным запахом. Очевидно, таковы правила той суровой игры, которую придумал не он.

– Вы что-то говорили о заговорщиках, не так ли? – отвлекаясь от своих дум, спросил отца Христофор.

– В последние месяцы резко увеличился поток доносов, связанных с мятежниками, запертыми на Тартаре, – сказал Император, шелестя бумагами.

– Но ведь они крепко блокированы. Связей с другими планетами империи у них нет.

– Не совсем так, – возразил Император. – Увы, но абсолютной блокады не получилось. Мятежники пользуются какими-то неизвестными для нас потаенными лазейками.

– Это плохо, – проронил Христофор, щелкая зажигалкой. – Но мне все-таки кажется, что Люциферов – политический труп.

– Не спеши с преждевременными прогнозами, – остановил сына Император. – Наша империя стара и дряхла. Ее распад можно ускорить, но можно и замедлить, сделав менее болезненным. Не удивляйся этому стариковскому откровению.

– Да, но... – заикнулся было Христофор.

– Никаких но! – отрезал Император. – Все в этом материальном мире бренно. Рождается и умирает все живое, включая общественные организмы. Страшиться надо не конца пути, а формы ухода в небытие. Если империя рухнет как карточный домик, то эта форма будет одной из самых худших.

– А как же садистские пытки в застенках наших образцовых тюрем? – не вытерпел Христофор. – Ведь страдает много невинных!

От услышанного у Императора вытянулось лицо, и он с изумлением уставился на сына, который, почувствовав нетактичность вопроса, уткнулся в носовой платок и начал громко сморкаться.

– Не простудился ли ты ненароком? – иронично поинтересовался старик.

Христофор отрицательно мотнул головой.

– Тогда оставь носовой платок в покое, – недовольно произнес Император. – Итак, ты уже в курсе того, что творится в секретных тюрьмах. Тем лучше. Да, наша ржавая государственная машина практикует пытки, что противоречит философии общеальдебаранских ценностей. Как говорится, слова и дела расходятся. Но обрати внимание: на улицах наших городов и деревень царит порядок, бесперебойно работают фабрики и заводы, крестьяне собирают урожаи и снабжают продуктами города, дети послушно ходят в школу, и все каждый день благодарят меня, Императора, за кусок нечерствого хлеба и счастливое детство. Разумеется, в семье не без урода. Случаются экономические спады, на которых паразитируют горлопаны и властолюбцы. Имеются и другие причины для возбуждения черни. К сожалению, сейчас империя находится в полосе экономических неурядиц, и мне приходится много трудиться, изыскивая способы поддержания общественного порядка. И здесь не обойтись без разнообразных мифов, включая политические и религиозные. Мифы же бывают обнадеживающими и устрашающими. Я манипулирую и теми, и другими. А чтобы они раньше времени не развеялись как утренний туман, их надо подкреплять отнюдь не сказочными вещами. Согласен?

– Хлеба и зрелищ, – хмыкнул принц.

– И это тоже, – спокойно промолвил Император, игнорируя скептическое сыновье хмыканье. – Однако не стоит забывать и силу страха. Заплечных дел мастера требуются империи не столько для получения достоверной информации, сколько для укрепления чувства ответственности, долга и патриотизма под страхом неотвратимого наказания, пусть даже чрезмерного.

– И долго так будет продолжаться?

– В данном случае все зависит от того, насколько успешно пойдут наши дела по колонизации Солнечной системы. Не скрою, я связываю большие надежды с экспедицией Адамова, с внедрением новой экспериментальной модели хозяйствования, построенной на принципах рабовладения, но только не феодализма.

– Какая архаика! – не удержался от возгласа Христофор.

– И вовсе не архаика! – вспыхнул умудренный в политэкономии Папа Душецелительный. – Аборигены Земли, произошедшие от волосатого предка с дикими повадками и диким голосом, в отличие от нас, порожденных разумно мыслящей субстанцией, склонны к стадному образу жизни и бараньим формам мышления. Чтобы их облагородить, необходимо проводить жесткую политику. В условиях доиндустриальных способов производства и примитивного натурального обмена эти наследники волосато-хвостатого мира не могут перескочить через несколько ступеней эволюции и сразу же очутиться у «рога изобилия». Они самой историей обречены на рабство, а мы – на рабовладение! И твоя святая обязанность помочь мне в проведении этого спасительного для альдебаран эксперимента. Короче, ты готов оказать мне помощь?

– Какие могут быть вопросы, батюшка! Я сын своего отца Императора! И этим все сказано! Трудности меня не страшат, хотя...

– Избегай оговорок, сын мой! – резко возвысил голос Император. – Привыкай говорить истину в последней инстанции и без всяких колебаний. Даже если ты будешь нести сущую чепуху, делай это с видом абсолютной непогрешимости. Толпа простофиль легко простит тебе ложь во имя призрачных высших целей, но никогда не простит колебаний, нерешительности и сомнений по поводу выбора реальных задач и средств их осуществления. Лучше с веселой самоуверенностью врать или многозначительно молчать, чем выступать в роли кабинетного философа, сомневающегося во всем.

Закончив эту тираду, Император взял со стола серебряный колокольчик в форме ослиной головы и несколько раз потрянул им. На мелодичный звон открылась дверь, и с подносом в руках появился камердинер.

– Овощной компот, сливки, печенье! – объявил слуга скрипучим голосом.

– Спасибо, Жан! – сказал Император, доброжелательно поглядывая на важно шествующего камердинера. – Поставь поднос на журнальный столик.

Лакей, чинно переставляя ноги, обтянутые розовыми чулками, приблизился к столику и, театрально освободившись от подноса-самобранки, с достоинством удалился восвояси, чтобы продолжить работу над рукописью своего очередного этического трактата под названием «Ухудшение нравов посредством искусства и науки».

Задумчиво помешивая ложечкой компот, Папа Душецелительный склонил седую голову на один бок, потом на другой и меланхолично промолвил:

– Иногда я себя очень виню за совершенно излишний либерализм с радикалами и экстремистами. Вероятно, я в чем-то перестарался, насаждая культ свободной воли. Воспитание такой воли необходимо для осознанного выбора между злом и добром. Устоять или низко пасть зависит от свободной личности. На идеях этой философии воспитывался не только ты, Христофор, но и мой смертельный враг Люциферов. Парадокс, не правда ли?

– Диалектика, – пробормотал принц, любуясь старинным офортом, изображающим рыцарский парад на столичном стадионе.

– Борьба и единство противоположностей, – уточнил старый мудрец, прихлебывая овощной напиток. – Как бы могли мои верноподданные, не будучи свободными, доказывать свою любовь к священной особе Императора, олицетворяющей непоколебимый порядок вещей во всех уголках Великого Альдебарана? Если бы свой долг они осуществляли по принуждению, в чем была бы их заслуга перед собственной совестью и императорской властью Моего Абсолютного Величества? Какому

просвещенному монарху понравится тупое смирение, бессилие разума и воли? Нет, я не хочу иметь дело с тупоголовыми идиотами, хотя, между нами говоря, в массе своей альдебаране далеко не всегда подтверждают факт своего происхождения от разумно мыслящей субстанции. Этим с успехом пользуются заговорщики, бунтовщики и... я. Не удивляйся и не красней. Разница между нами состоит в том, что я стремлюсь к порядку на основе нерушимости сословных границ, а они – к власти любой ценой.

– Цель оправдывает средства, – заметил Христофор, намазывая коричневое масло на плоский хлебец.

– Это – аксиома политики! Кто с ней не считается, тот обречен на поражение.

– А как же ваша любимая идея Вселенского Разума, которую мы, профессиональные философы и богословы, призваны отстаивать с пеной у рта и пропагандировать во всю глотку?

Папа Душецелительный с кряхтением встал и медленно прошелся по кабинету, потирая подбородок рукой. Потом повернулся к сыну и сказал:

– Я отстаивал и буду безжалостно отстаивать эту блестящую космогоническую гипотезу! Вселенский Разум – символическое выражение оплодотворяющей инертную материю энергетической яйцеклетки. Это, если угодно, детонатор вселенского первовзрыва, расплескавшего по первобытному бездуховному пространству разумно мыслящую субстанцию.

«Давно так не философствовал старик», – озабоченно подумал Христофор.

Уловив удивление в любовном взгляде сына, Император запальчиво сказал:

– Не пытайся познать даже тривиальные истины одной лишь сомневающейся мыслью. Пустая затея. Доверяй больше практике. Указанную гипотезу я намерен подтвердить экспериментально. Колонизация Солнечной системы – один из предварительных экспериментов на моем пути.

Потерев переносицу и немного постояв в глубокомысленной позе скульптурного мыслителя, Император дернул плечом и обвел кабинет сосредоточенным взглядом. Сфокусировавшись на принце, он сердито сказал:

– Я, кажется, несколько увлекся космогоническими гипотезами... Ась?

– Мне было очень и очень интересно послушать вас, батюшка, – успокоил его принц, нежно и по-детски доверчиво улыбаясь. – Люблю непринужденные философские беседы. Но вы хотели сказать что-то конкретное об экспедиции на Землю и о моем друге капитан-лейтенанте Адамове. Уверен, ваш выбор его кандидатуры безошибочен.

– Да, я никогда не ошибаюсь в решении кадровых проблем, – самодовольно ответил Император, приглаживая свою седую и уже далеко не пышную шевелюру. – Адамов хотя и молодой, но весьма перспективный администратор. Он хорошо зарекомендовал себя во время разведки планет в системе Прыщавого Отшельника и организации на планетоиде Глухие Жмурики опытно-показательного лагеря для наркоманов и алкоголиков. Но в данном случае меня волнует совершенно другое.

– Вы меня интригуете, отец.

– М-да, везде сплошные интриги. Вот и Люциферов затевает какую-то грандиозную интригу. Наши информаторы и телепаты доносят, что мятежники делают большую ставку на свращение колонистов и в первую очередь их руководителей. Я боюсь, как бы злодеи не посеяли в их умах еретические мысли и не сорвали столь изящный эксперимент.

– А не хочет ли Люциферов опровергнуть смелую космогоническую гипотезу?

– Вполне возможно, хотя я и засекретил всю документацию, касающуюся моей гипотезы.

– Что же я должен делать? – взволнованно спросил Христофор, мысленно представивший себе все ужасно губительные для альдебаранской науки последствия краха столь новаторской гипотезы.

– Ты задал мне исключительно трудный, но в то же время самый главный вопрос. Собственно говоря, ради этого зудящего и свербящего вопроса я пригласил тебя на конфиденциальный разговор. Если Адамов хоть в чем-то оступится и чистота лабораторно-земного эксперимента будет нарушена, а такое вовсе не исключено, ибо враг дьявольски коварен, я буду страшно огорчен. Придется все начинать с самого начала. Увы, но мне уже слишком много лет, чтобы с мальчишеским задором вновь браться за финансирование столь дорогостоящей затеи, которая, в случае успеха, позволила бы тебе взойти на престол в самых благоприятных условиях экономического расцвета и подъема. Ты должен это предельно ясно понять и уже сейчас приложить все силы, чтобы потом не ломать себе голову над решением дурных проблем. Иного выбора нет ни у меня, ни у тебя.

Сказав это, старик вдруг тихо заплакал и повалился на диван, хватаясь за сердце.

Христофор ошалело воззрился на отца. Потом, как-то нелепо взмахнув руками, бросился к нему со словами утешения.

Минуты через две Папа Душецелительный, шмыгая покрасневшим носом, попросил:

– Возьми во втором шкафу от окна на третьей полке сверху первый флакон слева и накапай мне пять капель в стакан. Сердце прихватило.

Выпив успокаивающие капли и сделав несколько глубоких вдохов, побледневший старец еле слышно выдавил:

– А теперь оставь меня и позови старика Вольтернюка.

В ответ на слова принца камердинер поморщился и что-то недовольно буркнул. Однако усилием воли взяв себя в руки, он отложил свою философическую рукопись и шаркающей походкой поплелся в келью Императора.

Тяжела камердинерская работа, но, согласитесь, ее кто-то должен выполнять.

Если не вы, так кто же?

Да здравствует тяжкий лакейский труд!

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ *о том, как принц Христофор осуществляет страшную месть, принимает ответственное решение и слушает отцовский анекдотец.*

Неделю Христофор чувствовал себя не в своей тарелке, а в чьей-то – фу! – чужой суповой миске с общепитовской баландой. Честно говоря, ему страшно не хотелось отпрапляться в скучную и длительную командировку с целью идеологической ревизии духовной жизни колонизаторов. Недавно он подцепил одну прелестную придворную дамочку, молодую супругу дряхлого аристократа, давно выжившего из ума и ныне являющегося цензором репертуара ночных варьете. И вот теперь надо было порвать эту связь, потушить фитиль и отказаться от победного салюта. Это так раздосадовало и расстроило его, что он затосковал и решил во что бы то ни стало насолить дряхлому цензору.

Главный цензор столичных варьете, кургузый тип с бульбообразным носом, кустистыми бровями и вспаханном темными морщинами лбом, недавно получил звание почетного академика метафизических наук и посему или потому, что... был суров, прямолинеен, а также в чем-то финансово спекулятивен и убийственно ригористичен. Его отвратительно скрипучий голос и надменно властные, высокомерно презрительные жесты приводили в трепет всех легкомысленных окружающих, только и мечтающих о том, как бы увильнуть от выполнения священных семейных обязанностей, наставить ближнему бараньи рога и тайно посетить какой-нибудь притон сладострастия.

Громко шаркая кривыми ножками, он украдкой проникал в злачное заведение, занимал

свой столик около сцены, делал каменным выражение лица и бесстрастным голосом произносил:

– Извольте подать сюда девочек! Немедленно и безоговорочно!

Незамедлительно на сцену галопом выносился табун девочек в чем мать родила, и начинался зажигательный танец одевания с переодеванием.

Главный цензор жадно потирал свои сухенькие ручки и злорадно хихикал всякий раз, когда какая-нибудь неумеха долго возилась с ватными брюками и декольтированной фуфайкой, внося дисгармонию в ритм балетного танца. Этого было достаточно для сокрушительного разноса содержателя варьете и балетмейстера с последующим крупным штрафом, ненавязчиво переходящим в еще более крупную взятку подставным лицам.

После свадьбы Главный цензор слегка, но не на долго приутих и приумолк, пытаясь изображать пылко влюбленного, которому доступны разные физические фокусы. Поскольку из этих потуг ничего путного не вышло по причине страшной трухлявости старого хрена, а молодая жена оказалась большой моткой, старцу пришлось подсуетиться, чтобы поправить пошатнувшиеся финансовые дела. С удвоенной энергией он начал потрошить и разорять владельцев столичных варьете. Пик его бурной деятельности пришелся как раз на период зарождающегося флирта Христофора со сладкой супругой официального грабителя увеселительных заведений.

В те судьбоносные для империи дни ее столица шумела в своем обычном, хотя и несколько суматошном ритме. По утрам на рыночных площадях устало фыркали большие грузовики с продуктами на любые вкусы. Рядом фыркали привередливые, прижимистые домохозяйки, внося сумятицу в торгующие ряды. Через некоторое время звуки мучительниц рынка глушили галдящие косяки школяров и студентов, вслед за которыми тянулись вечно озабоченные чиновники в наглухо застегнутых форменных костюмах, а потом уже появлялись командировочные, провинциальные туристы и колониальные интуристы. Только к вечеру разноликие потоки горожан вновь приобретали более или менее однородный вид, когда пустели школы, колледжи, университеты, офисы, извергая на улицы отупевших от учебной повинности грызунов науки, мелких клерков в темных костюмчиках и высокопоставленных бюрократов. А еще через пару часов стремительно темнело, и из городских щелей лениво выползали на ночную охоту различные подозрительные типы. Центром притяжения становились рестораны, варьете, шоу-залы, дансинги, дешевые питейные заведения. Постепенно улицы начинали оглашаться пьяным смехом, криками о помощи и воем сирен патрульных полицейских стреколетов.

Праздничные дни в столице напоминают растянувшийся на все сутки загульный карнавал, когда пьянеют с утра, а уже в полдень озабоченно и напряженно ищут утех случайной плотской любви.

Мучительное переживание Христофором ожидания предстоящей командировки совпало с праздничным днем всеимперского культа Большой Бабеты, покровительницы сельских незамужних дев, замужних городских купчих и просто любознательных дамочек.

Праздник был в самом разгаре, когда Христофор, затесавшись в толпу хмельных студентов и слегка подвыпивших чиновников, бродил с унылым видом одинокого гения, не замечая бессмысленных улыбок, блуждающих на лицах купчих, которых поспешно волокли куда-то потные от любовных грез и взволнованные до потрохов офицеры лейб-гвардии.

Неожиданно равнодушный взгляд Христофора привлекла красочная реклама варьете «Женская Ножка», и он вспомнил о своем неукротимом желании хорошенько насолить Главному цензору. План страшной мести созрел мгновенно.

Заходит он в злачное заведение. Там – столики, пушистые ковры, приглушенный свет... Негромко играет оркестр. Элегантно скользят вышколенные официанты. На площадке

перед сценой притоптывают несколько танцующих пар. За своим традиционным столиком чопорно восседает в скромном генеральском мундире Главный цензор и, просматривая газету «Порнографическая Благодать», вкушает взбитые сливки.

Садится наш мститель за столик, заказывает себе порцию жареных трепаногов и кухоль светлого пива. Безостановочно хрустя трепаногам, он яростно посматривает на жирный генеральский затылок и терпеливо ждет упоительно сладостной минуты страшной мести. Тут к нему подваливает завсегда с варьете, барон Фофка Забьюльдыгин, и шепелявым голосом змия-искусителя предлагает заглянуть в соседний зал, где азартные игроки катают игральные шары в рулетке.

Рулетка – любимейшая азартная игра Христофора. Он не может устоять от заманчивого приглашения приятеля. Поэтому мгновенно вносит коррективы в план мести и приходит в неопикуемый восторг от новой сногшибательной идеи.

Всем авантюристам доподлинно известно, что рулетка позволяет, как никакая другая веселая игра на своих и, конечно же, чужих нервах, раскрыться в полной мере импульсивному характеру, приучает к мученическому терпению, гладиаторскому самопожертвованию и вырабатывает навыки фехтования на словах и кулаках между не поладившими игроками.

Один мой знакомый историк фельетонного жанра долго и упрямо доказывал, что игра в рулетку крайне полезна для закрепощенных женщинами мужчин и студентов, проваливших начисто все экзамены и зачеты. Я, конечно, попытался оспорить это излишне категоричное и явно сомнительное утверждение, ссылаясь на примеры неуравновешенных пьяниц, которые после игры в бутылочку еле домой доползают на совершенно неуравновешенных ногах. Но историк меня не захотел слушать, заткнул уши ватой, замахал судорожно руками, словно желая упорхнуть от ребром поставленной проблемы, оставив вашего покорного слугу один на один с ней, то есть с проблемой нрава злобного.

Поверьте, он настолько меня тем самым натурально удивил и премного раздосадовал, что я демонстративно не стал упоминать о сомнительности и вызывающей смехотворности факта рулетного шулерства, назвав этот факт банальным артефактом. О каком шулерстве может идти речь, если в моем присутствии одному игроку, попытавшемуся заигнотизировать металлический шар, так глаз подбили этим самым шаром, что он много дней тяготился с бланшем на роже и уныло клялся набить харю кому-нибудь из подвернувшихся под горячую руку партнеров, пока не окривел на другой глаз, на этот раз подбитый обыкновенным кулаком. Вот вам, господа, и пресловутое развитие шулерских способностей.

Должен со всей откровенностью заметить, что альдебаранская рулетка существенно отличается от других инопланетных рулеток прежде всего тем, что находится не на столе, а на полу, поскольку нет никакого стола вообще. Эта разновидность рулетки представляет собой вместительное круглое помещение, напоминающее пыточный тренажер для космонавтов, где с помощью рулеткоподобного устройства их так раскручивают, что у бедняг глаза лезут на лоб, а чистосердечное признание в пристрастии к межзвездному бродяжничеству застревает в горле, откуда затем извлекается с помощью особых вербальных щипцов и слабительных таблеток. Игроки болтаются под потолком на специальных крючках. В тренажер садится отставной космонавт, закаленный умственными и физическими перегрузками, и начинается его раскрутка вместе с раскруткой шара величиной с дыню. Космонавт обязан следить за тем, чтобы металлическая дыня не перегревалась, не перемагничивалась и не выбрасывала каких-либо иных непозволительных фокусов.

Направляясь в комнату для азартной игры, Христофор подошел к Главному цензору и повелительно пригласил того покатать шары. Естественно, старый прощелыга не посмел

отказать наследнику престола и обреченно последовал за ним.

Христофор, отказавшись играть на деньги, предложил своему партнеру играть на выполнение желаний. Тот покорно согласился.

После первого катания шара проигравший генерал сфотографировался в обнимку с голой барышней в кирзовых сапогах. После второго тура сфотографировался в обнимку с двумя голыми барышнями в противогазах и тех же сапогах, но с калошами, а после третьего написал заявление в Кадры со слезной просьбой перевести его на должность Наставника правописания докладных записок в Министерстве рекламы и пропаганды.

Последний удар старик едва пережил, ибо лишился возможности получения чаевых в виде крупных взяток, а это грозило ему серьезными семейными неурядицами со скандальным привкусом и дорогостоящим бракоразводным процессом.

Так свершилась страшная месть, после чего Христофор отвел душу в обществе барона Фофки Забьюльдыгина и девочек из кордебалета. Они вдохновенно пили «Огненный перцедор» и пели запрещенные городские романсы, признавались в любви ко всем ближним и дальним альдебаранам, а на закуску стали делиться анекдотами о Папе Дешецелительном, сплетнями о дворцовых интригах, придворных фаворитах и фрейлинах.

– Тьфу! – сплюнул Христофор, проснувшись следующим утром в постели своего загородного замка и ощущая во рту самые непотребные запахи.

За многослойной дверью опочивальни послышались подозрительные шорохи.

– Кто там шуршит? – прохрипел Христофор, с большим трудом вспоминая подробности вчерашней страшной мести и увеселительной пирушки по этому поводу. – Принесите какой-нибудь влаги, да поживее! Мои горловые трубы пылают!..

Дверь со скрипом отворилась, и в спальню вплыла величественная пожилая дама, затянутая в гигиенический корсет принципиальной девственницы. Она толкала впереди себя вместительный сейф-холодильник на скользящих гусеницах.

Вслед за дамой в опочивальню проник семяющей походкой худенький старичок в аккуратненьком костюмчике небесного цвета. В руках он держал несколько склянок с бурой жидкостью, ужасно по виду лечебной.

Галантно потеснив широкозадую даму, придворный лекарь приблизился к ложу, извлек из кармана приличных размеров клистирный черпачок и накапал в него свою медицинскую гадость, после чего сунул черпачок под нос Христофору со словами:

– Нюхайте и быстренько глотайте, Ваше Принципиальное Высочество!

Состроив брезгливую мину, принц сделал три понюшки и, зажав нос двумя пальцами, проглотил тонизирующую гадость.

Затем наступила очередь сейфа, откуда почтенная фрейлина галантно извлекла литровые банки с консервированным соком пестика тычиночного, большую хрустальную вазу с экзотическими фруктами повышенной витаминизированности и калорийности, пузатый графинчик водочной настойки многолетней выдержки и полагающиеся к сему приборы.

С превеликим трудом уголив вялые потребности своего изрядно утомленного организма, Христофор вновь улегся на необъятное ложе и принялся сосредоточенно переживать процесс принятия ответственного исторического решения, которое, собственно говоря, уже было принято до него и за него.

Ох, уж эти муки решения командировочных проблем и всего с ними связанного!

Кто из преуспевающих альдеберанских карьеристов, спрашиваю вас категорично и в упор, не способен впопыхах и скоропалительно решать проблемы и псевдопроблемы административно-управленческого характера всеимперской значимости, когда со всех сторон подпирают обстоятельства и плановая отчетность?!

Только постигший сокровенную эзотерическую суть иррационального импульса

истинного хозяйственника, подлинного толкача технико-экономического прогресса и научно-технической революции способен отчетливо понять приторно сладкую мучительность указанного процесса. В противном случае даже не мечтайте разбудить свою бескрылую фантазию.

Непонятливым тугодумам скажу со всей присущей только мне откровенностью, что данный умственный процесс затянулся до обеда, а это само по себе достаточно показательно.

Устав валяться в постели и обмозговывать predetermined не им решение, Христофор осторожно вылез из-под одеяла, с отвращением посмотрел в зеркало на свою бледную рожу и нехотя принялся за туалетно-физкультурные процедуры.

«Ну и перебрал я намедни, – думал он, ощущая легкий шум реактивного стреколета в голове. – Даже не помню, как в замке очутился. Пора временно завязать с гулянками на широкую ногу. Да и батюшка, наверное, жаждался моего ответа».

Почувствовав непреодолимое стремление к труду на благо Великого Альдебарана и его империалистических идеалов, принц бросил в рот листик терпкой жувачки и поспешил на стреколетную площадку, защищенную глубоким рвом, железобетонными палисадами и зенитными комплексами.

Знойный день уже вступил в свои права.

Лакированный, огнеупорный и неподбиваемый стреколет принца, купаясь в жарком воздухе, вылетел на правительственную трассу в верхнем стратосферном эшелоне и взял курс на столицу.

Императорский дворец только-только начинал просыпаться, ибо всю ночь напролет работал в неусыпном режиме деятельного бдения Императора.

Обычно Папа Душецелительный ложился спать перед самым рассветом, сделав парочку контрольных разносков и звонков. Выдрессированные царедворцы неукоснительно следовали этому регламенту. Поэтому, прибыв во дворец, принц застал сонные физиономии придворных, ватно тащившихся к главному парадному входу, украшенному двумя гигантскими скульптурами Священных Ослов с большущими ушами и мощными крупами.

Неуверенными прыжками вбежав по широким ступеням мраморной лестницы и быстро пройдя полупустыми залами дворца, Христофор очутился перед массивным люком императорского кабинета. Рослые стражи взяли на караул. Генеральный караульщик Кабинетного Люка мгновенно набрал сверхсекретный код, и защитная заслонка люка нехотя, но все же ушла в боковую щель, открывая ярко освещенный спуск в приемную Кабинета Кабинетов.

На этот раз кабинет Императора имел более чем официальный вид. Стены его, стилизованные под серый гранит, украшали огромные портреты усопших диктаторов, боевые тесаки, секиры, строгие гобелены на военно-патриотические темы и различные боевые хоругви, все в дырах от вражеских пуль.

За доисторическим письменным столом в строгом черном костюме с императорской муаровой лентой через плечо восседал Папа Душецелительный. Весь его вид изображал величие момента.

Увидев стоящего в дверях принца с припухлостями под глазами, Император медленно встал и призывно поманил его указательным пальцем.

Принц расправил плечи, выпрямил спину, подобрал живот и, слегка покачиваясь, замаршировал к столу по мягкой ковровой дорожке.

Император, опершись руками о стол, любовался и восхищался наследником престола. Сегодня от всей неуклюжей фигуры принца веяло легким перегаром и неукротимой волей к жизни, а также стремлением срочно сделать что-то архиважное и неотложное. Это выражали даже его обострившиеся за ночь черты лица, отличавшиеся особой,

неповторимой заспанностью и мужественностью настойчивого искателя опохмелки, готового любой ценой продемонстрировать всю стойкость борца за торжество кружки пива над стаканом лимонада.

Не приглашая сына сесть на приемную табуретку, Папа Душецелительный спросил:

– Итак, вы готовы отправиться в командировку, принц?

– С превеликой радостью, Ваше Императорское Величество!

– Принц! Я абсолютно уверен, что только с вашей помощью можно спасти империю Великого Альдебарана от социальных передрыг и катаклизмов. Поэтому повелеваю взять в приемной командировочные документы и незамедлительно отправиться на краткосрочные курсы командировочных!

– Повинуюсь, Ваше Императорское Величество!

– А теперь прошу садиться на краешек табуретки, – удовлетворенно сказал Папа Душецелительный, опускаясь на свой рабочий трон. – Поговорим без протокола.

Христофор, радостно ощущая некоторую неловкость, вполне уместную в данном конкретном случае, осторожно присел на табуретку, сработанную еще рабами ранней эпохи длительной борьбы за победу всеимперской идеологии, и устремил преданный взгляд на мудрое чело Папы Душецелительного.

Наступила обязательная в таких случаях пауза, продолжавшаяся до тех пор, пока кабинетные часы не пробили положенных пять минут и четырнадцать секунд. Свернув время с карманным хронометром, Император удовлетворительно откашлялся и сказал, переходя на отеческий тон:

– Христофорушка, твоя командировка – вещь пустяковая. Поэтому не бери ее в голову.

Эти слова Императора произвели на принца такое неизгладимое впечатление, что он заерзал на табуретке и ощутил волнующую сухость во рту.

– Не откажи вместе отужинать, мой мальчик! – ненавязчиво приказал Император, выходя из-за стола и беря наследника престола под руку.

Отец и сын чинно вышли из кабинета, любовно поглядывая друг на друга, и страшно запутанными лабиринтами коридоров, по которым озабоченно шныряли придворные чиновники, истопники, трубочисты и роботы охраны с легкими пушками на прицепе, прошли в огромный банкетный зал.

Зал был хотя и роскошен, но в меру величественно скромнен, то есть скроен в точном соответствии с дворцовыми представлениями о великой политической и физиологической значимости банкетов, фуршетов и презентаций. Его безусловным украшением служил глубоководный бассейн с причалом для прогулочной подводной лодки и катеров на воздушной подушке, добрым десятком фонтанов, водопадов и тысячей гигантских океанических тварей, извлекаемых на поверхность жилистыми гарпунерами и тут же разделяваемых поварами с целью приготовления полезного для пищеварения салата из свежатины.

Потирая руки, причмокивая и вытягивая губы трубочкой, Папа Душецелительный засеменял к пиршественному столу, уставленному самыми изысканными яствами. Вслед за ним, застенчиво улыбаясь, поплелся Христофор, которому после вчерашней страшной мести непрерывно хотелось пить.

Сервировка стола отличалась той аптекарской безукоризненностью, которая предостерегает невоспитанных обжор от некультурной манеры поведения, как то: громкое чавканье, рыгание, вытирание рук о бороду или лысину соседа.

Чего стоили только одни салфетки старинной ручной вязки!

А ножи? О, эти чудесные ножи! В древнюю рыцарскую эпоху ими приканчивали соперников на праздничных турнирах.

Да чего там говорить!..

Стол был украшен изумительными заливными из косточек кракоедов, салатами по-

домашнему из хребтов ароматных хвостилий, сырыми закусками из глазных фонарей летучих плутарей, слегка копчеными бутельбродерами под чесночным соусом... Словом, монархической жратвы было навалом.

В гармонии с закусками были местные и колониальные напитки разной крепости и вкусоности. В центре стола на пирамиде из фараонистых сладостей красовалась бутылка коллекционной шампрозии «Нашатырка Шипучая». По кругу от нее располагались наливки из дворцовых погребов вперемежку с крепчайшими казенками специального госзаказа.

Стол магнетизировал и завораживал. Так и хотелось припасть к его деревянным ногам с мольбой не искушать без нужды.

Как только Император и принц сели на лавку, отработано засуетились лакеи, разливая, нарезая, накладывая.

Поправив большущий галстук-бабочку, Папа Душецелительный провозгласил тост.

– Этот бокал пенистого вина, – сказал он, – я поднимаю за наше здоровье. Да здравствуем мы сами!

Принц взволнованно поднял свой бокал и жадным залпом осушил его.

Минуты две-три отец и сын яростно ковырялись в закусках, выдерживая время, необходимое для второго тоста.

Второй тост произнес Христофор.

– Папаша! – начал он прерывистым от переполняющих его чувств голосом. – Папаша!.. Выпьем за здоровье Его Абсолютного Величества!

Выпили.

Облизнули губы.

Закусили.

Помолчали.

Третий тост вновь провозгласил Император, восславив Великий Альдебаран.

После этих исторических тостов отец и сын основательно налегли на закуски. Император сразу же принялся за свой любимый салат из печени макраступов, а принц начал лакомиться вымоченными в уксусе тушками озерных дерекульчиков и потрошить лесного кукарелу.

Потом подали горячее.

Чуть позже последовал сладкий стол и другие столы.

Закончив застолье, они перебрались в мягкие телескопические кресла около бассейна с лимонадной водой и, смакуя слегка подогретый нектар, повели неспешный разговор о том да о сем.

Сделав маленький глоточек, Император промолвил:

– Недурно-с!

– Весьма недурно! – подхватил принц.

– Разумным существам так мало надо для счастья, – добавил Император, поглаживая себя по животу.

– Вне всякого сомнения, – согласился принц.

– Вспоминается мне один забавный анекдотец, – улыбнулся Император. – Это к вопросу о счастье, которое определяется чувством меры.

– Ну-ну, – заинтересовался принц, устраиваясь поудобнее.

– Однажды Царственный Осел, решив переделать дремучее в своем невежестве мышление диких тварей, собрал на лесной поляне всех подвластных ему скотов и скотин, а собрав, сказал так: «Господа, идейно подкованные скотины пусть маршируют налево, верноподданные – направо». Все побежали вначале налево, а потом, спохватившись, направо. Только толстый боров, сердито хрюкая, остался на месте. «В чем дело, боров?» – недовольно вскричал Царственный Осел, разгневанный его поведением. В ответ

раздалось: «Хрю! Будучи консерватором, я не могу разрываться между левым и правым уклоном!».

– Ха-ха! – развеселился принц.

Только монарх, войдя в азарт, решил рассказать еще один политический анекдотец, как раздался зычный гудок телефонного аппарата спецсвязи. Папа Душецелительный поморщился и снял трубку.

– Але! Император на проводе. Докладывайте!

По мере того, как Его Абсолютному Величеству докладывали, лицо монарха вытягивалось, растягивалось и становилось все более хмурым.

– Пренеприятное известие, – сухо сказал Император, раздраженно бросая трубку на аппарат. – Люциферов каким-то образом прорвал блокаду Тартара и сейчас мчится по направлению к Солнечной системе. Придется ускорить вашу подготовку, принц. Завтра же вас перебросят на секретную военно-монастырскую базу, где в течение нескольких месяцев вами будут заниматься физруки, военруки, психотерапевты, идеологи пропагандистских командировок и театральные режиссеры.

Христофор осторожно поставил рюмочку с недопитым нектаром на круглый стеклянный столик и несколько раз глубоко затянулся крепчайшей сигарой.

– Прийди ко мне на грудь, драгоценное чадо! – прочувственно вскричал Император. – Пора расставаться!

Христофор, сдавленно вскрикнув, бросился к отцу.

Минуту отец и сын стояли молча, нежно сжимая друг друга в объятиях. Потом отец поцеловал сына в лоб, а сын прильнул устами к высохшей и пожелтевшей руке старца. Наконец Император отстранил принца и напутственно взглянул в его доверчивые очи. И вдохновляемый этим взглядом наследник престола направился к выходу.

Старик еще долго смотрел на распахнутую дверь, прислушиваясь к удаляющимся шагам сына...

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ, *решающе важная с научно-технической точки зрения, в которой я высказываюсь о фундаментальной философской проблеме времени и приглашаю в свидетели одного известного английского писателя.*

Было это в начале застойной эпохи Слепого Ока и Абсолютно Слепой Кишки. Видный весь из себя ученый муж Пупкаре, наипочтеннейший академик всех альдебаранских академий и наипочтеннейший глава научной школы, да к тому же не одной, дерзнул публично проткнуть гнойный нарыв всеобщей вопросительности и всеобщей озадаченности, а также не менее всеобщей озабоченности научного мышления.

Ткнул он, значит, указательным пальчиком в плохенький учебник по натурфилософии и надрывным хирургическим тоном говорит:

– Нарыв! Пфу! Надо резать, резать и еще раз резать по живому!

Ему жалобно в ответ:

– А стоит ли, господин хороший?

– Непременно! Какие могут быть вопросы? Ха! Смешно, право же! Ха-ха! Хи-хи! Хо-хо! Вопрос давно назрел и даже перезрел, а мы, изволите ли видеть, его напропалую забалтываем, упражняемся, смею сказать, в пустопорожней риторике. Нет, господа хорошие, коллеги ненаглядные, так дело не пойдет! Будем резать правду-матку без всякого наркоза!

И началась Великая Научная Революция!

Шум поднялся страшный.

Шум поднялся оглушающий.

Копеечные газетенки и двухкопеечные журнальчики запестрели душераздирающими репортажами с мест боевых научных схваток.

Радиоприемники, радиотелепаторы и радиопеленгаторы надрывались, завывали и захлебывались тревожными сводками с фронтов научной конфронтации.

Телевидение регулярно ошарашивало зрителя хроникально-документальными кадрами массовых захоронений трактатов дореволюционной профессуры, не выдержавшей воинственного натиска публикаций аспирантов и молодых научных сотрудников, люто жаждавших научных степеней и званий.

Прежние авторитеты и женские кумиры безжалостно сбрасывались с пьедесталов и с пьедесталистовой работы тоже.

Лаборантки и машинистки перестали носить строгие сарафаны до пят и перешли на мини-юбки.

Студенты начали практиковать регулярные духовные голодовки в знак протеста против ортодоксии и схоластического теоретизирования.

Гимназисты потребовали свободного посещения уроков и либерализации оценок.

Дошкольники, ужасно воодушевленные всеобщим революционным подъемом дошкольных масс, выдвинули ультимативное требование заменить манную кашу, расслабляющую интеллект, на мороженое и лимонад, укрепляющие волю к жизни.

Когда революция переросла в гражданскую войну между академическими верхами и низами, в неисчислимом множестве расплодилось спекулянты, торгующие из-под полы метафизическими идейками. На больших научных дорогах обычным делом стали плагиаторские грабежи с вопиющим нарушением всех авторских прав.

– О, времена! – патетично воскликнул один из когорты дремучих схоластов, пряча на чердаке старинные догматические фолианты.

– Не времена, – поправил его революционный новатор, бросая высокомерный и презрительный взгляд на старца с не перестроившемся мышлением, – а время, точнее говоря, времечко. Пришло наше время и наше долгожданное времечко. Долг каждого научного революционера состоит в том, чтобы ускорить забег часовой стрелки в противоположном направлении.

– Ну и бегайте наперегонки друг с другом по гаревой дорожке, а меня, будьте так любезны, оставьте в покое. О, нравы и нравственность!

– Ага, не нравится новый взгляд на научно-технический прогресс! Сразу видно – вонючка и вонючая контра!

– А вы, сударь, дурак отъявленный, дурак самый натуральный!

С этими словами разъяренный старец с превеликим удовольствием треснул революционера по башке здоровенным фолиантом.

Искры!

Тьма!

Прозрение!

– Зрите в корень, молодой человек, – сказал господин Пупкаре страдальцу за освободительные идеи научной революции, ослепшему от нестерпимо яркого света лучезарной Истины. – И больше задумывайтесь о непредсказуемых превратностях исторического времени. Мы должны во что бы то ни стало покорить время, а не то время запросто покорит нас, вас и всех остальных. И тогда полная хана, полные кранты всем научным проектам и перспективным опытно-конструкторским разработкам, тянущим на государственную премию!

– Но как же быть с моими совершенно незрячими глазами? – робко спросил новатор-страдалец, тыкая авторучкой в свое, а потом в чужое око.

– Фу, как вульгарно! Перестраивайтесь на внутреннее умозерцание. И тогда вам

откроется великая тайна неизменного в своей Сущности Времени, тайна Вечного Двигателя хронотопного потока, в который можно входить и выходить сухим из временных передряг, сколько вашей душе будет угодно.

Поток забурлил.

Он стал потопом.

Преходящее время исчезло в океане Вечности.

Прошлое, настоящее и будущее слились в один Вневременной Миг.

Бабах!

Это взорвался Миг, и все опять вернулось на круги своя.

Эволюция, революция, контрреволюция...

А словоохотливые альдебаране все спорили и спорили, спорили и спорили, пока не наступил очередной миг похмелья и сопутствующего ему прозрения.

Если совсем недавно кое-кто из закоренелых интуитивистов, неисправимых априористов и витающих в облаках своих неумных фантазий умосозерцателей слабо догадывался, что выбросить незабвенное прошлое на мусорную свалку истории – значит беспощадно изуродовать настоящее, то с некоторых пор даже сопливые школяры в открытую и с нескрываемым злорадством стали заявлять своим высокомерным учителям, что непосредственное существование пресловутых «здесь» и «теперь» настоятельно требует заполнения настоящего только приторно сладостными, как бисквит, мечтами о будущем.

Под таким шквальным натиском седовласые и близорукие в своем мировосприятии и мироощущении педагоги, подслеповато щурящиеся в равнодушном созерцании мира через запотевшие стекла моноклей, вынуждены были смиренно признать, что светлое ком- или кап-, кап- ... будущее деятельно живет в предшествующем ему мраке прошлого. Но в силу своих дурных филистерских привычек они не без ехидства указывали на очевидное несуществование событий будущего в настоящем в качестве индивидуальных и спиритуальных реальностей с присущей им мерой эмпирической зыбкости.

– А вот и не так! – истошно орала дети. – Ставим вам двойку по физике, Исаак Ньютонович! Книжки надо читать! Читайте книжки ваших оппонентов! Знаете, что сказал Апштейн Гениальный в своей книжке о субъективном идеализме?

– Не-а, – потупаясь и колупаясь в носу, отвечал Исаак Ньютонович.

– То-то же! – злорадствовали вундеркинды. – А еще учитель физики и натурфилософии! Институт кончали! Высшее образование имеете! И не стыдно?

Педагогическая общественность, пристыженная Великой Научной Революцией, тупо и покорно молчала. И по делом ей, этой псевдообщественности. Пушай не корчит из себя очкастую интеллигенцию.

Однако находились такие протоисторические ископаемые и невыносимо противные ретрограды, которые не желали утихомириваться.

– Сугубо индивидуальных событий, принадлежащих далекому будущему, – брюзжали эти пещерные теоретики, – не существует в настоящем. Будущее содержит лишь призрачное начало мысленно реализуемой индивидуальности. Поэтому концепция будущего целиком должна опираться на понимание глубинного процесса самозавершения каждого индивидуального события.

– Ах, как вы нам ужасно надоели! – устало возмущались революционеры. – Хватит утомительных и скучных слов! Хватит трепаться о том, что революционно мыслящим альдебаранам, съевшим еще не всех своих баранов, давно известно.

Согласен.

Хватит!

Пора решительно переходить к той ключевой теме, которая откроет нам потайную дверь в самые запутанные лабиринты хронотопного существования индивидуальных

представителей разумно мыслящей субстанции.

Вначале чуть-чуть приоткроем эту дубовую дверь, чтобы прислушаться к чужим голосам, гипнотически внушающим доверие.

Только совершенно невежественный и малоопытный путешественник во времени может поведать вам сущие небылицы о своих хронотопных экскурсиях, сам не веря в потрясающую очевидность увиденного. С такими врунишками и краснеющими скептиками порядочным пешеходам не по пути. Лучше иметь дело не с дилетантами, а с опытными времяпроходимцами, которые если чего и приврут, то лишь с благой целью приправить свои пресные рассказы чем-нибудь остреньким или кисленьким.

Возьмем, к примеру, чертей.

Лучшего рассказчика и балагура, чем лукавый черт, вам не сыскать.

В свое внеисторическое время на роль такого лукавца подвизался Вельзевул, натура хотя и грубая, но не лишенная здорового чувства юмора и дьявольской хитринки в глазах. К тому же, как это абсолютно точно установлено, он самым непосредственным образом имеет отношение к машине времени.

Начнем рассматривать столь важный вопрос издалека.

Сэр Мефистофель, он же мессир Воланд и он же Люциферов-Сатанинский, всегда питал слабость к остросюжетным приключениям в различных областях Вселенной.

Однажды, прогуливаясь на уже изобретенной и апробированной машине времени по пространственно-временному континууму в поисках острых сюжетов для своей многотомной Дьяволиады, он прибыл в шекспировскую Англию.

Туманило и дождило.

Каркали мокрые вороны.

В этих погодных условиях Янус Адольфович счел за лучшее надеть не прорезиненный плащ, а непромокаемую и непроницаемую маску сэра Мефистофеля.

Потом ему пришла в голову ценная мысль наставить на путь плодотворного сочинительства кое-кого из англосаксов.

«Кто не слышал легенду о договоре человека с дьяволом?» – подумал новоиспеченный сэр Мефистофель, сбивая шляпку с перышком на затылок.

Внутренним слухом задавший вопрос уловил протяжный стон ответа:

– Все-е слы-ы-ыша-а-али-и...

«Очень хорошо! Просто отлично и превосходно! – мысленно констатировал Янус Адольфович. – Тогда я не буду долго распинаться и распространяться о том, что средневековая христианская церковь приложила немало сил и стараний, чтобы сделать Бога абсолютным источником добра, а дьявола – виновником и воплощением зла в мире. Но считаю своим долгом кое-что подчеркнуть, кое-что выделить и на кое-чем заострить внимание...»

– Что-о-о и-именно-о-о? – спросила любознательная часть человечества.

«Видите ли, господа мои страшно разлюбезные, – продолжил свои мысленные рассуждения наш дьяволовед, – в отличие от восточных ересей христианство не признавало существование двух равноправных богов – доброго и злого. В христианстве дьявол рассматривался как мятежный ангел, отпавший от Бога».

– Это-о-о мы-ы зна-а-аем!

«А знаете ли вы, верящие во всякую примитивную ерунду, что пошлые богословские трактовки зла в виде чудовищно страшного, чудовищно безобразного дьявола ни к чему вразумительному и ясному не привели, да и не могли привести, и завершились довольно беспомощным софизмом: Бог использует дьявола для испытания праведных и наказания грешных?»

После этого интересно диалога прошло несколько космических дней и наступила вторая половина шестнадцатого века.

Как только хронотопные часики отзвонили положенную дату, сэр Мефистофель начал в очередной раз делиться своими соображениями по поводу добра и зла с английским драматургом Кристофером Марло, сыном сапожника из Кентербери.

Благодаря помощи сэра Мефистофеля и других весьма влиятельных покровителей этот самый сын сапожника получил хорошее образование в Кембриджском университете, где достиг ученой степени бакалавра и магистра, но затем под влиянием большого театраломана сэра Мефистофеля увлекся театром и переехал в Лондон, променяв духовную карьеру на нелегкую жизнь актера, поэта и театрального драматурга.

В Лондоне, опять же не без помощи сэра Мефистофеля, Кристофер Марло вошел в кружок выдающихся ученых и людей искусства, прославленных своим вольнодумством. Члены кружка собирались вокруг сэра Уолтера Ралея, фаворита королевы Елизаветы, человека широкого образования и вольных мыслей. Люди, окружавшие этого фаворита, составляли его «маленькую Академию», прозванную недоброжелателями «школой атеизма».

Доносчики уже давно сообщали Тайному Совету, что сэр Ралей и его друзья, не внушающие никакого доверия, издеваются над Старым и Новым Заветом, а мистер Марло способен выдвинуть более убедительные доказательства в пользу атеизма, чем какое-либо духовное лицо в Англии в пользу существования Бога.

Как-то раз сэр Мефистофель в сопровождении своего слуги Фальстафа, под именем которого в чертовых списках значился Вельзевул, заглянул в таверну «Кабанья Голова», где его поджидал сэр Ралей и Кристофер Марло.

Наш Фальстаф был уже навеселе.

Потеряв по дороге карманные часы с микрокомпьютером и аудиовизуальной кукушкой, он вдруг перестал ориентироваться в туманном английском времени и спросил Кристофера, который теперь час, имея в виду, какой сейчас век.

– На кой черт тебе знать, который час? – усмехнулся Кристофер, оценивающе поглядывая на развеселую и слегка пьяную рожу слуги сэра Мефистофеля. – Вот если бы часы превратились в кружки хереса, а циферблат стал вывеской непотребного дома, тогда, я понимаю, тебе был бы смысл спрашивать, который теперь час.

– Ты прав, мой друг! – пробасил Фальстаф, обрушивая свое многопудовое тело на лавку. – Наливай мне хереса и поговорим о чем-нибудь очень земном и низменном. Наплевать на время, если не мы, а оно подчиняется нам.

Пока сэр Мефистофель шушукался с сэром Ралеем на злободневные политические темы, наш балагуристый Фальстаф предавался жизнерадостной беседе с Кристофером Марло.

– Фальстаф, ты, как я погляжу, исключительно большой чревоугодник, – проронил Кристофер, изумленно наблюдая за тем, как его собутыльник безжалостно и стремительно расправляется со здоровенным окороком вепря.

– Увы, моя вместительная сверх всякой меры утроба чрезвычайно ненасытна, и с этим я не могу и не хочу ничего поделать, – чавкая и отдуваясь, ответил «сэр Большое Брюхо», как порой ласково именовал своего слугу сэр Мефистофель.

– Воистину ты сама Утроба! – восхитился ответом приятеля Кристофер.

– И заметь себе, дружище, что в этой добротной Утробе нет места для скучного моему мироощущению философствования или для высокой политики, которая смертельно костлява и пахнет кладбищем. Она, то есть Утроба, причем Утроба в высшем смысле этого слова, Утроба как воплощение моего естества и моей самости, вся набита не только кишками да потрохами, но еще и здоровыми плотскими желаниями попеременно с разными веселыми мыслишками. Поэтому здоровье и здоровый дух из меня так и прут, так и прут... Я живу в полное свое удовольствие, и мне с моим брюхом нет дела до недовольных сытой жизнью тощебрюхов.

– А как же роль слуги при сэре Мефистофеле, который дня не может прожить без политики? Ты поневоле вынужден совать свой нос на политическую кухню...

– Нет, от этой смрадной кухни уволь меня! Мое брюхо не выдержит ее острых приправ к обглоданным костям борцов за власть. Я никогда по собственной инициативе не осуществляю политических действий. Однако по желанию хозяина могу играть второстепенную роль рядом с политической кухней. Вот и сейчас мы присутствуем при решении каких-то политических вопросов, но сами не действуем, то есть не решаем их, а лишь рассуждаем о политике вообще.

Разделавшись с окороком и не чувствуя полного насыщения своей утробы, Фальстаф задумчиво погладил пузо, по совету которого подозвал разбитную трактирщицу миссис Куикли и заказал себе еще парочку ростбифов.

В ожидании очередного блюда, ковыряясь в зубах, он начал поучать своего собеседника.

– В чем состоит храбрость слуги?

– В защите жизни, чести и достоинства своего господина, – ответил Кристофер.

– Это правильно только отчасти. Главное достоинство храброго слуги – благоразумие, которое спасает ему жизнь. Какой прок господину от мертвого слуги? Поэтому действительно храбрый слуга в первую очередь должен заботиться о себе, чтобы затем проявить талант заботы о господине.

– Ну и мастак ты на софизмы! И как такого умника терпит сэр Мефистофель?

– Он такое же благоразумное существо, как я и другие букашки. Ну просто весь в меня. Жизнь – это вечный театр очень разных и благоразумных метаморфоз. Не будь такого постоянно обновляющегося благоразумия, мы давно бы уже кормили своим прахом червей, а это – чертовски унылое занятие, мой друг. Скуки в нашей жизни хватает и без могил. Вот почему в любое скучное время надо спешить чем-нибудь хорошенько позабавиться. И я спешу насытить свою утробу, спешу пощупать любвеобильных девиц... В этом состоит мое скромное призвание и мое великое предназначение, а для любого трезво мыслящего жизнелюба и благоразумного весельчака не грех следовать своему призванию вкупе с предназначением, ибо чему же еще следовать, как только не этому.

В этом месте изложение философских взглядов Фальстафа на жизнь было внезапно прервано сэром Мефистофелем, который закончил шушукаться с сэром Ралеем и начал прощаться с ним, торопясь куда-то по своим неотложным делам.

С сожалением принявшись к запаху готовящегося на кухне ростбифа, Фальстаф горестно махнул рукой, тоскливо рыгнул и лениво потопал за хозяином, которого позднее Кристофер Марло описал в своем прелюбопытной пьесе «Трагическая история доктора Фауста».

Внимательно ознакомившись с этой пьесой, сэр Мефистофель остался очень доволен ею, хотя и не поленился сделать несколько редакционных замечаний.

Вот таким, понимаете, образом Янус Адольфович старательно руководил и направлял литературный процесс на Британских островах. А поскольку его постоянно сопровождал верный телохранитель Вельзевул, то английские сочинители, включая Шекспира или того, кто скрывался под этим именем, не ведая истинной подноготной двух замаскированных оборотней, исхитрились присобачить на свой манер образ дьявольского чревоугодника ко всему, что им казалось забавным.

Теперь о самом важном – о машине времени, ее создателе и английской рецепции альдебаранских научно-технических идей.

Это тоже очень забавно, так как и здесь не обошлось без изощренного фальстафизма в форме некоторого фальсификационизма.

По приказу Мефистофеля его оруженосец и телохранитель Вельзевул-Фальстаф однажды устроил телепатический контакт альдебаранского научного гения, постигшего

сокровенную метафизическую суть времени, с проживающим в Лондоне писателем-фантастом Гербертом Уэллсом.

Изобретатель усовершенствованного мобильного перпетолета, известного наиболее умным землянам под названием машины времени, именуемой в латинском и староальдебаранском просторечье *perpetuum mobile*, обладал серыми искрящимися глазами, темной и несколько взъерошенной бородой с легкой проседью, внушительно низким лбом и типичным голосом завязтого любителя заглянуть на самое мутное дно бутылки в поисках нескольких капель незамутненной Истины.

Развалившись в телепатическом кресле, он вначале опрокинул рюмку спотыкача и занюхал крепкий напиток цибулей. Минутку помолчал, а потом протелепал, обращаясь к Уэллсу и его спутнику в лице сэра Мефистофеля:

– Коллеги! Мне придется с превеликим удовольствием и некоторой долей злорадства решительно опровергнуть ряд общепринятых представлений. Начну с опровержения архаичной геометрии, которая построена на одних сплошных недоразумениях...

– Начинать, – милостиво кивнул сэр Мефистофель, поглаживая свою клинообразную бородку и бросая гипнотический взгляд на мистера Уэллса, находящегося в сомнамбулическом состоянии, единственно возможном для эффективного телепатического сеанса.

– Да, не стоит тянуть кога за хвост, – подхватил мистер Уэллс, подсаживаясь с закрытыми глазами спящего человека к камину, в котором ярко пылал огонь.

– Хорошо! Вы, конечно, знаете, что математическая точка, линия и математическая плоскость являются чистыми абстракциями, то есть реально они не существуют.

– Совершенно верно, – подтвердил Уэллс, не открывая глаз.

– А может ли существовать куб, обладающий только длиной, шириной и высотой?

– А как же иначе? – изумился присутствующий при этом сеансе мистер Фальстаф, прекращая лугать семечки и запивать их славным английским пивом.

– Так думает большинство совершенно необразованных обывателей, – самодовольно протелепал изобретатель. – А может ли существовать вневременной куб?

– О чем это вы? – перестав похрапывать, мысленно спросил изобретателя писатель.

– Можно ли признать действительно существующим кубом то, что не существует во времени?

Мистер Уэллс насупился и чуть было не заморгал растерянно глазами, что могло прервать исторически важный телепатический контакт, но тут на должной высоте оказался сэр Мефистофель, который своевременно усилил свой гипноз и спас сеанс.

– Чтобы объективно существовать, – продолжал тем временем изобретатель, – каждое реальное тело должно обладать не тремя, а четырьмя измерениями: оно должно иметь не только длину, ширину и высоту, но и продолжительность существования. Вследствие ограниченности своего ума рядовой обыватель не замечает последнего. А на самом деле существуют четыре измерения, из которых три называются пространственными, а четвертое – временным.

– И что из этого следует? – поинтересовался Уэллс.

– Из этого следует, что элементарная трехмерная геометрия – не единственная геометрия, доступная воображению математиков. Один мой знакомый создал геометрию четырех измерений, рассуждая так: если на плоской поверхности можно представить чертеж трехмерного тела, то при помощи трехмерной геометрической модели можно попытаться представить предмет в четырех измерениях. Для этого требуется только овладеть особой перспективой данного предмета. Понимаете?

– Отчасти, – беззвучно зашевелил губами Уэллс, хмуря брови и морща лоб.

– Мне тоже пришлось одно время основательно заниматься геометрией четырех измерений, и я получил довольно любопытные выводы, приведшие к созданию

теоретической модели машины времени.

– Что же это за выводы? – напрягся писатель.

– Суть этих выводов я проиллюстрирую следующим примером. Допустим, мы имеем ряд скульптурных портретов одного и того же индивидуума. На одном портрете ему восемь лет, на другом – пятнадцать, на третьем – тридцать и так далее. Все это трехмерные представления его четырехмерного существования. В этом смысле Время – особая портретная галерея Пространства.

– Изумительно красивая метафора! – восхищенно произнес сэр Мефистофель, тонкий ценитель остроумных сравнений и многозначительных аналогий. – Но что нам препятствует двигаться во времени точно так же, как мы движемся во всех остальных измерениях пространства?

– Препятствия имеют сугубо технический характер, – дернул плечами изобретатель. – Надо только овладеть хитроумным искусством делать пространственно-механические портреты времени. Частично мы все уже владеете таким искусством. К нему относится ваша память, фантазия, язык, книги, живопись, фотография... Если вы, например, очень ярко вспоминаете какое-либо минувшее событие, то мысленно возвращаетесь ко времени его свершения и как бы отсутствуете в настоящем. Вы на какой-то неуловимый миг делаете прыжок в близкое или далекое прошлое, но при этом не имеете никакой возможности остаться в прошлом на определенный отрезок реального, а не воображаемого времени. Задача состоит в том, чтобы очутиться не только в другом времени, но и в другом пространстве, материализовав прошлое или будущее, придав ему реальный физический смысл трехмерного пространства. При этом вы никогда не попадете абсолютно точно ни в тривиальное прошлое, ни в экстраординарное будущее. Вы будете с риском для жизни путешествовать по параллельным возможным мирам, где ваше рождение и смерть будут подчиняться игре иных случайностей. Другими словами говоря, своей реальной смерти вы никогда не увидите.

Протелепав это, изобретатель победно улыбнулся и хлопнул вторую рюмашку спотыкача.

Его мысли огорошили писателя и заставили всерьез задуматься над темой фантастического путешествия во времени.

Не будем мешать мистеру Уэллсу обдумывать сюжет «Машины времени» и перенесемся в тот далекий от Земли мир, жители которого умудрились создать машину времени и с ее помощью превратить вселенскую историю в нагромождение самых невероятных событий.

Андрей Силенгинский

Фантомные боли

– Что же все-таки беспокоит вас, капрал Санчес?

Никакой видимой реакции на узком, не лишенном приятности лице с правильными чертами. Прядь стриженных по последней моде темно-каштановых волос нависает над

самыми глазами, выбравшими для созерцания точку на дальней стене кабинета.

Худощавое тело, свободно откинувшееся на спинку кресла, выглядит хрупким и даже немного болезненным. Забавное впечатление. Если учесть, что тонкие пальцы левой руки, расслабленно лежащие на подлокотнике, могут в мгновение ока сомкнуться, даже не заметив сопротивления ломающегося пластика.

– Капрал Санчес?

Глаза цвета свежееуложенного асфальта неспешно меняют свое положение. Капрал смотрит мне в лицо.

– Да. Простите, док. Я слышал ваш вопрос, но, как ни глупо это звучит, не знаю, что ответить. У меня было время, чтобы спокойно все обдумать и четко выразить свои мысли, однако я поспешил прийти сюда и теперь трачу ваше время.

– Все нормально, капрал. Это время мне оплачивают, причем довольно щедро, – легкая улыбка, оставшаяся без ответа. – Если вы не можете сказать, что вас беспокоит, возможно, Вам легче будет ответить на вопрос, когда это беспокойство возникло?

– Может быть... Я расскажу все по порядку. Это было на... у вас есть доступ категории С2, док?

Я молча протянул вперед левую руку. Санчес коснулся моего запястья безымянным пальцем своей правой руки, считывая информацию. Через секунду его лицо выразило смесь удивления и смущения.

– А4... Вот это да, док!

Видно было, что я здорово вырос в его глазах. Да и вся братия психологов, пожалуй. Вывали я перед ним разом все свои научные труды, это не дало бы и десятой доли того эффекта. Теперь для капрала Санчеса я – третье лицо во Вселенной. После полковника Редберга и господина Бога. Н-да, именно в таком порядке... Есть, конечно, еще Император, но это – фигура полумифическая.

– Дело, значит, было на Нова-Иллионе. Месяц назад мы там... – он на секунду загнулся, но вспомнил об А4 и преодолел психологический барьер в своем сознании. – Мы там оказывали содействие вооруженному перевороту. Прежнее правительство утратило лояльность к Империи...

Я знал все о ситуации на Нова-Иллионе. Ну, не все, конечно, но больше, чем капрал Санчес с его С1. Однако перебивать не стал. Не стоит давить на Санчеса своим рангом, чем больше он будет говорить, тем проще ему будет вновь расслабиться и спокойно рассказать о своей проблеме. Поэтому я, изобразив на лице вежливое и немного отстраненное любопытство, выслушал версию капрала о политической подоплеке смены власти на далекой, не слишком развитой, но очень важной в стратегическом плане планете. Наконец, начался рассказ по существу.

– Мы прилетели немного заранее. Мы почти всегда прилетаем заранее, и в девяти случаях из десяти никаких активных действий от нас уже не требуется. Вы понимаете? – он чуть смущенно улыбнулся.

Я кивнул. Чтобы это понять совсем необязательно иметь допуск А4. Все наслышаны об Имперских Коршунах, но мало кто знает, что же это все-таки такое. Бытует мнение, что Коршуны – суперэлитное подразделение армии. Это не так. Коршуны – сами по себе отдельная, самостоятельная армия. Пусть в сотни раз малочисленной регулярных сил, зато во столько же раз эффективней. Каждый Коршун подчиняется полковнику Редбергу, а полковник Редберг подчиняется только лично Императору. Очень простая иерархия.

Что поддерживает такой колоссальный авторитет Коршунов? Один очень простой факт. В их истории нет неудач. Ни единой. Даже относительной. Только полные, абсолютные, безоговорочные победы.

Неудивительно, что стоит линкору с характерной, известной всей освоенной человеком части Галактики эмблемой, выйти на орбиту какой-нибудь планеты, непосредственно до

вооруженного конфликта дело доходит далеко не всегда. Непримиримые противники обсуждают условия мирного договора, мятежники забывают думать о мятеже, а неугодное правительство добровольно уходит в отставку.

Но на Нова-Иллионе было не так.

– Но на Нова-Иллионе было не так, – продолжал Санчес. – Мы высадились и предложили местным заправилам передать власть оппозиции. Но те заартачились. Глупо, – капрал вздохнул. – Мы дали им неделю срока и стали ждать.

Города там у них – курам на смех. Столица – десять тысяч жителей, двух- трехэтажные домишки. Деревня, одним словом. Развернули мы базу за чертой города, но – если с другой стороны посмотреть – в километре от Президентского дворца.

К нам там мальчишки местные бегали каждый день. Мы их не прогоняли, зачем? Один что посмелее на второй день уже ко мне подойти решился. Лео его звали, но на льва совсем не похож. На волчонка больше. Чернявый, худой, но жилистый. А глаза большие, серые и смотрят так... пронзительно, в общем. Лет восьми, наверно, пацаненок.

Подходит ко мне и говорит, что тоже Коршуном стать хочет. Ну, что я ему скажу? Молодец, говорю, учись хорошо, спортом занимайся... Обычные дела, в общем. А он слушает, серьезно так, будто я секретные знания ему какие-то открываю.

Я, говорит, уже и копилку себе завел, мороженое третий месяц не ем, на Академию деньги собираю. Я смеяться не стал, наоборот, дал ему полреала. Положи, говорю, в копилку... Я не слишком подробно, док?

– Все отлично, капрал, продолжайте.

– Вот... Каждый день он прибежал. То со мной поговорит, то еще с кем, а то просто сидит и смотрит. А чего там смотреть, мы ничем там, в общем-то, занимались. Ждали. А правительство молчит. На что они рассчитывали, я так и не понял, да и не моего ума это дело. Срок ультиматума истек – тишина. И главное – ни эвакуации, ни предупреждения для горожан, ничего. Как будто все в порядке.

Ну, мы, естественно, штурм Президентского дворца готовим, все на одном дыхании, прямо от базы. Я же говорил, чего там расстояния – километра не будет. Начали. Мой взвод по плану с тыльной стороны здания подходить должен.

А городская планировка там – за голову хватаешься, кто до такого додумался. Домишки понатыканы как попало. То, значит, пустырь в центре города, хоть в футбол играй, то лепятся дома один к другому, что руки в сторону не разведешь, за стены зацепишься. Вот за дворцом как раз такая картина. Три одноэтажных домика стоят – и между ними никакая техника не пройдет. Принял я решение средний дом из ПО-7 убрать. Рассчитали все – меньше чем за три секунды от него только пепел остаться должен. Так и случилось, в общем-то. Дал я команду, пальнули, никакой задержки не случилось. Подошли к дворцу строго по графику.

Капрал замолчал. Я решился чуть подтолкнуть его.

– Что же вас смущает?

– Перед тем как дать команду на залп, я увидел в окне дома паренька этого, Лео. Сидит и на нас смотрит. Восхищенно так.

Санчес на миг опустил голову, но тут же снова посмотрел мне в глаза.

– Но ведь это не помешало вам вовремя произвести выстрел?

– Конечно, нет, док, что вы. И во время выстрела все стало таким четким-четким... знаете, как при вспышке молнии. И я сумел разглядеть на шее у парнишки монетку эту, в полреала. Ту самую, наверно, что я ему дал. Не стал, выходит, он ее в копилку класть, а вместо талисмана носил. Хороший парень... И целеустремленный, может, правда бы в Коршуна вырос, – капрал снова замолчал.

– Скажите, – прервал я затянувшуюся паузу. – С какого расстояния производился выстрел?

– Семьдесят шесть метров, – без запинки ответил Санчес.
– Семьдесят шесть метров, – медленно повторил я. – Операция проходила днем, я правильно понял?
– Да, – капрал кивнул.
– Следовательно, маловероятно, чтобы в доме горело искусственное освещение. Еще один кивок.
– Простите, капрал, но увидеть кого-либо в окне при таких условиях...
– Я знаю, док, – Санчес перебил меня. – Сам много об этом думал после всего... Но говорите, что хотите, – видел. Своими глазами, без всякой оптики – в видеоискатель я не смотрел. Видел, – решительно добавил он.
– Возможно, – я не спеша подбираю слова, – вам показалось. Точнее, вы убедили себя в этом.
– А может, и так, – капрал согласился неожиданно легко. Видимо, сам допускал такую возможность. – Но все равно...
– В любом случае, после этого у вас в душе неприятный осадок? – пришел я на помощь.
– По правде сказать, да. Мне лицо того паренька по ночам даже снится иногда. Просыпаюсь и заснуть потом долго еще не могу. Мне больно, доктор! – Санчес порывисто поднял руку, неуверенно подержал ее на уровне груди и уронил обратно на подлокотник.
– Вот и хочу я спросить, может на меня “лоботомия” не подействовала?
Капрал имел в виду лобэктомия. Так Коршуны в шутку называли операцию, которая в архивах подразделения носила код BSK-X8. Как расшифровывалась сия аббревиатура, не имел понятия даже я. Операцию эту в обязательном порядке делали всему рядовому и младшему офицерскому составу Коршунов. Никакого отношения к настоящей декортикации она, разумеется, не имела. Человек после операции ничуть не терял в умственных способностях, умел шутить, смеяться, злиться... умел, наверное, и плакать, если можно представить себе плачущего Коршуна. То есть, оставался развитой в эмоциональном плане личностью.
В противном случае количество желающих попасть под крыло полковника Редберга не было бы так велико. Так невероятно велико. Все попытки злопыхателей представить перенесших операцию бесчувственными роботами с треском провалились. Зато преимущества были очевидны.
Резко повышалась эффективность действий в экстремальных условиях. Исчезали излишние сомнения. Возрастала скорость принятия сложных решений. А главное – отсутствовали неприятные последствия. Коршун не мучился душевными переживаниями, когда исправить уже в любом случае ничего нельзя.
Не должен мучиться.
Тем не менее, работы у меня хватало.
– Вы ведь первый год в полку, капрал?
– Да, док. Чуть больше десяти месяцев. Служил капитаном в регулярных войсках на Франкте, затем лейтенантом Имперского Десанта. Подал рапорт. Год назад он был рассмотрен и одобрен.
Да... Недурная карьера. Энергичный парень, возможно, далеко пойдет.
Я мог бы найти слова, чтобы успокоить капрала. Правильней сказать, я обязан был их найти. И всегда находил. Работа у меня такая. Мерзкая – порой, но хорошо оплачиваемая. Всегда. Выбросил бы капрал из головы и сожженный дом, и Лео, смерть которого он, скорее всего, придумал себе сам. Забыл бы вообще о том эпизоде и вернул себе здоровый и крепкий сон прямо с сегодняшней ночи.
Но я этого делать не стал. Тоска такая накатила – все бы отдал, лишь бы поскорее прекратить этот разговор и избавиться от Санчеса. Хотя понимаю, разумеется, что ни в

чем он не виноват.

Примерно каждый десятый Коршун на первом году службы проходит через мой кабинет. С одинаковыми, в общем-то, жалобами. Научного объяснения этому феномену пока не дано. Все лабораторные исследования BSK-X8 отрицают возможность подобного дефекта в послеоперационный период.

И все-таки каждый десятый... но только в первый год...

Я выписываю Санчесу снотворное и выпроваживаю из кабинета. Объясняю, что «это» скоро пройдет. Действительно, пройдет, и меня это, почему-то, страшно злит. Пожалуй, мне самому сейчас не помешала бы помощь психолога.

А еще мне очень хочется рассказать капралу о фантомных болях. О том, что человек порой долго еще чувствует боль в ампутированной конечности. В руке или в ноге. Руки нет – а боль есть.

Но я знаю, что никогда и никому не скажу такого. BSK-X8 ничего не отнимает у человека. Это официально одобренное высшим руководством и подтвержденное ведущими учеными мнение.

Непонятно откуда возникает глупое и противоречивое желание, чтобы капрал Санчес, один вид которого только что вызывал у меня отвращение, пришел ко мне еще раз. Через год.

Пусть даже у Имперских Коршунов появится одна крошечная неудача.

Виктор Леденев

Победители

*Памяти фронтовика Ивана Митрофановича Леденева,
моего отца....*

Иван проснулся точно в определенное время, по выработавшейся за годы службы и войны привычке - ровно за минуту до подъема. Сейчас забегают санитары, сестрички будут будить раненых и раздавать таблетки, пичкать микстурами, ставить клизмы... Но что-то необычное было в этом утре... Словно что-то исчезло или появилось в мире. Иван прикрыл глаза и вдруг осознал – исчезла боль в руке! Осталось лишь легкое нытье, которое можно и не замечать. Он пошевелил пальцами, осторожно попробовал, сколько мог, согнуть руку в локте... Боль не вспыхнула черным пламенем, не ударила в плечо и голову, словно никогда раньше так и не делала.

Неожиданно раздался истошный вопль. Непохоже на крик от боли, скорее человек кричал какое-то слово, причем, вроде бы одно и то же, но разобрать, что он кричит, Иван не смог. Соседи по палате тоже прислушались, пока старший сержант Васька по прозвищу Машинист, не завопил сам во все горло.

- Победа! Братцы славяне, победа!

Точно! Тот человек внизу и орал это единственное слово – победа, победа... Иван откинулся на подушку. Вот оно, пришло наконец. Ждали со дня на день, наши уже в

Берлине, приканчивают гада в его логове, и... Гитлер капут! Все, победа. Кончилась война, больше никто не будет умирать...

В палату на одном костыле из соседей палаты приковылял Николай Николаевич, старшина его роты. Надо же случиться такому - их и ранили в один день, и в госпиталь один и тот же угодили.

- Капитан, слышишь, победа! Дожили, дошли, Митрофаныч... Теперь все, войне конец, теперь все по домам.

Старшина был самым старым в роте, и его все, включая офицеров, именовали только по имени-отчеству.

- Поздравляю тебя, Николай Николаевич! Пришел и к нам праздник, а сколько же мы его ждали...

По коридору бегали санитары, поторапливали всех на завтрак, а после него все будем слушать Левитана, важное правительственное сообщение... Николай Николаевич вытер ставшие влажными глаза и тихо сказал.

- Я помню, как Левитан о войне объявлял, до сих пор в ушах те слова застряли, как осколок. Вспомню, мурашки по коже от страха.. И вот, не думал что доживу и еще раз услышу, только теперь, как мы этих гадов раздавили... Вставай, капитан. Победа победой, а пожрать надо. Может, что по случаю, вкусного дадут, а не баланду.

После безалаберного завтрака, так и не поняв, чем их кормили, все, кто мог ходить, собрались в скверике, возле большого громкоговорителя. Оттуда доносились какие-то хрипы, треск и никакого Левитана. Иван взглянул на свои часы, подарок разведчиков, некая-то там немецкая штамповка, а настоящий "мозер" - вроде бы уже пора, как вдруг с полуслова на них обрушился трагический и ликующий голос главного диктора страны: "...фашистская Германия безоговорочно капитулировала. Великая Отечественная война советского народа победоносно завершена, товарищи!"

От этого голоса и этих слов запершило в горле и защипало в глазах. Капитан Иван Морозов уткнулся в плечо своего старшины, а тот плакал, не стесняясь и не скрывая слез. Выступление больше никто не слушал, кому нужны теперь какие там подробности, кто подписывал капитуляцию, когда будет отмечаться День победы, никого уже не интересовало. Пришла победа, пришла и все. Самое главное товарищ Левитан уже сказал, а остальное узнаем потом... Из окон торчали головы тех, кто не мог спуститься вниз, они тоже что-то кричали, смеялись...

Поддерживая старшину, ковылявшего с одним костылем (по два не хватало на всех), Морозов отошел с ним к здоровенному платану и помог товарищу усесться на землю.

- Посиди, старшина, а то ты сегодня набегался на месяц вперед.

Николай Николаевич вытер слезы и к нему вернулся его обычный хозяйственный рассудок.

- Капитан, а ведь обмыть победу надо. Нехорошо просто так праздновать, не по-божески. Только вот из меня ходок плохой, дай бог да палаты доползти, а уж до магазина...

- Ты прав, Николай Николаевич, такое раз в жизни бывает и нам на долю выпало. А ты знаешь, у меня и рука болеть вдруг перестала, наверно, чувствовала, что сегодня за день такой. Умная у меня рука, оказывается, это к счастью. Надо бы ребят сгношить, тоже, небось, сейчас о том же самом думают. Не будем же мы с тобой вдвоем пить, а старшина?

- А мы с тобой все равно и вдвоем выпьем, ведь сколько вместе провоевали, а?

- Почти три года.

- А что такое год на войне? Зачет за три, а может и за все десять?

- Не знаю, не пробовал считать, но уж точно, не день за день считать будем...

- То-то и оно, капитан. Давай, к ребятам, а я здесь отлежусь, а потом вон в те кусты доберусь, там и ждать буду.

Соседей по палате уговаривать не пришлось, они и сами уже бурно обсуждали, как, где раздобыть бутылку, насобирать закуски и отметить победу. За водкой решено было отправить Ивана с Васькой. Машинист парень здоровый почти, может дотащить хоть ведро водки, а капитан пускай уламывает продавщицу, которой строго-настрого запрещено продавать раненым водку.

Катя была женщиной смешливой и пухлой, до удивления чувствительной. У нее жених пропал без вести еще в начале войны и она не переставала вглядываться в каждого раненого, прибывающего в этот южный город, расспрашивала, кого могла, о своем Митеньке и ждала. У раненых такое постоянство вызывало уважение, никто не пробовал даже подступиться к симпатичной продавщице. А когда один лихой летчик, видимо отшитый ею, принялся врать про свои шашни с Катериной, ему устроили темную, невзирая на его ордена и звание.

Катю долго упрашивать не пришлось, она сама завернула несколько бутылок "сучка" в тряпку и передала Ваське-машинисту. Иван отсчитывал деньги и старался не глядеть на Катю лицо. В ее простодушных глазах он прочел удивление и обиду - сегодня у всех победа, а ее Мити дома нету, как же так? Так не должно быть, это несправедливо, нечестно...

Под кустами собралась большая компания и сидели сегодня все, ни от кого не прячась, сегодня солдату можно все, это читалось на сияющих физиономиях, радостно встретивших долгожданных гонцов. Солнце уже было высоко и наступала непривычная обычная для большинства раненых южная жара. Вася бережно уложил бутылки в тенек, начал раскладывать свертки с едой.

Николай Николаевич разлил водку по алюминиевым кружкам и поднял свою.

- За Сталина, за победу и всех нас! Ура!

Ответное "ура" было коротким и недружным, душа требовала не речей, а чего-то более существенного. После первой кружки у ослабевших от ран и скудной еды победителей языки развязались сами собой. Все наперебой начали вспоминать самое-самое, что казалось им важным в это момент, что было год, два назад... Бесконечные рассказы о военных буднях, о четырех годах страха и смерти, мужества и боли...

Иван поднял кружку.

- За тех, кто не вернется никогда.

Словно обрезало все разговоры, лица стали жесткими, закрытыми. У каждого было, кого помянуть, кому сказать прощай..

Николай Николаевич на правах старшего плеснул понемногу в свою кружку, иванову и подвинулся ближе.

- Помнишь, капитан ту ночь под Сталинградом, когда Худайбердыева немцы украли? Вместе с пулеметом. И особисты чуть не со всей армии к нам сбежались?

- Еще как помню, такое не забудешь..

- А когда все ушли, мы с тобой за избавление от верной смерти пили? Вдвоем - ты и я. Что ты тогда сказал?

- Сказал, что если уж от своих кое-как от смерти ушли, то немцам нас ни за что не прикончат, до победы обязательно доживем.

- Точно. Вот и дожили. С победой тебя, Иван Митрофанович.

- И тебя, Николай Николаевич.

Лейтенанта Иван приметил уже давно, он ходил от одной группки раненых к другой и что-то выпрашивал. Потом кто-то показал в сторону кустиков и лейтенант отправился к ним.

- Здорово, славяне! С победой вас!

- Здорово! И тебя так же! Давай к нам, садись,

- Налейте лейтенанту...

- Ни-ни-ни! Хлопцы, я на службе. Победа, конечно, победой, а выходного дня в армии товарищ Левитан не объявлял. Кто тут капитан Морозов будет?

Иван повернулся к лейтенанту.

- Я капитан Морозов, а в чем дело?

Лейтенант хохотнул, полез в карман гимнастерки и вынул бумажку.

- Да ты сам читай, я только рассыльный, там все сказано.

Иван разглядел надпись наверху - "Городской военный комиссариат", ниже... "явиться в 14.00 к военному..."

- А в чем дело, зачем я понадобился вашему военному? Меня, можно сказать, уже демобилизовали по ранению, на что я ему теперь-то, почти безрукий?

Лейтенант картинно расставил руки.

- Так я же говорю,- только развожу повестки, а что, зачем, да почему, это не мое дело.

Правда, слышал, что о каких-то наградах речь идет или еще что...

Компания, настороженно следившая за разговором, сразу повеселела.

- Эй, Митрофаныч, орден тебе, наверно, положен, вот и ищут.

- Точно! Мне медаль после второго ранения аж через полгода вручили, может и тебе так...

Николай Николаевич похлопал Ивана по плечу,

- Езжай, капитан, тебе и впрямь награда положена за последний бой в Польше, помнишь?

- Еще бы не помнить, старшина. Помню. Ладно, едем. Вещи брать?

Лейтенант опять захохотал.

- Какие вещи, еще вернешься, может и водочки тебе останется, ребята приберегут. А?

- Что ж, так вот в больничной одежке и ехать?

- А что, ты ведь раненый герой, и в таком обличье там примут.

Что-то суетливое и фальшивое показалось Ивану в лейтенанте. Ему уже лет тридцать пять, наверно, а всего лейтенант. Как-то не вязалась его застиранная гимнастерка с круглой лоснящейся физиономией. Но думать было некогда, лейтенант уже встал и выжидающе смотрел на Ивана.

В "эмке" за рулем сидел здоровенный бугай, а на заднем сиденье примостился старшина с новенькими твердыми погонами. Лейтенант открыл заднюю дверцу.

- Залезай! Принимай, старшина, еще одного героя, может, вместе ордена получать будете.

И опять Ивану не понравился тон лейтенанта, а старшина громко заржал в ответ на шутку. Бугай рванул машину с места. Морозов с интересом смотрел в окно - в этом южном городке ему до войны не приходилось бывать, а из госпиталя немного увидишь. Маленькие белые домики, высоченный пирамидальные тополя, отбрасывающие резкие полосатые тени на дорогу, буйство молодой зелени во дворах... Машина попетляла по узким улицам, въехала в центр, здесь уже стояли двух и трехэтажные дома, кое-где даже уложен асфальт. "Эмка" притормозила возле неказистого двухэтажного здания с небольшой табличкой у входа. Из всех слов на ней Иван успел рассмотреть только одно - "...госбезопасности"...

- Эй, лейтенант, куда это мы приехали? Ты же говорил, что в военкомат.

- Это и есть военкомат для таких, как ты, героев. Выходи! Петро, помоги капитану, а то он со страху сейчас в штаны наделает.

Старшина с новенькими погонами резко ухватился за раненую руку, сжав ее, словно клешнями.

- Выходи, капитан, а то опять руку сломаю.

Боль полоснула по груди, Иван даже застонал. И еще - от бессилия. Он медленно вывалился из машины, неожиданно для себя потерял равновесие и упал на колени возле

дверцы.

- Хватит притворяться, старшина, отведи его к майору. Теперь он с ним заниматься будет.

Сквозь завесу боли Иван все-таки смог разглядеть двери, часового внутри и полутемный коридор, по которому здоровяк-старшина попросту проволока его, как тряпичную куклу и вбросил в раскрывшуюся дверь кабинета. Иван с трудом удержался на ногах и огляделся. В кабинете никого не было - стол, перед ним стул, прибитый к полу, железный сейф. Больше ничего.

- Здравствуйте, Иван Митрофанович. Давно хотел с вами познакомиться.

Иван обернулся. В дверях стоял незнакомый майор, позади маячила рожа старшины.

- Проходите, садитесь.

Майор неторопливо прошел за стол, открыл ключом ящик и вынул оттуда папку.

- А почему я здесь, что случилось, майор? Зачем меня сюда привезли?

- А вы не догадываетесь, капитан? Подумайте, вспомните, что такого там за вами числится?

- Нечему за мной числится. Воевал, как все. Ранен – теперь в госпитале. Почти здоров, только вот рука не совсем...

- Как же, как же, знаем, боевой офицер, столько наград... А все-таки, давайте-ка вспомним 1944 год, октябрь, Польша...

- А что там вспоминать, все как всегда, воевали и в Польше...

- Вот. А с кем воевали?

- Как это с кем, с немцами, конечно, что вы, майор, глупые вопросы задаете.

Лицо майора окаменело.

- Заткнись, сука, продажная, я тебе не глупые вопросы задаю, а допрашиваю тебя, как врага нашего советского народа. Ты кого оружием в Польше снабжал, а? Почему ты "Армии Крайовой", злейшим врагам Советской власти автоматы раздавал? Ты вот о чем вспомни, а потом посмотри, кто из нас глупости говорить будет.

- Так ведь они вместе с моей ротой в атаку на немцев ходили, мы же пять раз ту деревню проклятую брали! Что ж я их без оружия в бой посылать должен? Они там почти все и полегли, да и мои тоже...

- Так, начинаем признаваться. Это правильно, капитан, все равно ты бы нам все рассказал, у нас для таких, как ты много способов разговорить найдется. А теперь, подлюга вражья, все по порядку...

Иван закрыл глаза и застонал. Боль вернулась...

Лейтенант достал из-за пазухи четвертинку водки. Здоровяк за рулем неодобрительно покосился на водку и лейтенанта.

- Эй, Коля, смотри, мы на службе. Нам еще ходку сделать надо. Да и майор, если узнает, плохо тебе будет.

- А откуда он узнает, ты что ли на меня капнешь? А? Ты можешь, ты у нас правильный, - водку не пьешь, не куришь... Даже к бабам не ходишь! Только пострелять любишь, а? Я что-то не так сказал?

Лейтенант, сбил белый сургуч с горлышка, выковырнул мизинцем картонную пробочку и протянул четвертинку старшине на заднем сиденье.

- Выпей, Петро, за победу и за нашу работу, чтоб всяких гадов ловить и к стенке ставить. А выпьешь, спроси у этого Вовы, где он на фронте служил, спроси, не стесняйся. Это он с водкой такой скромный, а про свои дела на фронте страсть как любит рассказывать.

Старшина аккуратно отпил половину, занюхал рукавом и протянул остатки лейтенанту.

- Так кем ты на фронте служил, Володя?

- Для кого Володя, а для тебя товарищ старший лейтенант. И чтоб больше не спрашивал, отведу – расстрельщиком я был. Сорок восемь гнид этой самой рукой расстрелял. Вот так.

Старшина поперхнулся.

- Не нравится? А я и не хочу никому нравиться. Меня бояться должны, а не любить. Вот он сказал, что я к бабам не хожу, так они меня боятся, чувят, что ли... Я у самого Жукова при штабе служил, во все свои поездки по фронтам он меня брал с собой. Приедет, начнет разбираться, а я точно знаю всегда: скоро и мне работа найдется... Он мне орден, личную благодарность и именные часы подарил Вот, гляди.

Верзила выбросил вверх здоровенный кулачище, на запястье красовались немецкие часы с решетчатой защитной крышкой. Лейтенант рассмеялся.

- Вот так, Петро, такие кадры у нас. Это тебе не хухры-мухры. Ты еще человек новый, учись. Ну, за победу, это мы ведь настоящие победители, а не те, что там... Мы этих самых засраных фронтовиков-победителей, если надо, в труху сотрем. Так кто ж над кем стоит, кто настоящий победитель, а, Петро?

- Правильно говоришь, лейтенант, мы и есть победители.

Лейтенант одним духом выпил остатки водки и вынул из кармана кусок хлеба с прилипшими табачными крошками. Зубы у него были мелкие и белые, хлеб в два приема исчез в глотке, словно испарился.

- А майор у нас голова! Это же надо, придумал этих врагов народа в день победы брать! Они сегодня, как тесто мягкие, хватай, как хочешь. Этот-то капитан, видать тертый мужик, а в такой день мы его слепили тихо и без шума - раз и готово. Нет, майор здорово придумал. Голова!

Ладно, нам еще в один госпиталь надо успеть до отбоя, там прихватим еще парочку победителей и на сегодня все, план выполнили... Трогай, Володя...

Сергей Кузнецов

Террорист

Генеральный директор телекомпании «DRX», а проще Александр Борисович Вершинский вставал рано. В семь часов, как всегда лёгкая пробежка метров эдак тысячи три, после душа незамысловатый завтрак, приготовленный домработницей и вот уже машины у ворот.

Эх, Женька, Женька, размышлял он по пути в офис. Знал бы я всё это раньше – убил бы гада своими руками. Если бы не охрана – свидетели – убил бы, точно! Да что уж теперь думать об этом... Теперь поздно. Сцена ареста «совратителя» смакуется всеми СМИ страны. И ТВ и ПРЕССА в подробностях описывают «любовный роман тринадцатилетнего сына директора одной из главных телекомпаний государства и частного преподавателя – Смирнова Андрея Викторовича, двадцатипятилетнего выпускника одного из Вузов...» Все каналы твердят об этом. «DRX» только молчит. Оно и понятно... Переживает Александр Борисович! Ох как переживает! ... Да не за сына!

За карьеру свою, за положение в обществе. Делать то теперь что?

А с виду и не подумаешь. Вроде нормальный парень, очень образован, спортом занимается. Вернее занимался. С Женькой.

Года два назад взял Александр Борисович на работу к себе Андрея. Оформил как одного из работников ТК с заработной платой семьсот долларов в неделю и одним выходным, и стал с тех пор Андрей частным преподавателем Жени Вершинского по всем предметам.

Да-а... Здорово они «спелись»! Я-то, дурак, и подумать не мог, что на самом деле происходит между ними. Женька-то за два года вон каким стал! Не ребенок, а просто интеллигент вперемешку с эстетом. Отца родного по любой теме «загасит»! Женька и Андрей даже общаться между собой начинали на английском.

Распорядок дня в доме был составлен тремя сторонами – отец, Андрей и Женька.

В восемь подъём, до девяти зарядка и бассейн. После завтрака – занятия. В три – обед, а потом снова занятия. До вечера – до восьми. А дальше свободное время – делай что хочешь! Можно по лесу погулять, в бассейне подурчиться. Можно фильм посмотреть. А если надоело всё – есть роскошная беседка во дворе, где можно сидеть и болтать о чем угодно! До отбоя – до двенадцати.

Ну, а после, под неусыпным бдительным оком охраны каждый отправлялся в свою комнату – Андрей редко покидал дом Вершинских. Так было удобнее и им, и ему.

Женька и Андрей поладили между собой сразу. Не было двух враждебных, как обычно, лагерей – ученик и учитель. Были простые, дружеские, доверительные отношения – Андрей рассказывает, а Женька слушает или записывает в тетрадь. (Компьютеру был отведен отдельный урок). С Андреем было интересно Женьке. Он с упоением слушал по вечерам рассказы о далеких звездах, о параллельных мирах. Он с удивлением узнал, что мир, в котором мы живем, всего лишь крохотная частичка Вселенной. Крохотная и такая незащищенная. Он узнал о том, что охотиться на рыбу при помощи тротила (как это делает отец) нечестно. Что вообще нечестное это дело – стрелять по незащищенным зверям – охота... Что война – это всегда плохо, и страдают при этом в основном мирные люди. Что за последние сто лет на земле было всего лишь семьдесят мирных дней. Остальное время война где-нибудь, да шла.

Он узнал о том, что ни при каких обстоятельствах нельзя давать себя в обиду. Что если кого-то незаслуженно обидели – нужно прийти на помощь, пусть даже обидчик и сильнее тебя. А для того, чтобы быть сильным, нужно трудиться над собою каждый день. Женька с завистью поглядывал в бассейне на стройное и тренированное тело Андрея.

А ещё Женька узнал, что Добро и Зло – это весы, на чашечки которых поставлены непомеченные гири почти одинакового веса – попробуй узнать, которая из них «Добро»?!

Вот Время и сделало своё дело – ученик и учитель стали близкими, очень близкими друзьями! А ведь это так важно! Вы встречали подобное в школе? – Возможно. Но редко...

Мамы у Женьки не было. Так уж получилось... Да и что ворошить прошлое – не он один такой... Андрей теперь заменил Женьке маму. Только этого никто не замечал. Женька заметил!

Всё шло как нельзя лучше. Отец редко интересовался успехами сына. Он доверял Андрею, зная его репутацию.

Всё было хорошо до того вечера, когда сотрудник службы охраны вручил Александру Борисовичу в руки кассету. В доме на днях установили систему видеоконтроля. Одна из камер была установлена в бассейне... На всякий случай... Вот тебе и «случай»!

Сгоряча Александр Борисович, просмотрев содержание, запустил кассету в пылающий камин. После взял свой ТТ и направился искать «извращенца».

Тут то служба охраны и подсуежилась. Если бы не они – не сидел бы сейчас Андрей в следственном изоляторе.

«А может это и к лучшему?» - вздохнув, подумал Александр Борисович, когда они уже подъезжали к подъезду офиса.

Александр Борисович поднялся в свой кабинет, не спеша, разделся и включил монитор компьютера. Зажужжал модем. Пальцы пробежались по клавиатуре, и на мониторе отец увидел комнату сына. После случившегося он принял все меры, чтобы избежать ещё больших неприятностей. Слишком уж переживал Женька арест своего Андрея. Врачи поставили диагноз: нервный срыв или что то вроде этого – Александр Борисович не очень то разбирался во всех этих терминах... Сначала предложили курс реабилитации, но потом договорились о постоянном присутствии в доме дежурного психиатра.

Вот и пришлось потрудиться компьютерщикам, чтобы в кабинете была двусторонняя видеосвязь со всем домом.

Отец смотрел на спящего сына. Да... В доме теперь стало всё по – другому...

Не слышно по утрам веселого детского смеха, никто не барахтается в бассейне, заброшены уроки. Женька закрывается на замок в своей комнате и часами что-то читает. Иногда плачет. Когда он узнал о видеослежении, стал закрывать объектив майкой. Тогда они договорились с отцом, что Женька будет это делать тогда, когда ему особенно тоскливо и хочется побыть одному, без этого «видеошпиона». Но на ночь объектив должен оставаться открытым. Договоренность была достигнута путём уговоров и переговоров.

И всё-таки беспокойно было на душе у Александра Борисовича. Тревожно. И за свою дальнейшую карьеру, и за мальчика... Он с грустью и одновременно с отвращением вспоминал те дни, когда Женька был весел и счастлив с этим подонком – с Андреем.

Да-а... – размышлял он, – натворил, не подумав глупостей... Можно ведь было просто вышвырнуть его вон... Тихо и мирно. Не было бы никакой шумихи. А ещё лучше – оставить всё как было... Главное – пацан-то многому научился кроме «этой мерзости»...

В конце концов, не такая уж это редкость... И у меня никаких проблем! Нет же!

На кой хрен надо было звонить ИМ? Составлять протокол, искать улики, вороша кочергой золу в камине? Где они теперь, эти улики? А нет улик. И заяву обратно не заберешь – делу «дали ход»... Хотя попробовать надо бы... Дать следователю сколько нужно... – тот не откажется...

Ну, нет уж! Моя репутация уже «подмочена», а эту сволочь пусть судят!

Отец снова посмотрел на сына. Женька уже проснулся, кажется даже успел принять душ и теперь выволакивал из-под кровати какой-то ящик. Александр Борисович пригляделся и похолодел от ужаса – он понял, что это за ящик!!! В нём полно тротиловых шашек! Килограмм на пятьдесят! Новые. С дистанционкой! Когда же он успел? И зачем?

- Жень! Ты слышишь меня?

- Вижу. Не только слышу. Привет, пап!

- Для чего тебе это?

- А сам не можешь догадаться? Дистанционки в руках у меня видишь? Так вот.

Свяжешься без моей команды с охраной – я нажму сразу обе. Понял?

- Понял я, сын! Понял. Только сиди спокойно. Не нажимай! Зачем ты всё это придумал? Зачем этот спектакль?

- А почему ты подумал, что всё это спектакль? Это репетиция. Представление – после... Теперь ты выполняешь МОИ команды. Никто не должен взломать двери. Прикажи всем, кто есть в доме покинуть его. Предлог придумаешь сам. Действуй.

Отец переключился на камеру службы охраны. Стараясь быть спокойным, он вызвал капитана.

- Здравствуйте, Александр Борисович!

- Привет, Павел. Как у вас там дела?

- Всё в порядке. Женья, наверное, уже проснулся – снова камеру майкой накрыл.

- Зато вторая, моя камера работает. Все нормально. Слушай мой приказ. Сейчас ты собираешь всех людей, что есть в доме, и вы подходите к двери Женькиной спальни.

- А для чего? Что-нибудь случилось?

- Не спрашивай! Выполняй. Не вздумайте стучаться в его комнату. НИ В КОЕМ СЛУЧАЕ!!! Стойте тихо в коридоре и ждите мою команду. Ты, с телефоном, будь немного подальше от дверей.

- Слушаюсь!

Александр Борисович переключился на Женькину комнату. Малыш так же сидел на ящике с шашками и сжимал в руках пульты.

- Женья! Я всё сделал, как ты просил. В доме никого нет.

- Ты уверен? Ну, хорошо. Теперь я показываю тебе ящик. Для того чтобы ты убедился. Женька открыл ящик – он был набит шашками. Капли пота выступили на лбу отца.

- А вот теперь довольно важный этап моей операции. - Ты звонишь в изолятор, договариваешься с кем надо и посылаешь туда бригаду прямого эфира.

- Но пойми!!! Это же невозможно!

- Невозможно? А для меня сейчас очень даже возможно нажать обе кнопки одновременно.

- Хорошо сынок! Я всё это сделаю! Только ты не волнуйся!

- А что мне волноваться? Это тебе надо сейчас дрожать от волнения. Под тобою же сейчас в миг всё может рухнуть. И карьера твоя, и положение в обществе, под тобою пропасть! Можно подумать, что это ты за меня так волнуешься...

Отец начал набирать по телефону номер. С кем-то связался. Заговорил что-то. – Женька не расслышал, что именно.

- Всё нормально, сынок! Бригада выехала в изолятор.

Женька с недоверием исподлобья посмотрел на монитор, в лицо отца и спокойно сказал ему: «А вот теперь самое главное! Со своего компьютера ты посылаешь видео и аудио сигналы в аппаратную, а они в прямой эфир. Ты хорошо меня понял?» - Женька ещё крепче сжал в кулачках пульты.

- Павел! Дай картинку коридора на Женькин монитор.

- Слушаюсь!

Женька взглянул на локальный монитор. Ему стало понятно, что за подлость затеял отец.

В коридоре - человек двадцать. Если нажать кнопку, не только от них, от всего дома

ничего не останется!

- Женя! Подумай сам – за что ты погубишь столько жизней?! Надо ли это делать?

- Какой же ты подлец! Ловко придумал. А я что, думаешь, чего-то не предусмотрел в своём плане? Всё у меня продумано. Не зря готовился целую неделю...Переключи монитор на камеру в большом зале.

«Что этот щенок ещё задумал? – начал размышлять Александр Борисович. – Черт с ним самим, дом жалко – столько денег вбухал!!!»

Он переключился на камеру в зале.

- Смотришь? – спросил Женька.

- Ну...

Через секунду в динамиках что-то щелкнуло и изображение исчезло.

- Пап! Нет больше зала...

Отец переключился на камеру в коридоре. – Вся толпа разом, расталкивая друг – друга рванулась к выходу из дома.

– Вот стервец! ...Павел! Где ты? – рявкнул он.

– Я здесь. На центральном пульте, – отозвался Павел.

– Оставайся там, – отец переключил монитор на Женькину комнату.

Женька, увидев лицо отца, грустно улыбнулся. «Я готов», - спокойно сказал он.

В это осеннее утро несколько миллионов человек так и не дожевали свой завтрак... «Новости» внезапно прервала странная картинка – какая-то комната, уставленная всякой видеотехникой, и мальчик, сидящий на ящике военного образца.

Женька начал говорить, глядя в камеру и иногда посматривая в сторону, где стоял простой бытовой телевизор. Он рассказывал «СВОЮ ИСТОРИЮ» «СВОИМИ СЛОВАМИ», рассказывал так, как он сам понимал всё произошедшее с ним за последние два года.

Александр Борисович тоже уставился в телевизор у себя в кабинете и напряженно слушал, умоляя всех Святых, «чтобы этот мерзавец не сболтнул чего лишнего...»

Секретарша приносила факс за факсом от разных телекомпаний. Все предлагали одно и то же: разрешение на право трансляции этого сюжета по своему каналу за сумму, во много раз превышающую месячный доход «DRX».

Директор с удовольствием подписывал эти документы. Когда ещё выдастся такая удача! И черт с ним, с этим паршивцем, черт с этим домом... Зато какой рейтинг! Какой доход! Да после этого его и пальцем не посмеет тронуть «ни одна сволочь наверху, ТАМ»...

...Скорее всего, папа чего-то неправильно истолковал, или это кому-то было выгодно (Женька уже заканчивал свою историю). Ну, и напоследок хотел бы сказать кое-что тем, кто принимает разные там законы, и тому, кто подписывает эти законы.

Александр Борисович связался с бригадой прямого эфира: «У вас там всё готово?»

- Конечно! Всё, как Вы приказали. Подследственный, следователь и мы находимся, как видите в кабинете.

- Андрей! Ты всё понял?

- Да. Следователь мне всё объяснил.

- Виктор! Всё, как и договорились? – обратился Александр Борисович к следователю.

Тот нахмурился, пожал плечами... «Зачем делать из этого Шоу? Неужели и так не ясно? ...Впрочем, делайте что хотите. Я только честно выполняю свой долг».

- Ну, вот и хорошо. Будьте на связи.
Потом он связался с Павлом.
- Слушаю, Александр Борисович.
- Павел. Весь персонал должен быть как можно дальше от дома. Где они?
- За оградой. Никто пока никуда не уходил. Ждут продолжения...
- Выйди к ним и предупреди, чтобы никому ни слова! Да, и ещё... Никакой «спецуры» на территорию и тем более в дом! – Он же точно всё повзрывает...
- Понял. Выполняю.

– Я вот что хотел бы у вас узнать, – продолжал Женька, – вы приняли закон о наказании за развращение малолетних. И я согласен с вами. Разве это допустимо, когда детей насилюют? Разве можно устраивать по всей стране бордели, где за деньги с детьми делают всё, что захотят? Нельзя делать бизнес на детской порнографии! В этом я с вами согласен.

А вы слышали о таком понятии, как «Защита Прав Ребенка»? Почему вы, не запрещая нам ЛЮБИТЬ тех, кого мы хотим ЛЮБИТЬ, пользуетесь этим и сажаете в тюрьмы людей, которых мы ЛЮБИМ? Лишь за то, что они старше нас. Кто дал вам право решать, кто меня может поцеловать, а кто нет? Кто позволил вам решать за нас, с кем мы можем дружить, а с кем нет? Ведь, согласитесь, несправедливо получается – ЛЮБИМ мы, дети, а судят, почему-то их. Тех, кто старше нас.

А как вам такая ситуация: допустим, мне завтра будет шестнадцать...- Значит ей, или ему ЛЮБИТЬ меня сегодня незаконно, а завтра – пожалуйста! – Глупость? Верно. Глупость!

ЛЮБОВЬ всегда законна, если это ЛЮБОВЬ!!! В любом возрасте! И плевали мы на ваши статьи... Вот жаль только, что ЛЮБИМ мы вместе, а судят кого-то одного. Уж лучше обоих сразу... Поразмыслите над этим. Ведь уголовная ответственность в нашей стране наступает, кажется, с тринадцати? А что? Мы готовы идти вместе с Ними!

А вообще-то я бы на вашем месте более жестче боролся с насильниками и с теми, кто делает на детях деньги.

– Пап! Я сказал всё. Всё, что смог и как смог. Я же не шоумен... Дистанционки у меня в руках видишь? Не забыл ещё? Да и все видят. – Женька покосился на телек. - Ну, теперь давай, выполняй своё обещание. Запускай в эфир бригаду из изолятора. Меня из кадра не выводи. Не лишай миллионы любопытных потенциальной возможности наблюдать как я нажму на кнопки...

Отец вздохнул и тихо проговорил в трубку: «Давайте в эфир картинку из изолятора. Женьку – в верхний правый угол отдельной картинкой».

«Да уж... Телемост...» – прошептал он сам себе.

Женька теперь уставился в телек. Вот и картинка изолятора. Лицо Андрея крупным планом.

- Андрей! Это я! Женька! Ты видишь меня?
Андрей посмотрел на контрольный монитор.
- Привет, Жень! Я вижу тебя! Как ты?
- А ты?
- Нормально!
- Я тоже. Руки только вот уже затекли...

- Ведущую в кадр, - скомандовал Александр Борисович, - и чтобы никаких «проколов»,

никакой отсебятины!

Мы ведем наш репортаж из стен следственного изолятора. Позвольте представить людей, которые находятся здесь. Следователь по делу Смирнова Андрея Викторовича Петров Виктор Семенович. Подследственный – Смирнов Андрей Викторович.

Хочу коротко, буквально в нескольких фразах, пояснить, почему мы находимся здесь, и почему передача идет в прямом эфире.

Как вам многим известно, мальчик, которого вы видите в правом верхнем углу кадра, Женя Вершинский, сын Генерального Директора нашей телекомпании Вершинского Александра Борисовича. Только что он рассказал вам о событиях, которые и послужили необходимостью вывести его и нашу бригаду в прямой эфир. Жизнь мальчика под угрозой. В его руках, как вы видите, пульта дистанционного управления взрывателями. А в ящике, на котором он сидит, находятся около пятидесяти килограммов тротиловых шашек.

Мальчик выдвинул требования – следователь должен подписать документ о том, что Смирнов Андрей Викторович ни в чем не виновен, принести ему публично извинения и освободить из-под стражи. В противном случае Женя приведет в действие пульта управления взрывателями.

- Женька! Не дури! – вырвалось у Андрея, который всё это время сидел с окаменевшим лицом слушая то, о чем говорила ведущая.

- Я не дурую, Андрюш... Просто нету другого выхода. Это последний и единственный наш с тобой шанс!

- Что ж, теперь настало время, когда мы можем выслушать мнение следователя обо всей этой ситуации, – продолжала ведущая.

Александр Борисович набрал на клавиатуре центральный пульт охраны в доме.

- Слушаю, – ответил Павел.

- Слушай, слушай! Мы давно с тобою работаем? Сколько лет – помнишь?

- Да лет, наверное, пять.

- Ты верно и честно служил мне все эти годы. И ещё послужишь. Если жив останешься... Сейчас ты спокойно выйдешь из дома и отойдешь на безопасное расстояние. Понял? Ты помнишь, сколько там шашек? «Фейерверк» представляешь?

- Всё понял. А как же Женька?

– Выполняй! – проревел Генеральный директор. «Хрен с ним, с этим домом... У меня теперь столько денег!» – уже выключив связь, прошептал Александр Борисович.

- Виктор Семенович, что вы можете пояснить Жене и всем, кто сейчас с напряжением следит за этой очень опасной ситуацией?

- Я обращаюсь к тебе, Женя, - начал следователь. – Моё дело – это честно и беспристрастно разобраться во всём этом. За то время, что Андрей провел в изоляторе, были опрошены десятки людей, проведены дознания. Был неоднократно допрошен Андрей Викторович. Ну, что я тебе могу сказать?

«Ох и бабахнет сейчас! Прощай роскошный дом. Прощай сын! И прости меня!» – подумал Александр Борисович, вслушиваясь в слова следователя.

Следователь продолжал.

– Зря ты всё это затеял, Жень! Зачем этот спектакль на всю страну? Да и отцу, сколько неприятностей... Сейчас ты аккуратно положишь на стол пульты и быстро покинешь дом. Договорились?

– Нет. Отец знает, что я упрямый. Да и терять мне уже нечего. Вы отняли у меня человека, который заменил мне маму! Вы отняли у меня человека, которого я ЛЮБЛЮ!!! Вы отняли у меня учителя! АНДРЕЙ!!! ТЫ САМЫЙ ЛУЧШИЙ УЧИТЕЛЬ В МИРЕ!!!

Женька плакал, вытирая слёзы маленькими кулачками, которые сжимали пульты.

- Ты не дослушал меня, Женья. Ввиду отсутствия улик и каких либо вещественных доказательств я закрываю «Дело» и освобождаю Смирнова Андрея Викторовича из под стражи. Теперь ты, наконец-то, положишь на стол пульты управления?

Александр Борисович был настолько шокирован происходящим, что не обратил внимания на секретаршу, которая принесла очередную папку с контрактами. Потом встал из кресла, подошел к шкафу, открыл. Наполнил огромный бокал коньяком и залпом выпил. «Сволочь.....», – он громко выругался на весь кабинет.

А в это время патрульная машина подъехала к его дому. Из неё вышел Андрей и, не обращая внимания на толпу и видеокамеры, приоткрыл ворота и медленно пошел по аллее к дому, из которого весело бежал навстречу, вытирая слёзы, катившиеся из глаз, его САМЫЙ ЛУЧШИЙ УЧЕНИК В МИРЕ!!!

Татьяна Коваленко

Сказка о Лилии и о Великой Любви

Неизвестно когда, неведомо где, но жила как-то девушка-сирота по имени Лилия. Была Лилия красавица и умница, каких мало. Многое она умела: петь, плясать, летать невидимкой, болезни разные травами лечила. Сны вещие видела. Лилия слыла доброй девушкой, потому что всегда людям помогала.

В то же самое время, в тех же местах жила чародейка по имени Моргана. Старушка не была ни доброй, ни злой колдуньей, а просто сказочной эгоисткой. Никакими особыми талантами она не обладала, поэтому завидовала Лилии черной завистью и мечтала любым способом извести. И придумала Моргана одну каверзу: наслала на Лилию заклятие, которое силы воли лишает. Превратилась девушка в замкнутую, неуверенную в себе тихоню, избегающую общества людей.

Однако чародейка ликовала недолго. Однажды, совершенно случайно, увидел Лилию Принц – королевский сын – и без памяти влюбился.

- Кто ты, милая девушка? – спросил он.

- Меня зовут Лилия. Я живу в лесной избушке, - прозвучал испуганный ответ.

- Вот тебе моя рука. Пойдешь за меня замуж?

Девушка посмотрела ему в глаза, видит: человек он хороший, и согласилась. Сыграли в

королевском дворце пышную свадьбу.

Моргана кусала локти от зависти и вскоре придумала новую хитрость. Она внушила Принцу мысль о том, что у Лилии нет качеств, необходимых будущей королеве: уверенности в себе, смелости, умения вести за собой людей... Принц любил молодую жену и всеми силами пытался превратить лесную дикарку в настоящую Принцессу, но увы... Преодолеть заклятие Морганы ему не удалось. Лилия долго не понимала причину недовольства Принца и от этого еще больше замыкалась в себе. Однажды девушка случайно подслушала разговор Принца с Королем и из их беседы поняла, что же тревожит любимого... Лилия совсем растерялась. Она ведь тоже любила Принца и хотела угодить ему, да не знала как... Бедная девушка, совсем отчаявшись, убежала из дворца и попыталась утопиться в ближайшем пруду... Но – о чудо! - она не утонула, а превратилась в цветок Лилии...

А Моргана опять оказалась тут как тут. Вернула девушке первоначальный облик, не забыв наложить на нее заклятие забвения, да и взяла к себе в услужение. Так и стала жить Лилия у чародейки, как Дюймовочка у полевой мыши, не зная, что творится на белом свете. Моргана нарадоваться не могла, что у нее такая прилежная и работающая служанка!

Принц, обнаружив исчезновение Лилии, всюду искал ее. Но девушки не было ни во дворце, ни в парке. Поисковые группы обыскали все королевство – но нигде не могли найти девушку: Моргана умела замечать следы и отводить глаза...

Мало ли, много ли времени прошло, однако Принц без Лилии совсем затосковал. Он раскаивался, что зря требовал от возлюбленной невозможного, но было уже поздно: девушка как сквозь землю провалилась. Видя, как Принц убивается, Король слег и вскоре умер от горя. Принц затосковал еще больше и совсем перестал заниматься делами государства...

...Снится Лилии вещий сон. Привиделась ей бабушка-знахарка, которая обучала ее искусству лечить людей. Рассказала всю правду о Принце, а потом и говорит: «Только ты сможешь спасти возлюбленного: если ты не вернешься, он погибнет». Проснулась Лилия и сразу вспомнила и Принца, и свою прежнюю жизнь. Устыдилась она своего бывшего малодушия, обернулась невидимкой и решительно полетела к любимому, совершенно не задумываясь о себе... Моргана, спохватившись, попыталась догнать и удержать беглянку, но настоящая любовь оказалась сильнее запретов!.. Видя тщетность своих попыток, чародейка от злости лопнула. Да и поделом ей!

Оказавшись у постели умирающего Принца, Лилия была настолько уверена в своих силах и в том, что сможет спасти его, что Смерть отступила. Когда же выздоровевший Принц открыл глаза, он не мог налюбоваться на Лилию. Это по-прежнему была его возлюбленная, но при этом – Истинная королева...

Михаил Парфенов

Посвящение в Жены Тьмы

«Это несерьезно, – думал Константин по дороге из офиса на стоянку. – За кого она меня

держит?!»

Пока прогревался мотор старенькой «Волги», Костя сидел, уставившись в невидимую точку на лобовом стекле. Внутри копилось раздражение. В горле пересохло, холодные пальцы стиснули мертвую резину рулевого колеса. Больше всего Косте хотелось вернуться в редакцию и обложить начальницу как следует.

«Разве я похож на идиота?» – он перевел взгляд на отражение в зеркальце заднего вида. Оттуда на него глядели темные, злобно вытаращенные глаза.

Это ж надо такое выдумать. Двадцать первый век и – шабаш салемиких ведьм, мать их. Зря она его сразу на кудыкину гору не послала, очкастая дура...

Стоп, а если это – проверка?

Ну конечно! Он почувствовал затылком приятный зуд, как бывало раньше, когда просыпалось внутреннее чутье – материал получится ого-го! Нечто сродни вдохновению.

Разумеется, это проверка. Глупый маленький тест, такой же маленький и такой же глупый, как сама редакторша. В конце концов, разве ему уже не приходилось сталкиваться с подобным? В том музыкальном журнале, или в желтой газетенке, когда затребовали с него интервью с американской кинозвездой... Фикция? Умение сделать из ничего что-то, превратить муху в слона – и заставить его жужжать.

Костя громко расхохотался.

«Это может быть даже интересно», – застряв в пробке, он, чтобы не терять время даром, вытащил блокнот, ручку и начал прикидывать, что к чему.

Как насчет материала на обложку? Почему бы нет! В своем таланте Костя не сомневался, а уж в том, что сумеет утереть нос всему бабскому коллективу редакции так и вовсе готов был на Библии поклясться. Благо – неверующий... В свои неполные тридцать он написал много псевдонаучной ерунды для разных изданий, но лишь одной собственной заметке верил сам. На заре карьеры, в бесшабашные девяностые, работая в полупорнографической многотиражке, наваял даже не статью, а скорее компиляцию из многих подобных, на тему размеров мозга у прекрасной половины человечества. Жаль, что в его нынешнем журнале такие вещицы принимают в штыки.

Главное, как обычно, название статейки. Завернуть им что-нибудь эдакое, чтобы глаза на лоб полезли. Сатанинские игры! Кровавая оргия! Нет, это той почившей в бозе газетке подходит, а не гламурному глянцу. Хотя смотрелось бы круто, если каким-нибудь аршинным готическим шрифтом... Тыфу! О чем ты, старик? О деле лучше думай!

Иномарка впереди чуть продвинулась, Костя тоже проехал пару метров. До заветного перекрестка, где пробка нехотя рассасывалась, осталось такими темпами еще минут пятнадцать.

Отложив письменные принадлежности, он взял мобильник и набрал давно уже заученный номер. Ухмыльнулся, услышав вместо гудка нечто дзенское.

– Алло, Макс? Привет. Я это, не узнал что ли?.. Да, можешь меня поздравить, приняли. Чо ты ржешь? Ну и черт с ним, что женский журнал, зато деньги нормальные... Ха! Не беспокойся, не обаблюсь. Ты ж не обабился, даром что полжизни в юбке бегаешь... Ладно, ладно. «Волшебный плащ», не спорю.

Откинувшись на спинку сиденья, Костя рассмеялся.

– Экие мы обидчивые, Гарри Поттер... Короче. Я ж не просто так тебе звякнуть решил. Вопрос к тебе имеется, по специальности. Да, профессионального толка... Какие там шутки! Можешь себе представить, какое мне первое задание дали?.. Слушай, иди ты со своими прокладками знаешь куда?! Да, вот именно, на полном серьезе.

Он вкратце изложил суть дела, не забывая время от времени легонько надавить на педаль газа. Светофор на перекрестке мигнул, переключился на красный свет, движение снова замерло.

– ...И вот она говорит, что не знает, способен ли я им помочь! Мол, тут нужна тонкая дамская чувствительность, интуиция и все такое. Я только что не позеленел с досады. Типа для того, чтобы в этой их чайной церемонии поучаствовать, надо телкой быть. Типа мы, мужики, чисто животные и ни черта не понимаем... Ну я ей и говорю – у меня вот тоже друзья-экстрасенсы есть. Потомственные колдуны... Да, это я про тебя во множественном числе так. Короче, эта клавиша со скрипом, но согласилась. Дала задание идиотское, чтобы проверить... Стерпеть-то я стерпел, а вот только еду сейчас в это хрен-знает-где, а что там да как – понятия не имею. Ты б меня просветил, а? Порядка ради...

– Как называется? Какие-то там жены... – Костя свободной рукой схватил блокнот и лихорадочно затряс им, стараясь найти нужную запись. – Ага, вот. «Жены Тьмы», понял? Слышал что-нибудь про них? Странно... Ты у нас маг или кто? Блин, ну хотя бы примерно можешь объяснить, чего от них ждать-то? А то может Белое Братство какое или Аумсинрике... Да. Да, слушаю.

Зажегся зеленый. Загудели стоящие сзади.

– Иди ты!.. Что? Нет, не тебе, – Костя повернул налево, к выезду из города, продолжая слушать приятеля.

– Угу. Угу... Отлично! С меня магарыч... Какая реклама? Как обычно, на развороте?! С фото? Слушай, ну ты даешь... Это женский журнал, а не из серии «аномальная аномальность», какая там может быть реклама приворотов?.. Ладно, потом. Мэйби, дарлинг... Будь здоров. Да, помню. Все люди братья, все бабы сестры. Да.

Удовлетворенно улыбнувшись, он бросил телефон на соседнее кресло.

Что толку в дорожных картах, если половина поворотов на них отсутствует?! Наверняка какая-то блондинка с двумя извилинами в башке составляла для таких же дур, как она сама. Костя забросил бесполезный справочник на заднее сиденье, уменьшил скорость и стал внимательнее смотреть по сторонам, чтобы не пропустить нужный ориентир. Городская черта уже давно исчезла из виду, закончилась череда дачных участков, да и последнюю пригородную сараюху он проехал часа два назад. Дорога сузилась, справа и слева выросли вековые ели. Машина подпрыгивала там, где старый разбитый асфальт сменялся ухабистым проселком. Минут сорок назад отрубилась магнитола, сотовый отказывался ловить хоть какие-нибудь сигналы, и теперь Косте приходилось жать на педали под аккомпанемент собственных ругательств.

Чертовы бабы, думал он. Вечно строят из себя... У него резюме, стаж журналисткой работы, так нет же – проверяют! Сомневаются в квалификации, да? Был бы мужик редактором журнала – на словах бы послал, в крайнем случае. А эта... эта послала на самом деле.

Допустим, его обманули. Эдакие феминистские шуточки. Что делать? Развернуться и ехать обратно, пока не стемнело? Хорошо бы, но... Что, если все-таки в этих лесах действительно что-то есть? Тогда получается, он правда не справился с заданием?

Можно, конечно, самому взять и сочинить историю, а потом просто выдать ее за фактический материал. Не впервой же. Может быть, в том и заключалась проверка?

Может, да. А может, нет. Его прежний начальник сказал бы прямо: номер горит, Костя, спасай, подключай воображалку свою. Но то мужик... А у баб все совсем иначе, у этих прямо говорить, чего им от тебя надо, не принято. Вот и поди пойми!

Ничего, в который раз сказал себе Костя, прорвемся. Зато, когда вольюсь в коллектив, можно очень даже недурно устроиться. Это ж райские кущи, курятник нетоптанный. Куда не глянь – аппетитная попка, стройные ножки, глазки стреляют из-под очечков в тонкой оправе. Есть где развернуться бравому парню вроде него.

Меж тем дорога загнула крючком, лес вдруг закончился, и «Волга» оказалась на пустынном пятачке. Далее в разные стороны уходили несколько пыльных сельских троп.

На распутье одиноко, как камень из сказки, торчала деревенская рубленая изба. Старая, с позеленевшими от времени стенами и покосившимся частоколом вокруг. Хорошо хоть не на курьих ножках.

Кажется, как раз про это обиталище редакторша говорила. «Там спросишь, куда дальше...» Значит, правда. Значит, и Жены Тьмы где-то тут...

Костя остановил машину напротив невысокой калитки, высунулся в окошко и громко крикнул:

– Эй, хозяйева! Есть кто живой?

В частоколе что-то скрипнуло в ответ, да и только. Тогда Костя надавил на кнопку сигнала. Раз, другой, третий – последний подольше, пока клаксон не захлебнулся.

Наконец, дверь отворилась, и на крыльце нарисовался дедок. Матерясь в седую бороду, старче спускался по ступенькам навстречу вылезшему из машины гостю. И в трясущихся руках держал ружье.

– Отец, полегче, ты чего? – Костя вдруг испугался. Черт их знает, местное население, ша как бабахнет, а потом захоронит где-нибудь в чаще. И поминай, как звали! – Журналист я, слышь? Отец, я дорогу спросить...

Дед опустил двустволку, подгреб к калитке, подслеповато сощурился, вглядываясь в лицо приезжему.

– А чего? Куда?

Костя принялся – от деда несло перегаром. На душе стало легче – наш человек!

– Знамо куда, – бодро сказал журналист, копируя деревенский говор. – Где тут у вас... Тьма?

Еще в дороге подумал и вроде бы здраво рассудил, что раз Жены Тьмы, так значит деревенька какая-нибудь так называется, не иначе. Община староверов или еще что в этом роде. В самом деле – не всерьез же в этой глухомани тайное дамское общество дислоцируется?

– Тьма-то ночью приходит, – пожал плечами старик.

– Ну это, – принялся объяснять Костя, – место тут у вас должно быть, где ваши бабенки тусуют. В смысле собираются там... Ну что-то вроде клуба!

– Ага, – немедля подтвердил дед и снова сощурился. На миг Косте показалось, что старец прячет в бороде ехидную улыбку. – Есть такое. Тама в жены посвящают.

– Дворец бракосочетаний что ли? – хмыкнул Костя понимающе. – А как бы мне туда проехать?

– А никак, – неопределенно махнул тот. – Не вишь, что ль? Дорога непроездная тут. Токма машину угробишь. Ты лучше ее загни за дом, а сам пешком. Тут недалече...

– У тебя там стоянка что ль, отец?

– Знамо, стоянка, – кивнул борода. – Много тама таких уже было...

«Тама» – это где? – подумал Костя. У Жен Тьмы или на стоянке? И на хрена его сюда редакторша отправляла, если к ним и так народ постоянно ездит? А еще, подумал Костя, странно, что магистр черной магии мой про все про это ни сном, ни духом...

Подозрения его копились, но делать было нечего. Снова сел за руль, заехал за угол. Здесь, в высоченной, по пояс, траве застыли проржавевшие остовы машин. Он узнал покореженные останки пары запорожцев, кабину уазика и даже одну иномарку, наполовину вросшую в мягкую землю.

Интересный огород... Это, получается, либо свалка, либо... Либо дед чем-то нехорошим промышляет. А что? Каждый у него дорогу спрашивает, да не каждый обратную дорожку находит.

– Слышь, отец! – хохотнул он, выходя из машины. – А фамилия твоя не Сусанин случайно?

Костя обернулся как раз чтобы увидеть, как сверкнула в воздухе, стремительно

приближаясь, сталь. В следующий миг что-то тяжелое и твердое врезалось журналисту в лоб, и он потерял сознание.

– Бу-бу-бу, бу-бу-бу... – донеслось как будто издалека.

Костя открыл глаза, несколько раз моргнул, пытаясь сообразить, где находится.

– Там-там-там... тьма-тьма-тьма... – нестройный разноголосый хор повторял одно и то же.

– Что за?.. – перед глазами было темно, но стоило опустить взгляд вниз и там, в нескольких метрах от своих почему-то босых и почему-то крепко обвязанных бечевой ступней он увидел окружавшие его бледные лица.

– Там-там-там... тьма-тьма-тьма...

Они стояли в темноте, освещенные только звездами. Мужчины и женщины. В основном женщины: старухи, дородные деревенские бабы, молодые красавицы... Он узнал среди них кое-кого из города. В бесформенных хламидах, с растрепанными волосами, с широко раскрытыми, но ничего при этом не выражающими глазами.

– Что происходит? – крикнул Костя им сверху.

Вперед вышел давешний старик, струйка слюны блестит в темноте, стекая из уголка рта вниз по бороде.

– Тьма-тьма-тьма... – бормотание стало громче.

– Что вы делаете?! – обратился к старику Костя, пытаясь перекричать остальных.

– Знамо чего, – ответил дед. – Посвящение...

Он что-то достал из-за спины, присел прямо под Костей. Тот услышал треск, уколола босую пятку искра, а через мгновение там, внизу, затеплился огонек – пока еще маленький, но с каждой секундой растущий. Жадные языки пламени начали подниматься вверх, пожирая сложенные горой ветки и хворост.

Какого черта? Они что, собираются меня сжечь?!

Костя яростно забился, пытаясь высвободиться, но тщетно – руки крепко связаны за спиной, и торс тоже намертво притянут к древесному столбу. А огонь уже лижет сам столб в полуметре от Костиных ног, и кислый дым попадает в ноздри.

– Тьма-тьма-тьма... – возносится к ночному небу бормотание – и тьма расступается.

Этого не может быть! Это какая-то идиотская шутка!

– Люди, вы чего? Люди?!

– Тьма-тьма-тьма... – они берут друг друга за руки и начинают водить хоровод.

Какое-то языческое безумие. Это не со мной происходит!!!

– Раньше ведь как было, – хихикает старче снизу. – Женчина всем заправляла, у пращуров наших. Каждый знал – святой огонь токмо женчина сберечь может... Потому, что Тьма над всеми. Из нее мы вышли, в нее и уйдем. И много есть жен у Тьмы, дюже много. И это все – грешные жены...

– Тьма-тьма-тьма!

– Тупые сучки!!! – кричит Костя, срываясь на визг, потому что пламя уже добралось до мяса. – Я НЕ ЖЕНА! Я мужчина, мужчина!!!

В круг света вступает, выбившись из хоровода, низенькая женщина в очках. Костя с ужасом узнает редакторшу.

– Глупый, – произносит она, скидывая с себя одежду. Седобородый тоже лихорадочно срывает свое тряпье, и все вокруг, радостно хохоча, раздеваются. – У Тьмы ведь нет пола, ей – все равно...

Секунду назад скакавшие в сатанинской пляске люди валятся на землю, друг другу в объятия. Костя кричит, но крик его тонет в множестве сладострастных стонов.

Спустя несколько часов в лесу опять становится совершенно темно.